Г
К 19
Кандидов Б.
Церковный
фронт...
1928

Г
К19

Религия — дурман для народа

БОРИС КАНДИДОВ

ЦЕРКОВНЫЙ ФРОНТ
В ГОДЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

АТЕИСТ

176578

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА

Принимается подписка на ежемесячный журнал-сборник научных материалов

„АТЕИСТ"

ЕГО ОТДЕЛЫ:

1) **Религиозно-исторический и культурно-исторический**— статьи по вопросам истории религии и культуры как в нашем, т. е. **материалистическом** освещении, так и в освещении идеологически чуждых нам, но дающих обширный **фактический** материал исследователей, **особенно иностранных**, поскольку этот материал может быть использован в интересах воинствующего атеизма.

2) **Церковь и государство**. Отдел посвящен разоблачению контрреволюционной и шантажной деятельности церковников какого бы то ни было культа.

3) **История атеизма.**

4) **Хроника** антирелигиозного движения у нас и за рубежом.

5) **Библиографический**—сведения и отзывы о книгах и статьях в области религии и ее критики, выходящих у нас и за рубежом.

Реда[illegible]екулов, проф. [illegible]оф. Н. П. Ка[illegible]ф. В. Ж. Ни[illegible]тв. редактор).

[illegible]:

На 19[illegible] . 7 р. 50 к.
. 4 р. — к.
Отдел[illegible] . — р. 75 к.
Журн[illegible]
Комп[illegible] . 5 р. — к.
„ . 7 р. — к.
„ . 7 р. 50 к.

[illegible]1.

[illegible]—12.

Г
К19

Религия—дурман для народа.

261.7

БОРИС КАНДИДОВ

ЦЕРКОВНЫЙ ФРОНТ
В ГОДЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

653/2

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
(ДОПОЛНЕННОЕ).

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУР
№ 176578

1928

Москва, Гублит № 53648.
Тираж 10.000 экз.
Типо-литография им. Воровского.
Пенза. 1929.

ОТ АВТОРА КО 2-му ИЗДАНИЮ.

Около 3-х лет прошло с тех пор, как была закончена настоящая работа. За это время мы не раз стояли перед опасностью новой мировой войны. В эти годы продолжался бешеный рост вооружений, росли военные бюджеты, углублялись противоречия капиталистического строя. События последних лет ярко свидетельствуют нам, что жало войны капиталистический мир в первую очередь направляет против нашей страны раскрепощенного труда, против Союза Советских Социалистических Республик. До сих пор все провокационные попытки в этом направлении оказались неудачными, однако, мы знаем, что таланты организаторов и поджигателей войны велики, и каждый день и час мы можем ждать новой попытки зажечь пожар войны.

Тысячи фактов свидетельствуют нам, что теперь, как и прежде, милитаристическая работа религиозных организаций имеет очень большое значение. Как в армии, так и среди населения религиозные организации капиталистических стран исполняют для подготовки войны незаменимую для капитала работу. Эта деятельность многогранна. Пацифизм и ярко реакционное, в религиозно-милитаристическом духе, воспитание солдат капиталистических армий является, в общем двумя сторонами одной и той же монеты. И, опять таки, в полном соответствии с интересами капиталистов и помещиков всех стран духовенство всех родов оружия усиленно работает над подготовкой нападения на советскую республику, работает над тем, чтобы это нападение могло совершиться как можно скорее и дало бы возможность мировому капиталу окончательно сокрушить оплот мировой революции.

Таким образом тема о милитаристической деятельности религиозных организаций еще на долгое время останется актуальной. Вот почему полезно знать и помнить, какую работу развивало духовенство в дни мировой войны. Опыт прошлого—даст возможность сделать выводы для настоящего и будущего.

Совершенно особое значение приобретает сейчас вопрос о сектантстве. В капиталистических странах сектантские организации работают над организацией антисоветского фронта, а у нас—над разрушением нашей обороноспособности, нашей Красной армии, нашей боевой революционной мощи. В силу этого автор счел необходимым ввести в настоящую работу новое дополнение—очерк на тему „Сектантство и война 1914—18 г.г.“. Правда, разработка этой темы оставляет желать лучшего, и впоследствии будет полезно эту тему осветить более подробно.

I. ПРИЧИНЫ И ВИНОВНИКИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

Империалистическая бойня продолжалась 4 года 3 месяца и 26 дней. Из 59 независимых государств мира в войне приняли участие 34. Этими государствами было мобилизовано до 70 миллионов человек, которые при помощи всех достижений современной военной техники занимались взаимным самоистреблением.

Почему же началась эта бойня? В силу каких причин были брошены друг на друга рабочие и крестьяне Германии, России, Англии, Франции, Австро-Венгрии, Италии, Румынии, Турции, Черногории, Сербии и т. д. и т. д.?

Кто был виновником этого бессмысленного массового убийства миллионов трудящихся?

Теперь, после кровавого опыта войны, после того как были оглашены тексты секретных документов, свидетельствующих о грабительских замыслах правивших классов, после Версальского договора, не может быть спора о характере войны, о ее причинах, целях и виновниках. Еще в августе 1914 г., когда только что разгорелось пламя мирового кровавого пожара, тов. Ленин писал:

„Европейская и всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазной, империалистическо-династической войны. Борьба за рынки и грабежи стран, стремление одурачить, разъединить, перебить пролетариат всех стран, натравить наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии—таково единственное реальное содержание и значение войны...“

Изучая стремления капиталистических шаек, мы видим полное подтверждение вышесказанного.

Буржуазия Англии стремилась к захвату новых колоний в Африке и Азии, стремилась к разгрому военного, и главным образом, морского могущества капиталистов Германии, угрожавших ее владениям.

Капиталисты Франции стремились забрать Сирию, Эльзас-Лотарингию, богатые угольные земли Германии, расположенные вблизи Рейна и т. д.

Германский империализм также имел широкие грабительские аппетиты. Они выражались в желании забрать Бельгийское и Французское Конго, Месопотамию и многие другие колонии, уже захваченные другими хищниками капитала. Известный манифест германских ученых требовал аннексии всей Бельгии, части русских областей, французских и т. д.

Рорбах, один из вождей германского империализма, заявлял: „Малая Азия или Месопотамия нам необходимо нужна“.

Такие же грабительские планы составляли капиталисты других стран, даже самых мелких.

Российский империализм, конечно, не был исключением. Царская Россия стремилась к захвату Константинополя и проливов из Черного в Средиземное море, к полному разделу Турции, к захвату Турецкой

Армении, Галиции, стремилась получить преобладающее положение на Балканах, чтобы иметь возможность без всякой помехи надеть хомут на шею рабочих и крестьян Сербии, Черногории и Болгарии. Соответствующее давление оказывал также французский капитал вливший в российскую промышленность громадные суммы.

Таким образом, бойня 1914—18 г.г. как со стороны Антанты, так и со стороны Германии и ее союзников была—как говорил тов. Ленин—„империалистической (т.-е. захватной, грабительской, разбойнической) войной, войной из-за дележа мира, из-за раздела и передела колоний".

Правда, буржуазия каждой страны, участвовавшей в войне, эти действительные причины войны скрывала от трудящихся. В самом деле, кто из трудящихся пошел бы на раны и на смерть, зная, что его гибель и сиротство семьи послужат золотому мешку?

Кто пошел бы убивать рабочих и крестьян других стран, сознавая, что кровь трудящихся переделывается капиталом в барыши и прибыли.

Конечно, никто!

По обе стороны фронта буржуазия лгала трудящимся о „великих целях войны", о защите родины, о том, что настоящая война, есть война последняя, великая и священная и, при помощи этой лжи, скрывая тайну происхождения войны, гнали на убой рабочих и крестьян.

Следовательно, истинными виновниками войны являются капиталисты всех стран со своими грабительскими аппетитами

Но не одни они.

К началу бойни рабочий класс был во многих странах достаточно организован и он мог не допустить войны. Однако, во главе рабочего движения стояли социал-предатели, буржуазные прислужники. Эти предатели вместе с попами всех стран помогли господствующим классам обмануть трудящихся.

Следовательно, они, вместе с буржуазией, являются виновниками бойни, в течение долгих лет сеявшей муки, страдания и смерть для трудящихся.

II. ВО ЧТО ОБОШЛАСЬ БОЙНЯ ТРУДЯЩИМСЯ.

Много лет прошло с тех пор как окончилась бойня, но до сих пор народы мира не могут залечить тяжелые раны войны.

За годы бойни было убито около 10 миллионов людей цветущего возраста. Таков кровавый урожай. 10 миллионов трупов. Если этих людей положить в ряд одного к одному, можно было бы уложить мертвецами расстояние в 20 тысяч верст. Раненых, искалеченных, больных, оставшихся инвалидами война сделала около 20 миллионов. Кроме этого, человеческие потери от уменьшившейся рождаемости составили 20.250.000 и от увеличения смертности 15.130.000 человек *).

Таким образом, в общем итоге, считая калек и больных и не считая пленных, мы получаем итог войны в количестве около 65 миллионов людей. Эта цифра составляет больше 1/10 населения всех государств принимавших участие в мировой войне.

Одновременно с убийством рабочих и крестьян, убийством самых сильных, здоровых, молодых—взлетало на воздух все то, что в течение многих лет было создано ценою тяжелого труда. Многочисленные города со всеми своими постройками, музеями, книгохранилищами, памятни-

*) Е. Варга. „Сколько стоила мировая война". Цифра инвалидов взята у Флеровского „Мировая война".

ками искусства былых лет, многочисленные мирные села и деревни, поля и долины, где некогда процветал мирный труд,—все это,—превращалось в черные поля смерти. За годы войны мировому хозяйству был нанесен жесточайший урон. Одни лишь военные издержки составили чудовищную сумму. По данным Финдмана и Богарта, приводимым Е. Варга, одни лишь эти издержки составили сумму 249.362 миллиона долларов. На наши деньги это означает без немного 500 миллиардов рублей. Эта сумма настолько велика, что ее трудно представить.

Если же к ней прибавить убытки от опустошений на театрах военных действий, от потопленных пароходов и т. д. и т. д., то сумма убытков, по данным Е. Варга, составит около 700 миллиардов золотых рублей. По статистике английского ученого Эдгара Клерсмонд, сумма убытков оказывается еще более крупной, а именно не менее 800 миллиардов золотых рублей.

Все войны за прошлые столетия стоили лишь 41 миллиард рублей, следовательно стоимость войны 1914—18 г.г. превышает их почти в 20 раз. Национальное имущество С. Штатов, Англии, Франции, России, Италии, Бельгии, Японии, Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии оценивалось до войны в сумме 576 миллиардов долларов и значит, одни лишь военные издержки составят больше чем одну треть их стоимости. Иначе сказать, эти убытки составляют сумму большую чем стоимость национального имущества Англии, Франции, России, Италии, Бельгии, Японии, Турции и Болгарии.

Тяжесть всех этих результатов войны легла на трудящихся. Зато во время войны многие капиталисты получили громадные доходы. Так, например, Дюманские пороховые заводы Америки выдали в дивиденд 200% на капитал. Акции „Вифлеемского общества“ пороховых заводов, в той же Америке, первого июля 1914 г. стоили 41 доллар, 30 июля 1915 г.—259 долларов, а 25 мая 1916 г.—458 долларов, следовательно, меньше, чем за два года, увеличились больше чем в 11 раз. Во время войны немецкие капиталисты в своем органе писали: „Если бы нам превратить теперь всю нашу страну в один огромный орудийный завод, а потом позаботиться о том, чтобы остальной мир не перестал вести войны, а заказывал бы у нас оружие, то мы, конечно, могли бы делать блестящие дела“.

Таким образом, на страданиях десятков миллионов трудящихся, на их разорении, на мучительной смерти—капитал получал крупные доходы.

III. ПРИГОТОВЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ К ВОЙНЕ.

Одновременно с подготовкой к проведению так называемой большой военной программы, одновременно с изготовлением запасов снарядов, бомб, патронов и пр. средств истребления, царское правительство, совместно с религиозными организациями, принимает меры к подготовке попов.

Одно стоит другого!

В правительственной, военной, буржуазной и поповской печати появляются статьи о необходимости наилучшей постановки поповской работы в армии, при помощи которой, дескать, удастся поднять боеспособность армии и внушить солдатам преданность «престолу и отечеству».

В рядах царской армии к этому времени существовал строго централизованный, иерархический аппарат военных и морских попов, называвшийся ведомством протопресвитера военного и морского духовенства.

Деятельность этого ведомства, приведение его в боевую готовность, становится предметом оживленных обсуждений.

Протопресвитер Шавельский, главный начальник военных попов, предпринимает ряд поездок с целью инструктирования своих подчиненных. Для господ офицеров организуются лекции на которых им разъясняется польза исполнения религиозных обрядов, заключающаяся, видите ли, в том, чтобы быть для солдат примером. По распоряжению начальника главного штаба поднимается вопрос „о допущении священников воинских частей в комиссии по образованию и развлечению нижних чинов" *).

Наконец, в марте 1914 г., вскоре после совещания царского правительства с буржуазными представителями, на котором были одобрены крупные военные кредиты, выносится, по инициативе Шавельского и военного министра, решение—созвать в ближайшем будущем в Ленинграде (тогдашнем Петербурге) с'езд военно-морского духовенства. Было решено вызвать на с'езд представителей следующих военных округов:

от Петербургского	4	от Казанского	2
„ Виленского	4	„ Кавказского	4
„ Варшавского	5	„ Туркестанского	2
„ Киевского	5	„ Омского	1
„ Одесского	2	„ Иркутского	2
„ Московского	5	„ Приамурского	2
		ИТОГО	38

Как видим, наибольшее количество участников с'езда падало на те военные округа, которые должны были, в ближайшем времени, стать театром военных действий.

В первых числах апреля в указанные округа была разослана программа занятий с'езда, первоначально состоявшая из семи отдельных пунктов.

Согласно этой программы с'езд должен был разработать вопросы поповской практики в условиях мирной и, главное, военной обстановки. Одновременно с этим, военно-духовное правление при протопресвитере Шавельском предписало гарнизонным попам Царского села, Петергофа, Ревеля, Кронштадта, Гельсингфорса, Выборга, Новгорода, Москвы, Воронежа, Н.-Новгорода, Орла, Вильны, Двинска, Гродно, Риги, Бобруйска, Сувалок, Ковно, Варшавы, Брест-Литовска, Новогеоргиевска, Белостока, Казани, Симбирска, Оренбурга, Киева, Житомира, Харькова, Севастополя, Одессы, Николаева, Тифлиса, Карса, Александрополя, Кутаиса, Ташкента, Самарканда, Асхабада, Иркутска, Омска, Никольск-Уссурийска, Владивостока и Хабаровска организовать, каждому в своем районе, предварительные с'езды местного военного духовенства.

Таким образом, одних лишь предварительных с'ездов было намечено целых сорок пять.

Военная печать уделяла подготовляемому с'езду большое внимание, подробно обсуждая пользу религии для милитаризма.

С'езд начался в г. Петрограде 1 июля и продолжал свои занятия до 12 июля.

Царское правительство придавало с'езду большое значение. Перед открытием с'езда, утром 1 июля, Николай Романов заявил протопресвитеру Шавельскому, главному начальнику военно-духовной администрации, о необходимости с'езду достигнуть „наилучших успехов". От

*) Письмо на имя протопресвитера Шавельского за № 25286.

имени военного министра при открытии с'езда председателем была получена следующая телеграмма: „Прошу передать с'езду военного духовенства мою сердечную благодарность... и горячее пожелание полного успеха заседаниям под вашим председательством". В свою очередь председателем с'езда военному министру была послана нижеследующая телеграмма: „Открытый сегодня под моим председательством первый Всероссийский с'езд военного и морского духовенства, выслушав переданное мне лично его величеством высокомилостивое пожелание с'езду наилучшего успеха и божия благословения, почтительнейше просит ваше превосходительство повергнуть к стопам его императорского величества одушевляющие членов с'езда верноподданические чувства горячей любви, беспредельной преданности и всемерной готовности до гробовой доски служить изо всех сил на славу обожаемого государя".

Подпись: Протопресвитер Шавельский.

На этой телеграмме Николай Романов кладет резолюцию: „Прочел с удовольствием".

При открытии с'езда „все собрание единодушно и весьма одушевленно,—как сообщал „Вестник военного и морского духовенства",—пропело многие лета" своему помазаннику и, после этого, председатель Шавельский произнес речь, из которой мы видим, как готовилось духовенство к ожидаемой бойне.

„Долг, который наложен на нас,—сказал Шавельский,—и нашим посвящением царю небесному, и нашей присягой царю земному, и нашим званием христианина,—**не продремать** настоящего момента... Я напомню о совершенно исключительном положении военного духовенства: ему вверены души всех защитников царя... Дана возможность,—нет, более того, на него положена непременная обязанность—возвышать дух армии. На этом с'езде военно-морское духовенство должно показать обществу, что оно понимает важность исторического момента".

Выслушав эту речь с'езд занялся рассмотрением следующих вопросов:

1) „О составлении общей инструкции или памятки для военно-морского духовенства".

2) „О богослужении".

По данному пункту с'езд наметил ряд мер, направленных к тому, „чтобы богослужение оказывало больше влияния на молящихся". Чтобы они, по выражению „Русского инвалида", „очарованными вышли оттуда и сказали, что там сладко, там хорошо". Задача церковных церемоний, постановил с'езд, преследует цель „поднятия в массах патриотического чувства". („Русский инвалид" за 1914 г. стр. 554).

3) Училищная секция подробно рассматривала вопросы церковного „просвещения", задача которого была указана „в оправдании военного долга учением слова божия и священно-историческими примерами чтобы воспитать воинов до степени сознательной готовности, положить душу за веру, царя и отечество". (В. в. и м. дух.". № 15—16 за 1914 г.).

Была выработана также программа внебогослужебных бесед и в основу этой программы была взята идея книги св. Путилина „Уроки закона божия...". Эта идея, как указано во введении (стр. 3), заключается в следующем тезисе: „Служба воина требует от него крови и жизни. Не сегодня, так завтра, или может быть через год—два, но все же, по первому приказанию он должен итти на смерть... Чтобы охотно отдать жизнь... его могут убедить и воодушевить только те основания, которые

даст ему его святая вера". В интересах поднятия церковной проповеди было предложено военному духовенству тщательно изучить и использовать все случаи убийств и преступлений, совершенных христианскими святыми, и затем с'езд признал необходимым „поощрять пастырей-проповедников присуждением возможно большего количества... денежных премий за... проповеди и поучения", оправдывающие убийство. „Деятельность полкового пастыря,—заявила училищная секция,—должна еще выражаться в особом назидании порочных (непокорных начальству и царской власти) воинских чинов, сведения о коих должны давать полковому священнику ротные и эскадронные командиры". По докладу секции постановили установить тесное единение с офицерским составом „в целях совместной работы к просвещению воинов в духе преданности престолу".

В качестве мер, укрепляющих единение, наметили следующие: 1) „Установление периодических совещаний командира части с участием священника и старших господ офицеров для обсуждения нежелательных явлений в жизни и поведении нижних чинов и для выработки мер борьбы с этим явлением". 2) „Участие отцов благочинных на совещаниях в дивизионных штабах, под председательством начальника дивизии, с командирами частей для обсуждения вопросов служебного и воспитательного характера". 3) „Открытие должности окружных священников, но отнюдь не за счет уничтожения должности дивизионных благочинных, для сношений по служебным делам с командующими войсками и командирами корпусов", и т. д.

Помимо трех вышеуказанных секций работали и другие, решавшие как лучше морочить солдатские головы.

По окончании с'езда попы представились Николаю Романову, причем от имени с'езда председатель произнес следующую речь: „Ваше императорское величество. Перед вами представители военного и морского духовенства, с'ехавшиеся с разных концов вашей необ'ятной державы, чтобы вместе со мной обдумать нашу общую думу, как нам лучше, надежнее, послужить вам, великий государь... Преисполненные благоговейных чувств и вечной верноподданической благодарности вашему императорскому величеству за драгоценное, окрылившее нас пожелание успеха с'езду, за ту великую милость, какую вы явили, разрешив нам сегодня предстать перед вами, все мы, готовые послужить вам изо всех сил, до гробовой доски, готовые во всякую минуту и умереть за вас, усердно просим вас принять во благословение образ величайшего подвижника, преподобного Сергия Родонежского, показавшего нам величайший пример, как **пастырь церкви, служа царю небесному может, и должен в то же время, служить царю земному".**

Эта умилительная речь так тронула сердце отпрыска дома Романовых, что он с каждым из попов—как указывал отчет о с'езде—„здоровался со взаимным целованием рук и каждого из них изволил осчастливить милостивыми вопросами". („В. в. и морск. дух." № 15—16 за 1914 г.).

Говоря об итогах с'езда „Вестник военного и морского духовенства" писал: „С'езд сыграл колоссальную роль своевременной и всесторонней подготовкой духовенства к деятельности на текущей войне". (№ 22 за 1915 г.).

Недаром Николай Романов, по словам Шавельского, так отзывался о совершившихся в скором времени подвигах ружейно-христианской организации:

„Я никогда не слыхал ничего подобного о работе военного духовенства; отовсюду слышу самые восторженные отзывы о нем". („В. в. и морск. дух." № 22 за 1916 г.).

IV. ОБ'ЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ И МОБИЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ.

1) Как началась война?

28 июня 1914 г. в Сараеве раздался выстрел, привлекший внимание всего мира Этим выстрелом Гаврило Принцип молодой сербский патриот убил Фердинанда Габсбурга, наследника Австрийского престола.

От имени австрийского правительства Сербии был послан известный ультиматум, смысл которого был прост и ясен: Сербия должна была превратиться в колонию Австро-Венгерских помещиков и капиталистов. Этот ультиматум был составлен по указанию правительства Германии. Спрашивается почему?

На этот вопрос один из представителей германского империализма Пауль Рорбах отвечает: „Мы должны считать за счастье, что благодаря лишению жизни Фердинанда Габсбурга, великий заговор против Германии нашел себе исход раньше предположенного срока. На два года спустя война была бы для нас гораздо тяжелее, жертв было бы больше, самый исход войны стал бы сомнителен". Эти слова, написанные тогда, когда германская буржуазия рассчитывала победить, свидетельствуют, что Сараевский выстрел был лишь удобным случаем, который германский империализм счел необходимым использовать для начала войны, ибо для него было выгоднее начать войну в данной обстановке. Вспомним, что царское правительство полагало напасть на Германию несколько позднее, приблизительно в начале 1915 г. Однако раз благоприятный повод подвернулся, упускать его, ясное дело, не приходится.

Сербское правительство на австрийский ультиматум ответило отказом, хотя знало о слабости своих войск перед австрийскими, так как за спиной Сербии стояла Антанта, готовая воспользоваться благоприятным для войны поводом.

Банкиры, биржевики и помещики как Антанты, так и центральных государств не сделали ничего, чтобы урегулировать конфликт путем мирных переговоров.

Царское правительство об'является мобилизацию, что было равносильно об'явлению войны Австро-Венгрии и Германии и через несколько дней, с помощью социал-предателей, кровавый мировой пожар был уже в полном разгаре.

2) Мобилизационные распоряжения синода в связи с об'явлением войны.

Мы видели, что церковные организации наравне с штабами усердно подготовлялись к войне. И, конечно, как только запахло порохом и кровью, церковный аппарат немедленно мобилизовался. Руководящим мобилизационным центром явился святейший правительствующий синод, главное начальство черного воинства. Лживый царский манифест с об'явлением о войне, призывающий подданных забыть „внутренние распри", укрепить „единение царя с народом", и, переполненный указаниями на веру, всемогущий промысел, божье благословение и т. п,, этот манифест со стороны синода тотчас получил соответствующий отклик. По выходе манифеста (20 июля по старому стилю) синод в полном составе отправляется в Казанский собор, где тотчас отслужили молебствие о даровании победы российскому воинству.

Согласно расписанию синодальных заседаний ближайшее заседание должно было состояться на следующий день. Однако, синод счел необходимым немедленно утвердить распоряжения о мобилизации православной церкви. По окончании молебствий состоялось „заседание

посвященное обсуждению церковных мероприятий по поводу начатия военных действий" („Церковный Вестник" № 30 за 1914 г.).

Синодальное определение гласило:

„По указу его императорского величества, святейший правительствующий синод имел суждение по высочайшему манифесту, данному 20-го сего июля, о войне с Германией. Приказали: **господь**, содержащий в своей деснице судьбы царств и народов в мире и во брани, **призывает ныне Россию ополчиться на брань**. Преклоняясь перед неисповедимыми судьбами божественного промысла и признавая необходимым, чтобы каждый из духовенства и мирян, всецело **предав себя воле Божией, указуемой словом царевым**, с своей стороны, по верноподданническому долгу, без всякого промедления предпринял все зависящие от него и ему доступные способы и меры к благоденствию отечества в успешном окончании войны, святейший синод, по сообщении о высочайшем манифесте, определяет: 1) Высочайший его императорского величества манифест, напечатав, в „Церковных Ведомостях", обнародовать, по предварительном сношении с местными гражданскими начальствами, прочтением после божественной литургии—в городах в первый по получении манифеста день, а в селах—в первый воскресный или праздничный день. 2) При обнародовании манифеста совершить молебствие ко господу Богу о даровании победы христолюбивому российскому воинству, ревнуемое во время брани противу супостатов, с коленопреклонением, по чину, напечатанному в последовании молебных пений, с произнесением при этом пастырского поучения. 3) Во всех церквах приносить господу богу вседневные молитвы о победе над врагом, кои и напечатать в ближайшем № „Церковных Ведомостей" и особым к ним приложением. 4) Призвать монастыри, церкви и православную паству к пожертвованиям на врачевание раненых и больных воинов и на вспомоществование семействам лиц, призванных на войну. 5) Во всех церквах установить особые кружки для сбора пожертвований в пользу Красного Креста и семейств, пострадавших от войны, каковые кружки обносить среди богомольцев за каждым богослужением, за коим обносится блюдо или кружка для сбора пожертвований. 6) Призвать монастыри, общины и все духовные учреждения к отводу и приготовлению всех свободных и могущих быть свободными помещений под госпитали для раненых и больных воинов и к содействию поддержания сих госпиталей на все время надобности в них. 7) Призвать мужские и женские монастыри и общины к немедленному подысканию и подготовлению способных и благонадежных лиц для ухода за ранеными и больными воинами как в самых обителях, так и в других местах, по распоряжению управления Красного Креста. 8) Призвать монастыри, общины и всех боголюбивых людей к заготовлению собственными силами и средствами принадлежностей для оборудованию госпиталей, какие окажутся возможными и потребными. 9) Призвать все православное население, по заповеди Христовой о братской любви к ближним, иметь особливую заботу об облегчении печали и улучшении материального положения жен и детей лиц, призванных к военным действиям и обязанных покинуть свои семьи. 10) Призвать все православное духовенство в своих поучениях располагать свою паству к содействию всеми мерами и способами успеху войны и облегчению участи так или иначе от нее потерпевших. 11) Призвать всех православных людей, без различия звания, положения, возраста и пола,—в настоящий час испытания для нашей родины оставить взаимные несогласия, ссоры, распри и обиды, крепкою стеною сплотиться у царского престола и по царскому

зову охотно и бодро итти на защиту отечества всеми способами и мерами, какими кому предназначено и указано, не щадя, по примеру славных своих предков своих сил, достояния и даже жизни, памятуя, что позор и гибель падут на главу ленивых, своекорыстных и предателей, а тем, кои принесут свое достояние и свою жизнь на алтарь отечества, уготована вечная слава в роды родов". (Опр. № 6502).

Следующее определение синода за № 6503 предлагало попам немедленно организовать в каждом приходе так называемые „попечительные советы", обязанности которых должны были заключаться в мелочных подачках семьям призванных.

На этом же собрании был утвержден текст особого послания „чадам православной российской церкви", которое предлагалось читать для назидания верующих во всех церквах.

Вот его текст:

„Всемогущему богу, в неисповедимых судьбах его, угодно было ниспослать отечеству нашему новую годину тяжкого испытания.

Верный заветам христа спасителя о братской любви и жизни в мире со всеми народами земными, народ русский в течение своей многовековой истории, неизменно стремился к мирному прохождению своего жизненного пути. Но вместе с тем народ русский всегда считал своею священною обязанностью защищать слабых и угнетаемых меньших братий, родных по вере и по племени, памятуя слово господа: „больше сея любве никтоже имать, до кто душу свою положит за други своя".

Ныне Россия нежданно вовлечена в брань с врагами. Предстоит защищать не только братий наших по вере, но и постоять за славу нашего царя, за честь и величие родины.

Воины русские! Грядите с богом на поле брани. Да увенчает господь оружие наше победою. Явите врагам нашим воинскую доблесть, искони присущую русскому воину. Грядите с глубокою верою в то святое дело, которому служите. Вера—оружие непобедимое. **Бодро идите в бой:** знайте, что святая церковь христова непрестанно будет молиться ко господу, да сохранит он вас невредимыми под кровом своим, и да дарует венец вечного царствия тем, коим суждено будет пасть в славном бою.

Братие и сестры во христе! Мужайтеся, будьте тверды в вере, будьте все едино. В великий час, наставший для нашей родины, **станьте, как один человек, с готовностью принести все жертвы,** какие потребует от вас защита веры и родины. Возгрейте пламень любви, углубите источник милосердия к женам и детям братий наших, на поле брани сущих.

Архипастыри и пастыри церкви русской! В наступившее тяжелое время испытания ободряйте паству вашу, укрепляйте ее в вере православной, охраняйте от всяких соблазнов, направляйте жизнь ее по заповедям божиим, поддерживайте в народе любовь к церкви, царю и родине. Сугубо творите молитвы, моления, прошения за вся человеки, в бедах войны сущия.

Все же мы вместе едиными усты и единым сердцем будем непрестанно молиться господу разумов, да ниспошлет он силу и премудрость самодержавному царю нашему, да укрепит он воинов наших в непоколебимом мужестве.

Будем молиться ко господу милосердия, да подаст единоверным братиям нашим дух веры, терпения и благоразумия для перенесения

новой тяжелой годины испытания, их обышедшего, и да избавит их от скорби и угнетения.

Будем молиться творцу и подателю всяческих, царю царствующих и господу господствующих, да дарует он нам и союзникам нашим победу над врагами, да прекратит он своею всемогущею силою начавшуюся великую брань и распрю народов, да вразумит врагов наших и всех ненавидящих нас, да ниспошлет земле нашей скорый мир и благоденствие, во еже возмощи нам благодарным сердцем во умилении непрестанно славити пресвятое имя его ныне и присно и во веки веков аминь.

Смиренный Сергий, архиепископ Финляндский и Выборгский.
Смиренный Никон, архиепископ, быв. Вологодский и Тотемский.
Смиренный Серафим, архиепископ Иркутский и Верхоленский.
Смиренный Владимир, архиепископ Донской и Новочеркасский".

Для руководства церковного аппарата синодальный орган напечатал тезисы, которыми попы должны были руководствоваться в печати и в устной агитации.

Таким образом в течение нескольких часов после об'явления войны весь церковный механизм по всем линиям был приведен в боевую готовность. На нужды милитаризма мобилизовали богослужение (моление о победе и т. п.), была организована система выкачивания средств на бойню, попам было предложено путем печати, проповеди и индивидуальной обработки всемерно воздействовать на рабочих и крестьян, наконец—синод обратился непосредственно к верующим внушая им веру в святость массового убийства, призывая мужское население „бодро итти в бой".

Церковный аппарат заработал.

„Пятьдесят тысяч церковных амвонов, для которых святейший синод своим определением давал директивы,—писал доктор церковной истории С. Рункевич,—все они в общей совокупности обладают колоссальной силой энергии, огромным запасом инициативы" *).

И эта энергия начала свою работу на службе милитаризма.

В это же время, даже раньше, одновременно с мобилизацией армии, во все части войск, в бригады государственного ополчения, полевые госпитали, во все вновь образованные части, согласно особому мобилизационному расписанию, выработанному генеральным штабом совместно с синодом, отправились попы.

Отправились для того, чтобы гнать трудящихся при помощи религии на бессмысленную смерть.

3) Деятельность религиозных организаций на местах в первые дни войны.

Война об'явлена.

Буржуазия празднует праздник. Как же! Впереди блестящие перспективы. Военное положение, при котором можно будет скрутить рабочего в бараний рог, впереди подряды, поставки...

Забыта была оппозиция царизму, забыты старые счеты и споры о дележе власти.

Патриоты тыла говорят пылкие речи о наступлении на Берлин, в кафэ и ресторанах льется шампанское, льется широко, как широко польется вскоре рабочая и крестьянская кровь.

---

*) Рункевич „Великая отечественная война и церковная жизнь".

Сановные кокотки надевают красные крестики и сюсюкают умилительные фразы о необходимости сострадания к больным, ближним, к раненым, которых, конечно, будет много.

Буржуазная молодежь с портретом Николая Романова—с красно-сине-белыми флагами, с иконами, с громкими патриотическими выкриками, с воем воинственных молитв, шествует по улицам. Отцы городов благосклонно улыбаются. Они сами приняли бы участие в „национальном торжестве", если бы... если бы только не более важные дела... Подряды, поставки, взятки и пр. и пр...

В это же время разливается в деревне „горя реченка бездонная". Вспомните как это было:

„. . . Новобранцы . . . бедные! . . . ведут! . . .
Стоном стонут избы и дорога.
Скрип телег. Прощальный плач „родной",
Мужиков насупленные брови.
А потом . . . —окопы, раны, гной,
Море слез и океаны крови..." *).

* * *

Что же делала церковь?

В соответствии с указаниями синода на местах состоялись собрания божьих служителей.

В Москве, такого рода собрание было 24 июля. Протокол собрания утвержденный епископом Трифоном гласил:

. . . Обсуждали вопрос о том, как отозваться московскому столичному духовенству на текущие события и как принять живое и деятельное участие в деле . . . войны . . . Программа деятельности сводится к нижеследующим положениям:

I) Относительно богослужения—в точности исполнять уже последовавшие на сей счет распоряжения епархиального начальства. II) Относительно проповеди—рекомендовать духовенству в поучениях касаться чаще настроений и нужд войны, призывать народ к усиленной молитве, к покаянию, воздержанию от грехов и страстей, к единению и спокойствию, к доверию царю и правительству, призывать к постоянным пожертвованиям на нужды военные... III) Устраивать чаще религиозно-патриотические собрания, на которых, сообщая правильные сведения о войне и предостерегая слушателей от увлечения непроверенными известиями от непризванных лжетолкователей положения родины, утешать и ободрять народ надеждою на милость божию, призывать его к терпеливой покорности..."

На этом же собрании была выделена „военно-благотворительная комиссия" и в качестве председателя выбрали известного черносотенца и митрофорного погромщика, протоиерея И. Восторгова. По вопросу о „практической деятельности духовенства в отношении благотворения" протокол раз'яснял, что в первую очередь, эта благотворительная деятельность должна заключаться в сборе пожертвований „на военные нужды вообще".

Подобного рода собрания были и в других городах.

В момент мобилизации и во время об'явления войны религиозные организации тоже не бездействовали. В Москве, еще 18 июля состоялось „торжественное молебствие с провозглашением многолетия всему царствующему дому и затем патриотическое собрание".

В самом Ленинграде, в этот же день—день об'явления войны—

---

*) В. Ильина „Лето 1914 г."

попами был организован крестный ход чудотворной иконы Казанской богородицы.

И в то время, когда буржуазия ликовала, читая манифест царский, в то время, когда глухая тоска сжимала сердца трудящихся,— в это же время весь день празднично гудели колокола церквей...

Так было во многих городах.

Во всех этих церемониях весьма показательны были речи божьих служителей. Антоний Хриповицкий, архиепископ Харьковский, матерой черносотенец, виднейший вождь церковной контр-революции в 1905 г., впоследствии упорный враг советской власти, ныне находящийся в эмиграции,—после чтения манифеста произнес следующую речь

„Православные русские люди!..

Да не возвышает никто гласа постыдного плача о возможности своего сиротства. Если убьют на войне кормильца их семьи, бог и русский царь не оставят сирот героев. **Не горе, а великая честь и радость скончать свою земную жизнь доблестною смертью на поле брани. Не горе, а великая честь той семье, которая будет числить в своем составе убиенных на брани воинов.**

Еслиб наша воля, то все мы бы пошли умирать за веру и царя и духовные и мирские, и старые и малые, и мужчины и женщины. Туда, **под ядра и пули рвется наша русская душа.**

Не горестный, а радостный сей день, когда царь позвал под знамена своих воинов. Пора, давно пора совершить сей подвиг братской любви..

Вчера, в день пророка Илии грянул гром на злых поработителей в мощном слове русского самодержавца По своей отеческой, по своей материнской любви **он долго откладывал эту неизбежную освободительную войну, но видно, что св. Владимир умолил бога возвратить своему престолонаследнику отторгнутые от русской державы и от христовой церкви малороссийские галицкие пределы,**—и вот господь попустил еретикам в день 15 июля на свою же беду об'явить войну православным народам.

Восстань же, русский народ, единою душою и единым сердцем против врагов веры и родины. Одушевись готовностью радостно умирать за веру, царя и отечество!..

Блажен ваш путь, доблестные воины, тех, которым суждено положить живот свой на поле брани, тех, которые обрекли себя на это...

Силою и помощью божиею да здравствует государь император и его христолюбивое воинство! Аминь...“

При об'явлении войны поповские речи говорились везде: на площадях, в церквах, на вокзалах, на перекрестках, везде, где была необходимость лгать, обманывать, затуманить сознание. Агитаторы церкви, особенно много говорили среди мобилизованных солдат.

Епископ Саратовский и Царицынский 22-го июля заявил солдатам: „Благославляю вас, православные воины на ратный бой... Помните дорогие, что вы идете сражаться за святое и великое дело... Помните, дорогие воины, что вы идете на священную брань...“

В дополнение к указаниям синода, о которых говорилось выше, местное церковное епархиальное начальство тоже не зевало. Так, например, волынским попам было рекомендовано „не только поддерживать патриотическое воодушевление пасомых, не только внушать им спокойствие и готовность грудью встретить врага, но неустанно горячим словом охранять их от „духа уныния, отчаяния и малодушия“.

Для обслуживания интересов милитаризма точно также были мобилизованы церковные аппараты католичества, протестантства, магометанства, иудейства и т. д. и т. д.

Так, например, в г. Житомире, как сообщала „Жизнь Волыни“, „в связи с об'явлением войны при переполненном молящимися костеле, в присутствии массы польской интеллигенции, после мессы, ксендзом Загурским было отслужено, в сослужении католического духовенства торжественное молебствие о здравии всего царствующего дома, верховного главнокомандующего русской армии, великого князя Николая Николаевича и о ниспослании победы славному русскому оружию“.

После этого, также как и в православных церквах, были прочитаны царские манифесты и сказана патриотическая речь. Подобного рода молебствия было решено совершать каждое воскресенье.

Лубочная картина, изданная вскоре после об'явления войны. На рисунке изображен фантастический „белый генерал“, якобы, слетевший с небес и участвовавший в сражениях на стороне царской армии. Распространяя подобные картины духовенство старалось „поднять дух“ пушечного мяса.

Точно также, разве с небольшой разницей, откликнулись на об'явление войны магометанские муллы, иудейские раввины и протестантские пасторы.

Все религиозные организации в пределах российской „империи кнута и насилия“ перевели себя на военное положение.

***

Такую же работу при об'явлении войны проделали религиозные организации других стран. Роль религии везде была одинаковой, везде религия выступила в своей обычной роли, роли прислужницы капитала.

Что из этого, что погибнут бессмысленною смертью миллионы рабочих и крестьян?

Было бы рабство, рабы найдутся

V. ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЖИ И ОПРАВДАНИЕ МАССОВОГО УБИЙСТВА

1) Печатная деятельность церкви.

К моменту об'явления войны во владении религиозных организаций находилось около 200 журналов и газет. Помимо этого, существовал целый ряд издательств, выпускавших непериодическую литературу. Огромное большинство этих изданий стояли на крайнем правом фланге, защищая интересы самой крайней реакции. Остальные церковные

издания проводили те же угнетательские классовые цели,—но более тонкими, елейно-увилистыми путями.

В связи с войной, церковная печать главное внимание уделяла милитаристической пропаганде. С первых же дней войны, для руководства поповской печати синодом была опубликована особая программа.

В связи с войной у широких масс населения увеличился интерес к газетам. „Проезжая по железной дороге,—писал доктор церковной истории С. Рункевич,—можно было наблюдать целые вереницы деревенских ребятишек и парней в ожидании получить газеты от пассажиров, сопровождающих поезд изо всех сил вскриками: „газету, газету“!

21 августа состоялось определение синода за № 7499 о том, чтобы издавать ежедневную газету, с помощью которой, можно было бы вести борьбу „с врагами церкви и престола“.

По отзывам церковной печати эта газета ставила себе следующие задачи:

1) „Неизменно поддерживать бодрое, полное мужества и веры настроение“ (определение синода за № 7499 от 21/VIII—1914 года).

2) „Воспитывать в народе чувство любви к святой церкви и престолу“. (определение синода за № 10158 от 5/XI—1914 года).

3) „Быть руководителем для духовенства в борьбе с бессмысленными политическими мечтаниями“. („Троицкое слово“ № 349).

В интересах наилучшей пропаганды милитаризма было решено „пригласить к участию в издании одного из офицеров генерального штаба“ (определение синода за № 7499 от 21/VII—1914 года).

В первом же номере газеты, вышедшем 1 сентября 1914 г., было указано, что „это издание будет другом русских людей, крепких в православной вере, любящих родину, преданных царю“.

В статье „Война и мир“, раз'яснялось, что война должна быть „по существу своему беспощадна и по смыслу своему жестока. Артиллерия была бы лишь обузой армии, если бы она не была убийственна; конница была бы помехой, если бы она не наводила ужаса; ружья в руках пехоты были бы простым дрекольем, если бы не производили губительного огня. Уничтожить противника—вот в чем задача всякой войны; привести неприятеля в состояние ужаса—вот в чем цель всякого боя: можно ли тут говорить о чем нибудь ином, кроме жестокостей и беспощадностей“.

Следующим номером шла погромная статья, призывавшая истреблять каждого немца. В отделе „Последние известия“ было помещено сообщение, что германские подданные, якобы, „производят массовое отравление фабричных рабочих, бывшее причиной (!?) забастовок перед войной“ и т. д. В таком стиле был составлен весь номер и, конечно, последующие выдерживались в подобном же духе.

В одном из ближайших номеров (№ 34) была помещена следующая передовица—обращение в духе „Союза русского народа“ под заголовком: „Российская любовь“.

Вот его текст:

„... Не робейте ребята! Пущай грохочет германская машина, она ему предсказывает гибель, она ему возвещает падение его царства. Мы не боимся его никакого оружия, потому что у нас оружие есть царя небесного—крест на врага, которым мы победим всю вражью силу и сам господь защитит нас своею пречистою рукой от врага германца, потому что он с пречистой его божьей матери сорвал венец, с пречистой ее главы, и он этим нам предозвестил лишение своей короны и падение его царства. Не поддавайтесь врагу—германцу. У всех стариков кипит геройская кровь к бою на врага: как только какие неустойки, то все успешно на поля брани вылетим как пчелы из улья и победим врага.

Не робей ребята, не всех стариков побрали на войну, еще остались такие герои, что сейчас готовы собрать свои армии и бечь к вам на помощь, стать против врага на поле брани. Не допустим врага насмеяться над нашей матушкой Россией, а также равно и над всемилостившим и всесветлейшим нашим батюшкой государем императором Николаем Александровичем и все готовы умереть, за веру, за отечество.

С нами бог, не робейте ребята. Ура...

Не робейте воины христовы, помните; что с нами бог на всяком месте.

Боже царя храни" *).

Что же касается сообщений с театра военных действий, то данное официальное издание синода, врало так, даже главное управление генерального штаба, изолгавшееся до предела, даже оно, должно было иногда опровергать сообщения духовных отцов.

Всякий неуспех на фронте ловкость поповского пера представляла как победу христолюбивого воинства и неудачу противной стороны.

Так, например, в июле 1915 г., по сведениям, якобы, из Берлина, „Прих. Листок" сообщал читателям, что взяв Варшаву, Германия испытывает серьезные затруднения.

Вы спросите почему?

„Приходский Листок" отвечал следующее: „Так как Варшава по преимуществу населена поляками с руссофильской (!!!) тенденцией".

В течение всей войны церковь непрерывно печатала в своих многочисленных типографиях десятки миллионов брошюр, посланий и листовок. По заданию главного штаба некоторые издания были отпечатаны в количестве 1.650.000 экз. При епархиальных комитетах были организованы особые миссии по снабжению частей войск и лазаретов произведениями поповской печати. Особое усердие проявила издательская комиссия при синоде, составившая из своих изданий четыре набора книжек для тысяч библиотек, предназначенных для военных лазаретов и войск, розданных бесплатно (Рункевич „Великая отечественная война и церковная жизнь", стр. 283—4).

Эта комиссия издавала различного рода сборники с рассказами, посвященными войне, жития святых, прославившихся наибольшим количеством убийств, специальную литературу для населения Галиции „церковно-политического" содержания и особое внимание было обращено на брошюры и листовки, предназначенные для армии. Книгоиздательством „На страже православия" было издано свыше десяти миллионов экземпляров листков и брошюр. Усиленную деятельность проявило также „общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви". Ему было предоставлено министерством путей сообщения для книгонош десять бесплатных билетов по всем казенным железным дорогам. Такую же поддержку—как заявляли „церковные ведомости"—оказали ему и некоторые частные железные дороги и пароходные общества, предоставив также бесплатные билеты для книгонош по своим линиям. (№ 42 за 1914 г.).

Были ассигнованы крупные суммы денег на бесплатную раздачу. Неполный список этой литературы бесплатно отпущенной синодом за один лишь ноябрь месяц различным организациям составил четыре с половиной страницы, напечатанных мелким убористым шрифтом, а количество отправленных изданий определялось многими тысячами. Склады поповской печати были устроены при ставке верховного главнокомандующего, при штабах частей войск, при комитетах общества

*) Привожу с сохранением буквального текста.

Красного Креста, при монастырях и церквах, при братствах и госпиталях, при городских комитетах всероссийского союза городов, при санитарных поездах, при особом комитете помощи военнопленным, при питательных пунктах и т. д., и т. д. Из статьи протоиерея Николая Крествоздвиженского мы видим, что одному Самарскому полку 17 апреля 1916 г. было доставлено тридцать шесть тысяч экз. этой христианской литературы („Вестник военного и морск. дух." № 15 за 1916 г.).

О характере этого духовного отравления достаточно ярко свидетельствуют заголовки: „Священная война", „Иди на службу, как на зов божий", „Держи присягу до смерти", „Берегитесь смуты", „Под небесной защитой", „Войско—учреждение божественное", „Смерть—воину венец", „Где бог, там и победа", „За веру, царя и отечество", „Несомненность победы милостию божией и заступлением пресвятые богородицы", „Претерпевший до конца, тот спасется", „Ко дню священного коронования", „Война за мир", „Великая брань", „Мужайтесь", „Вперед, на бой с врагом", „Крест воинский", „Война и библия", „Христианский взгляд на войну", „Воинское служение по творениям вселенских отцов церкви", „Святая жертва", „Война и промысел божий", „Бог в помощь, доблестные русские воины", „Как православный воин должен готовиться к бою", „Будь верен до смерти", „Смерти не бойтесь", „Правое оружие", „Не мир, но меч", „Святая вера—основа воинской доблести", „Величие воинского звания", „Война до конца", „Пролей последнюю каплю крови", „Победи или умри" и т. д., и т. п.

Этот поток поповской литературы некоторое время делал свое дело, помогая гнать солдат на убой, пока у них не раскрылись глаза на бессмысленность царской бойни.

2) Цели войны и ее „полезность" в освещение церковной печати.

Одна из задач поповской пропаганды заключалась в том, чтобы обслуживая интересы милитаризма, набросать массам как можно больше песку в глаза по вопросу о целях и значении мировой бойни. Мы знаем, что миллионы людей погибли из-за грабительских стремлений господствующих классов, из-за дарданелльских аппетитов российской буржуазии. А итоги войны составил Версальский мир и обнищание всего мира, кроме капиталистов, наживших горы золота на реках рабоче-крестьянской крови.

Как же об'ясняли цели войны попы нашим солдатам, рабочим и крестьянам?

Вот как:

В книге „Всемирная война 1914—15 г. и гроб господень", изданной в Одессе, благочестивый автор писал: „Не за землю, не за политическое преобладание воюют народы—это лишь предлог, видимость; а **воюют одни за христа и его божественную литургию, а другие против христа и против литургии**. Подлинный мотив современной войны—это борьба света с тьмой, любви и правды божьей со злом и неправдой, борьба самого христа с Велиаром" (9-я стр.) и дальше: „Гроб господень—вот в чем выявился главнейший смысл европейской войны. Завоевание святой земли вот в чем в конце-концов выявился истинный смысл нынешней войны".

А вот что писал смиренный архиепископ Никон: **„Настоящая война есть война сатаны против христа господа,** война адовых врат против церкви христовой, война предтеч антихристовых против служителей христовых". („Церк. Вед." за 1915 г., № 16).

Вместе с тем попы считали необходимым зарекомендовать войну и с другой стороны, уверяя, что она весьма полезна. Поп Комаров в своей книжке писал: „Нужно сказать еще и следующее: от войны, как от неизбежного зла, подобного, как и от яда в лекарстве, бывает польза...

Война сплачивает народ, примиряет в нем распри и различные политические партии.

Петроградский митрополит Владимир следующими словами раз'яснил полезность войны: „Мужи и юноши, сыновья и братья, даже отцы семейств,—проповедывал он вскоре после об'явления войны,—оставляя свою службу, свой дом и родину, идут туда на поля битвы, чтобы своею мужественною грудью стать против неприятеля... Они обрекают себя на жизнь полную труда и лишений, бедствий и нужды, среди опасности и смерти... Но зато как благотворно действует на них такой подвиг. Они возвратятся домой с более закаленным характером, с большим терпением и упованием на бога... А если так, то нельзя не согласиться с мыслию, что и война служит ко благу как самих воинов, так и общества... А жены,—продолжал митрополит,—проводив своих мужей, невесты своих женихов... вы дадите перед богом верный обет в том, что если возвратятся мужья ваши живыми, вы будете более оказывать им кротости и смирения. Если же таковы бывают последствия войны... то не вправе ли мы сказать, что **война полезна для домашней семейной жизни человека.** („Церк. Вед." за 1914 г., № 38).

Другие проповедники всеми силами старались доказать „культурное" значение войны.

„Вестник военного и морского духовенства" заявлял, что „эта война, несомненно, будет иметь огромное культурное значение для русского крестьянина. Многому полезному научит она. Можно с уверенностью сказать, что **война** будет для него **поучительнее всех выставок".** (№ 7—8, за 1915 г.).

В статье „Рижских епархиальных ведомостей", перепечатанной затем в десятках различных изданий,—так, очевидно, хороша была эта статья—читаем: „Война содействует религиозному и нравственному совершенствованию людей. Она хороший учитель посту и воздержанию... **Военные нужды двигают вперед народное образование. Полезен и сам плен**... Наши православные воины, побывав в плену у своих врагов, имеют возможность пленить их духовно в послушание христово". (В. Е. В. № 44 за 1914 г.; „Голос Истины" № 8 за 1915 г.). Эта статья печаталась тогда, когда в Восточной Пруссии в болотах гибли, умирали десятки тысяч солдат, брошенных туда по требованию французского капитала.

„Приходский Листок" советовал попам внушать стаду следующий тезис: „Современная война—подвиг религиозного самопожертвования. Кровь верных сынов России, преданных чад церкви, будет залогом дивного обновления и укрепления православной российской церкви". (№ 228—15 г.).

Ловкость поповских рук была также направлена на то, чтобы внушить трудящимся, что убийство миллионов по воле капитала есть не что иное, как... хирургическая операция. В том же „Прих. Листке" вниманию святых отцов предлагался для развития в поучениях следующий тезис: „Война—подобна оперативному вмешательству врача в болезнь человеческого организма. Как, порою, только через операцию может быть устранена из организма пораженная заразой часть его,—как гангренозные члены удаляются из человеческого тела лишь операцией,—так **честная война** подобно этой операции и **есть** своего

рода **жертвоприношение человечества...** Поэтому люди не о том должны помышлять, как бы во чтобы то ни стало скорее закончить войну и заключить мир с противником, а о том, чтобы эту войну довести до необходимого победного конца".

„Церковный Вестник" прибавлял: **„Война есть культура героизма".** (№ 1 за 1915 г.). По мнению „Воскресного дня" полезность войны еще в том заключалась, что война „научает нас любить... родного православного русского царя". (№ 49 за 1915 г.).

В дополнение к этому христианские проповедники поясняли вред мирных отношений, и отношение христианской морали к делу массового истребления рабочих и крестьян по требованию капитала.

В книге „Оправдание войны",—изданной религиозно-философской библиотекой, провозглашалось: „Пролитая кровь важная вещь... **Война необходима; без войны провалился бы мир, или, по крайней мере, обратился бы в какую-то слизь, в какую-то мякоть"** (стр. 8).

Журнал „Странник" в статье „Христианский смысл современной войны", писал: **„Мир, долгий мир зверит и ожесточает человека** —а не война: долгий мир всегда родит жестокость, трусость, грубый ожирелый эгоизм, а главное, умственный застой" (февраль—1915 г.).

„Божья Нива" высказывала следующее утверждение: „Человечество во время войны оживает духовно. Кровь, проливаемая на войне, служит семенем из которого вырастает доброе... **Мы, христиане, помним о богочеловеке и его проповеди, о любви даже к врагам. Во имя этой самой любви мы и должны... перековать серпы и плуги в мечи и копья".** (№ 159 за 1915 г.), В поповской литературе постоянно цитировали слова знаменитого христианского философа Вл. Соловьева, заявившего: **„война** помимо всего прочего, **есть для народа реальная школа любви".** („Оправд. войны", стр. 6). И на основе таких рассуждений—христианские подвижники преподносили крестьянам и рабочим следующие выводы: **„Международная война —приносит лишь одну пользу во всех отношениях".**

„Война как была, так есть и будет до конца мира великим, честным и святым делом". („Оправдание войны", стр. 3, 15).

*
* *

Из всего вышесказанного видим следующее. Для того, чтобы гнать на убой серую скотинку по требованию капитала попы внушали ей, что окопная доля, голод и холод, мириады вшей, кровавые раны, гной и, в заключение всего, бессмысленная смерть,—все это—необходимо терпеть за гроб господень, за литургию божественную, за христа, за веру и т. д. И с другой стороны, все это, видите ли, полезно в отношении „семейной жизни", „успехов народного образования", „обновления церкви православной", „культуры героизма", „усиления любви к царю" и т. п. и т. п. Действительно, получается лишь „одна польза во всех отношениях".

3) Христианская философия массового убийства.

В первые же дни войны для деревни и для солдат было издано, громадное количество литературы, оправдывающей войну и необходимость убивать германских рабочих и крестьян.

Сотни миллионов книг и брошюр, были посвящены темам „Война и христианство", „Христианский взгляд на войну", „Воинское звание перед судом слова божия", „Воинское служение по творениям отцов церкви", и тому подобным. Такого рода произведения были пропитаны

духом военщины и, при помощи ссылок на библию, евангелие, творения отцов церкви и жития святых, стремились доказать читателям необходимость убийства, таких же, как они, обреченных капиталом, рабочих и крестьян. Христианские писатели выполнили свою задачу блестяще, так как, т. н. святые книги переполнены описаниями всевозможных преступлений, убийств, жестокостей. Ссылками на них можно оправдать какие угодно преступления. Вот те примеры, которыми пользовались полковые попы в годы войны, в своих беседах с солдатами: „Слово божие,—говорили пастыри,—открывает нам прежде всего, что война... есть дело божие. Сам бог говорит: я господь и... произвожу войны". („Уроки закона божия для русских православных воинов". С. Путилина).

Приказ о начале военных действий исходит,—поясняли пастыри, непосредственно от бога, господь сказал: **„Воюй против них, доколе не уничтожишь их"**. (I царст. 16 гл. 3—2 ст.)... **Господь бог** не только повелел вести войну, но и **сам участвует в битвах"** (там же, стр. 21).

„Сам бог... положил начало, придал стройную организацию и освятил воинское звание, его доспехи, занятия, и действия... засады... обходы, приступы и проч.". („Вестн. воен. и морск. дух." № 15 за 1914 г.).

Сам „господь научает руки верных своих на ополчение и персты их на брань" (там же, стр. 668).

Некоторые народы „для того и оставлены были богом в занимаемых ими пределах, чтобы знали и учились войне" избранные народы (там же, № 21 за 1915 г.).

Немало текстов, освещающих царскую бойню, попы приводили из нового завета. Священник Лебедев заявлял, что **„речь господа Иисуса христа живет и дышет духом войны, духом воинской обстановки. И эти речи самые сильные.** Вот образец их: „Не думайте, что я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч (Мф. 10, 34) еще: „какой царь, идя на войну, против другого царя, не сядет и не посоветуется прежде, силен ли он с десятью тысячами противостать идущему на него с двадцатью тысячами" (Лук. XIV, 31). Вот другое изречение спасителя апостолам, которое, как бы звучит чисто воински: „Когда я посылал вас без мешка и без сумы и без обуви, имели ли вы в чем недостаток". Они отвечали: „Ни в чем". Тогда он сказал им: „Но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также суму, а у кого нет, продай одежду свою и купи меч". (Лук. XXII, 32—36). „Христос прямо сказал,—читаем в „Уроках закона божия для православных воинов",—царство небесное—подобно царю, который, когда приглашенные на брак сына его отказались придти и даже убили его слуг, послал войско, город их сжег и самих истребил. (Мф. 22, 1—17).

Поп Александр Сегенюк на своих религиозно-нравственных беседах говорил. „Христос сказал: „Думаете ли вы, что я пришел дать мир земле. Нет говорю вам, но разделение". (Лук. XII, 51). „Услышите о войнах и военных слухах. Смотрите не ужасайтесь—подобает всему этому быти. Христос говорит: „Смотрите не ужасайтесь, подобает сему быти", т. е. войнам и нестроениям. Итак, войнам надлежит быть по воле божией, и будут они, пока существует человечество, и не могут быть уничтожены средствами человеческими, как не могут быть уничтожены средствами человеческими бури, эпидемии, землетрясения и прочие стихийные бедствия". („Вестник военного и морского духовен." № 4 за 1914 г.).

В поучении, опубликованном издательством „Кормчий", вскоре после об'явления войны, имелись следующие строки:

«В настоящее время великого бряцания оружием и страшного грохота орудий среди возгоревшейся войны России с соседними народами Германии и Австрии весьма благовременно побеседовать о словах спасителя: «Продай одежду свою и купи меч»...

Господь, вообще не отрицает возможности и необходимости в жизни христианина употребления „меча". (Мф. 10,34; срв. Римл. 13, 4). Когда открывается необходимость ради **дела божия** прибегнуть к мечу или к физической силе, напр., за св. веру, царя и отечество, христианин обязан здесь смело и решительно выступить на защиту их против врагов. При том, это служение делу божию должно простираться до самопожертвования, на что указывает христос советом неимущему продать даже ризу свою и купить меч... „Призовет тебя господь послужить церкви и отечеству мечом, **да благословен будет твой меч**".

Заголовок этого поучения был таков: „Не мир, но меч!".

Учение о войне святых апостолов и отцов церкви также оказывалось, как вполне убедительно доказывали проповедники, вполне проникнутым жаждой крови.

„Установленное и освященное властью владыки мира воинское звание,—читаем в официальном органе военных попов, — не находит для себя осуждения или отрицания и со стороны... святых угодников его апостолов". (№ 19 за 1914 г.).

Так, например, „блаженный Августин рассматривал войну, как такое действие, которое приносит с собой великое благо... Воинскую доблесть он считает даром божиим. По словам Августина „Осуждение войны в действительности возникает не из религиозных мотивов, а из трусости". („Вестн." № 24 за 1914 г.).

„Когда какой-либо воин,—замечает святой Иоанн Златоуст,— оказывается перед царем готовым к послушанию, а во время войны храбрым, то таковой является славнейшим... Вообще же **между воинами лучше всех тот, кто может показать у себя больше ран**... Так прошу и умоляю. Ведь хотя бы надлежало и пасть среди брани, не следует ли с готовностью решиться и на это. Не видишь ли, как светлы падающие в... войнах, хотя они умирают смертью. („Вестн." № 20 за 1914 г., стр. 711; творение св. Иоанна Злат., т. VI, стр. 287, т. IX, стр. 224, I т., стр. 199).

Относительно Василия Великого тоже приводили цитаты свидетельствующие, что святитель не хотел навлечь и тени осуждения на драку. Поэтому Василий Великий внушает воину: „Не бойся поражающего" (№ 24 за 1914 г., стр. 836).

„А апостол Павел... военные подвиги представляет нам... как могучие дела веры, на которые сам господь дает силу людям. (Уроки... стр. 22). Он „ставит воина в пример даже епископу". („Вестник" № 24 за 1914 г., стр. 837).

Но особенно нежное расположение,—как видно, — питали отцы церкви к офицерству и, в доказательство этого, поп Георгий Ястремский приводил следующую цитату из сочинений Гр. Богослова: „Быть начальником,—пишет святой отец,—мне кажется значит то же, что быть помощником добродетели и противником порока" („Вестник" № 24 за 1914 г., стр. 839).

Много рассуждений и текстов приводили также в защиту убийства по требованию царского правительства.

Вот несколько примеров:

„Определяя воззрение христианского нравственного учения на войну, св. Афанасий Великий в послании к Аммону монаху пишет: „**Убивать** врагов на брани и **законно и похвалы достойно**... Святой

Иоанн Златоуст об'ясняет, что **убийство вменяется в правду**". („Вестн". № 19 за 1914 г., стр. 669).

Приводили также правило Василия Великого „Убийство на войне говорит святитель, отцы наши не вменяли в убийство" (там же № 20).

Архимандрит Григорий в своих речах солдатам приводил следующие слова Иоанна Златоуста:

„Что бывает по воле божией, то, хотя бы казалось и худым, лучше всего, а что противно и неугодно богу, то хотя бы казалось самым лучшим, хуже и беззаконнее всего.

Если кто даже совершит убийство по воле божией, это убийство лучше всякого человеколюбия; но если кто пощадит и окажет человеколюбие вопреки воле божией, это пощада будет преступнее всякого убийства". (Сборник проповедей, стр. 52).

Этот же пастырь 2-го августа 1915 г. в Гродненской церкви говорил:

„Моисей когда разрешает нанести обидчику одинаковый вред—за око—око, за зуб—зуб... то, в сущности он полагает начало закона любви среди людей".

Цитируя убойные тексты, христианские проповедники говорили: „как не пожелать, чтобы этот истинно-христианский взгляд... был усвоен и всеми современными христолюбивыми воинами". (Там же № 23 за 1914 г.). Текстов, оправдывавших убийство, попы имели в библии сколько угодно. Чем, например, плох такой текст: „Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень". (Пс. 136,9).

Пользуясь подобными цитатами, попы подробно толковали о военном обучении, о приготовлениях к бою, о вооружении и т. д., и т. д.

По поводу различных сторон военной тактики батюшки приводили соответствующие раз'яснения священного писания.

Каждый воин—учили попы—должен слушать апостола Павла, который говорил: „не страшитесь ни в чем противников" („Вестник" № 2 за 1915 г.). Если же будете побеждены, знайте „побежденных ждет суд строгий, суд суровый, суд без милости... Вот воинский обет: верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего до последней капли крови, его императорскому величеству, государю императору и его наследнику" („Вестник" № 7 за 1916 г.).

„Забывая во время совершения воинского подвига все... русский православный воин этим самым свидетельствует, что он христа любит больше всего и что он христом любим, как исполнитель неложный его слов, его учения о любви". („Цер. Вед." № 39 за 1916 г.).

Помимо таких заповедей, поповская литература предподносила своему стаду следующие пламенные назидания:

„Любите военное звание больше всех других. Любите его до исступления. Если вы не думаете беспрерывно о воинских упражнениях; если не хватаетесь с жадностью за военные книги и планы; ежели не целуете следа старых воинов; если не плачете при рассказах о сражениях; если не умираете от нетерпеливости быть в них и не чувствуете стыда, что до сих пор их не видели, хотя бы это и не от вас зависело, то сбросьте скорее мундир, который вы бесчестите". („Божия Нива" № 171).

А вот религиозно-нравственное определение атаки: „Раз решена **атака, она должна быть доведена до конца, т.-е. до последнего солдата.** Поворот назад во время атаки недопустим ни в коем случае,—ни проволоки, ни волчьи ямы—ничто не служит оправданием „ретирады". Жалок начальник, атака части коего не удалась, отбита и он цел и невредим... Когда часть уже пущена в атаку, она должна твердо пом-

нить: „либо победа, либо смерть“, другой исход атаки преступен и должен караться во всей силе военного закона. (Там же).

„Православный Благовестник“ дал следующее определение обязанностей воина:

„Это подвижник безраздельно и всецело отданный своему делу и служению с полным самозабвением“.

„Воинское звание требует оставить и семью, и детей... при готовности и решимости хранить и исполнять свое дело до крови и смерти“.

„Жертва воина кровью и жизнью есть жертва очистительная“.

„Воин—это человек, идущий прежде всего... умереть, быть убитым. Аминь“. (Перепечатано в „Вестнике военного и морского духовенства“ № 17—18 за 1916 г.).

А вот несколько лозунгов и заголовков отдельных глав, взятых из наиболее распространенного солдатского учебника закона божия:

„Войско,—учреждение божественное“.

„Военное звание само по себе праведно и учреждено богом“.

„Воинское звание, есть звание по преимуществу христианское“.

„Служба воина—есть дело, безусловно, угодное богу“. („Уроки“, стр. 6, 7, 8 и 9).

Заключительным моментом являлось следующее утверждение: „Сложившееся у некоторых убеждение, будто с военным званием не мирится христианская любовь, могло возникнуть лишь при ошибочном понимании христианского учения о войне“. („Вестник» № 15—1915 г.).

По этому же вопросу иеромонах Тихон в листке, распространявшемся по всей армии, писал:

„У многих возникает сомнение: точно ли война—угодное богу дело. Да, конечно, бог наш—есть бог мира и любви, но... **во имя любви к ближнему... бог и попускает кровопролитные войны... Страдания и смерть миллионов, кровьми которых**, „яко багряницею и виссом“ **украшается святая церковь“**. („Воск. Листок“ № 48 за 1916 г.).

Христианская боевая философия подробно доказывала, что на небесах за облаками тоже господствует милитаризм.

„Воинствами,—говорил архимандрит Григорий,—называются ангельские силы и их вожди; сам господь именуется богом воинства. Читай в книге Иисуса Навина, как он говорит сему воину вождю: „Я вождь воинства господня“ (5, 14) или в псалмах: „Благословят господа все воинства его; хвалите его все воинства его“. (102, 21; 148, 2)... Господь всегда благословляет оружие“. (Сборник речей, стр. 282).

В руководящем поповском журнале „Проповеднический Листок“ читаем: **„Строй ангельского мира**, по библейскому воззрению—**строй в некотором отношении военный**. Когда святое писание говорит об ангелах во всей их совокупности, оно называет их всегда „воинством небесным“, „воинством господним“, а бога—богом саваоф или воинств (саваоф—значит „воинства“)... Священная **война более, чем что-либо другое, поглащает время и внимание горняго мира**...

Архангелу Михаилу принадлежит честь верховного заведывания и руководительства этими великими, хотя бескровными, но гораздо более, конечно, чем все земные войны, трудными и сложными войнами. Михаил есть начальник над самыми полководцами ангельских воинств. Значит, в воинстве небесном, как и в войске земном, есть целая система чиноначалия, во главе которой стоит архангел Михаил. Ему подчинены все вожди, несчетного ангельского воинства“, (№ 11 за 1915 г., стр. 10—11).

Может быть у кого-нибудь возникнет наивный вопрос, а как же толковали в эти годы так называемую „христианскую любовь к врагам“, о которой обычно так много втирают очков.

На этот вопрос Киево-Печерская Лавра отвечала так:

„Истинною любовью к немцам является наша война с ними для изгнания из них злого духа... Поистине, любовь к врагам своим, немцам, проявляет русский народ, когда путем тяжкой и губительной войны спасает их от веры и поклонения духу... непрестанного вооружения". („Свет Печерский" за 1914 г. стр. 636).

Агитационная рождественская картина „Русского Паломника" (№ 52—1914 г.) с подписью: „Рождественская ночь на войне". На рисунке видим идущее в атаку войско и наверху рождественские ангелы, благословляющие солдат и поющие: „На земле мир и в человецех благоволение". С правой стороны изображены георгиевские крестики и тери. Тут же имеется вифлеемская звезда, свет которой осеняет солдат. Вся эта символика должна была внушить солдатской массе, что отдавая свою жизнь капиталу и убивая германских солдат, они уподобляются самому христу. Подобные рисунки наглядно иллюстрировали поповские речи о святости бойни и об участии в ней сил ангельских на стороне русской армии.

Протоиерей А. Голосов писал: „Не всякая вражда есть чувство противное богу. Есть некоторый вид вражды, который положен в людях самим богом. Как положенная самим богом эта **вражда представляет чувство святое.. Положенная господом богом в душу человека вражда... должна побуждать его изыскивать („блюсти")**

случай нанести своему врагу смертельный удар, каковым... бывает удар в голову... Не было бы войны—значит в людях погибло все, что для них должно было бы составлять самое дорогое и святое, что в них как-будто истребилась память о чести, о достоинстве своего существования, о заповедях божиих и т. п.". (Вол. Еп. Вед. № 32 за 1914 г., стр. 534).

Этот же идеолог христианско-капиталистической философии в другой проповеди выставил следующий тезис: „христианин не только может, но и должен поднимать руку, вооруженную мечом". (Там же № 36 за 1914 г.).

Иеромонах Алексей заявлял:

„Обновляйся, дорогая родина. Пусть встрепенется весь народ... Мечом обнаженным пусть он накажет тевтона... И бог благословит твое возрождение". („Поч. Лист." № 1 за 1916 г.).

Протоиерей Восторгов проповедывал:

„Верьте, **скоро господь даст нам хребет нечестивых супостатов**". (Сборн. речей, стр. 73).

Протоиерей И. Елиевский говорил, что **нельзя положить оружие до тех пор, пока у немецких солдат не будут... вырваны все зубы.** („Голос Истины" № 15—16 за 1916 г., ст. 223).

В самом деле, если хоть зуб останется у немецкого солдата, того несчастного, которого германские попы, также как и русского, гнали на убой и учили „вырывать зубы" у русского, то, ясное дело, с точки зрения христианской философии, получался большой грех.

* * *

Вся вышеприведенная „философия", оправдывавшая массовое истребление рабочих и крестьян в угоду капиталу, показывает нам, что подлинный фронт религии был фронтом против рабочих и крестьян.

Один из солдат, верующий человек, пройдя в годы империалистической бойни курс подобной философии, говорил:

Все наново переучиваю... „Не убий": значит—бей; не жалей... Люби, мол, ближнего, как самого себя; значит—тяни у него корку последнюю. А не даст добром—руби топором... Одно слово, расти себе зубы волчьи, а коли поздно, не вырастут,—так на вот тебе штык, да пушку, вгрызайся ближнему под ребра... А чтобы стал я воин, как картина,—так еще и плетьми вспрыснут спину" *).

VI. ЦЕРКОВНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ ТЫЛА НА СЛУЖБЕ МИЛИТАРИЗМА.

Тотчас по об'явлении войны, православная церковь приняла меры к переводу богослужений на военное положение. Образец их был разослан во все церкви одновременно с царским манифестом об об'явлении войны. Содержание этих молений, совершаемых по несколько раз в течении дня, заключалось в просьбе „крепкому во бранех господу", укрепить руки воинов во время битвы, а на противную сторону призывались небесные стрелы, смятение, огненная молния и т. п. небесная манна.

Основным моментом являлся выразительный припев: „мно-го-ми-ло-сти-ве-го-спо-ди со-кру-ши вра-ги под но-ги на-ша".

Вскоре после начала войны царским войскам удалось одержать несколько побед и вот 28 августа 1914 г. царское правительство распорядилось отмечать дни побед церковными праздниками. Соответственно

*) С. Федорченко „Народ на войне", стр. 99—100.

с этим, синод предписал по духовному ведомству дни удачных кровопролитий отмечать церковными торжествами, организуя во всех церквах „торжественные молебствия с целодневным за сим церковным звоном". (Рункевич „Великая от. война и церковная жизнь", стр. 49).

Эти церковные торжества были пышнее и ярче в дни наибольших успехов российского империализма. Громкий колокольный звон вторил пушечной стрельбе и стонам умиравших.

Настал декабрь 1914 года и приближалось рождество, в течение которого в прежние годы в церквах совершались благодарственные молебствия в честь войны 1812 г. В придворных кругах поднялись разговоры о том, что в настоящий момент такого рода молебствия о победе над французами совершать не следует, так как французская буржуазия является теперь союзницей. Считаясь с этим и в угоду дипломатическим интересам, синод распорядился по своему ведомству (Определение № 10996 от 3/XII 1914 г.) взамен прежде совершаемых благодарственных пений за победу над французами отправлять „молебные пения о даровании победы христолюбивому российскому воинству" и войскам союзников. Это распоряжение, в связи с обстоятельствами войны, было повторено и в последующие годы.

Наступило лето 1915 г. и на западном фронте началось отступление. Ввиду такого рода событий синод принимает ряд мер в целях укрепления и усиления воинственно-патриотических и религиозных настроений. Синодальное постановление по этому вопросу (№ 4877 от 20/VI 1915 г.) гласило: 1) „В день празднования явления казанской иконы божией матери, 8-го июля, повсеместно совершить крестные ходы и вознести усердное моление ко господу о даровании победы над врагом, предварив сие моление чтением особого, при сем прилагаемого, послания от святейшего синода о необходимости усиленных молитв о даровании воинству нашему победы над врагами; 2) призвать пастырей церкви к неослабному и усердному совершению в храмах возможно частых молений... 3) Поручить притчам и церковным старостам принять меры, чтобы приходские храмы не только городские, но, где окажется нужным и сельские, были открыты возможно продолжительное в течение дня время... 4) Возложить на архипастырскую попечительность преосвященных принятие мер к устройству по приходам возможно частых крестных ходов и совершение общих молений в селениях, на площадях и других удобных местах".

Послание синода *) говорило о необходимости неимоверных усилий и полного напряжения духовных и телесных сил в интересах войны.

„Будем готовы—призывал синод—на всякую жертву... Наша первая обязанность заключается в том, чтобы своею твердостью, мужественным перенесением всех невзгод, приносимых войной, и неуклонным исполнением долга перед царем способствовать успеху военных действий. Направляйте свою жизнь так, чтобы не только время труда, но и часы досуга шли на благо и пользу доблестной войны. Не дадим ни при каких обстоятельствах войны в душе нашей места унынию... Будем непрестанно возносить нашу пламенную молитву ко господу. Первее всего будем молиться, да укрепит он и даст силы благочестивейшему государю нашему к несению тяжелого подвига царского в эту годину: мы должны памятовать, что любвеобильное сердце государя нашего об'емлет все заботы, сопряженные с войной".

Распоряжение синода было исполнено. Во всех городах, селах и деревнях 8-го июля духовенство организовало молебно-воинственные

*) В одной лишь синодальной типографии было отпечатано 300.000 экз.

демонстрации. Говорили зажигательные речи, крестные ходы вместе с военными оркестрами торжественно шествовали по улицам, площадям и дорогам и голосистые протодиаконы провозглашали торжественное многолетие „благочестивейшему, самодержавнейшему...“.

Однако, старания попов не увенчались желаемым успехом. Превосходство техники германского империализма постепенно сказывалось и русская армия отдавала город за городом. На фронте не хватало снарядов, безоружных людей заставляли с голыми руками итти против потоков огня и стали. А в тылу чиновники царского правительства усиленно воровали, воровали в складах, на железных дорогах, грабили всюду и везде. Среди широких масс населения и в армии росло недовольство войной и царским правительством. Оно грозило принять опасные размеры. Интересы царизма требовали принятия мер. Официальный орган синода „Приходский Листок“ сокрушаясь по поводу таких настроений, заявлял, что в интересах войны „нужна... бодрость духа, не менее, чем пушки и пулеметы“ и в качестве соответствующих мер синод решил „по указу его императорского величества... обратиться к православному населению с особливым пастырским увещанием, сугубо призывая его... приобресть бодрость духа к вящему перенесению ниспосланного испытания“.

Для выполнения этого решения 4-го августа 1915 года синод вновь предложил „православному духовенству призвать православную паству к совершению в сем году нарочитого поста, начиная с 26-го сего августа, когда празднуется сретение иконы пресвятые богородицы Владимирския, избавившей в 1305 г. Москву от нашествия Тамерлана, и кончая 29-м августа с тем, чтобы в означенные дни повсеместно были совершаемы в храмах богослужения так, чтобы желающие могли исповедываться и причаститься св. таин, и с тем, чтобы дни эти, однако, не имели характера праздника, в смысле покоя от трудов“.

Особое синодальное послание указывало населению, что „господь не благославляет нас окончательною победою по грехам нашим“.

По поводу дороговизны, нужды и голода, когтистой рукой, сдавивших горло семей призванных, обращение заявляло, что „**бедных леность порабощает, от того жизнь с каждым днем дорожает**“. Послание обещало скорую милость богородицы, которая, дескать, и прежде ослепляла и прогоняла врагов. Воззвание это было размножено в количестве многих сотен тысяч экземпляров и его читали во время особых церковных празднеств, протекавших с 26-го по 29 августа и, кроме того, распространяли в виде листовок.

Вот два примера образцовых призывов, с которыми обращались к населению в эти дни.

1. „Доблестные витязи наши, наши дорогие воины! Вы, бесстрепетно проливаете кровь... Стойте же крепко до конца, родные! О ваших успехах молится царь-батюшка, молится вся Россия, молятся у небесного престола все стоятели, радетели и печальники земли русской, призывая на вас божие всеспоспешествующее благословение. Верьте и вы: овеянные ароматическим дыханием святых молитв, с крестом в сердце и оружием в руках вы одолеете упорного врага! О, явь—отрадней сна! О, быль—чудесней сказки! Буди!—Буди!“ (М. П. В. № 35—36).

2. „Спешите же, друзья!..

Все огнем любви палимы—все на белоснежных крыльях братской любви спешите на поле брани кровавый долг свершить... Доблестные предки ваши с любовию будут взирать на ваши подвиги и, об'ятые духовным восторгом, встанут из своих гробов, земно поклонятся вам и

самыми пышными, самыми благоухающими розами украсят ваше страдальческое чело.

Загоритесь же взоры! Развернитесь крылья!
Закипи порывом, трепетная грудь!
Дружно за работу! На борьбу с врагом!
Буди, буди". (М. Ц. В. № 41 за 1915 г.).

В течение этой своеобразной кампании, преследовавшей, по отзыву „М. Ц. В.", цель „поднятия религиозно-патриотического настроения" (№ 34—1915 г.) повсеместно устраивали крестные ходы, непрестанно звонили в колокола, усиленно пропагандировали идеи милитаризма и призывали не смущаться военными неудачами.

В эти же дни во всех церквах были совершены торжественные молебствия с колокольным звоном по случаю принятия Николаем Романовым должности верховного главнокомандующего.

Церковные круги обещали царскому правительству, что „наш народ... примет с любовию призыв власти церковной и найдет... новые силы в борьбе с врагом". („Церк. Вед." № 35 за 1915 г.).

Совсем нетрудно ответить на вопрос о задачах и целях вышеуказанных церковных церемоний. Характеризуя их роль в годы войны, церковная печать заявляла: „Каждый шаг священника в своем приходе теперь связывается с войной... Церковное богослужение восприняло в себя, в свой состав—мысли и чувствования, затронутые непосредственно войной". И далее говорилось, что цель церковного богослужения заключается теперь в том, чтобы „относить религиозно настроенную мысль и чувство молящегося к тем же военным событиям, которые заключают его внимание и в обыденной жизни, лишь освещая эти события с высшей религиозной точки зрения". („Проп. Листок" № 10 за 1915 г.).

Такого же мнения держался и орган петроградской духовной академии, заявивший по поводу призыва к посту и покаянию следующее: „На ряду с подготовкой материальных средств и орудий войны, должна совершаться и соответствующая подготовка духа народного для предстоящего подвига". (№ 33 за 1915 г.)

Сказано ясно: церковные церемонии ставили перед собой задачу—обслужить интересы милитаризма.

VII. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА МИЛИТАРИЗМА.

Убийство стоило дорого. Каждый день ненасытной бойни высасывал из народного хозяйства миллионы рублей. Следуя лозунгу „все для войны", церковная организация приняла деятельное участие в выкачивании из населения материальных средств. В первый же день войны синод обратился к населению, к церквам и монастырям с соответствующим призывом. (Определение № 6502).

19-го сентября 1914 года, по предложению синодального обер-прокурора, было опубликовано постановление „о привлечении учащих и учащихся в церковных школах к пожертвованиям деньгами, вещами и личным трудом на нужды войны" (Определение № 8463).

Помимо этого, синод неоднократно опубликовывал самые точные указания о способах выкачивания из населения всевозможных пожертвований на военные нужды.

Поповские организации старательно исполняли указания. Московский столичный совет благочинных в программе своей деятельности на время войны заявил о необходимости „особенно призывать к постоянным пожертвованиям на нужды военные". (Заседание 24 июля

1914 г.). Губернские с'езды попов *) систематически уделяли от своих капиталов крупные суммы. Вот таблица, далеко неполная, о такого рода постановлениях:

Гродненский	поповский с'езд	2 000 рублей
Астраханский	„ „	10.000 „
Ставропольский	„ „	10.000 „
Донской	„ „	50.000 „
Таврический	„ „	14.000 „
Орловский	„ „	10.000 „
Харьковский	„ „	40.000 „
Тульский	„ „	33.000 „
Воронежский	„ „	30.000 „
Кишеневский	„ „	25.000 „ и т. д.

Из Алеутской епархии на военные нужды от церквей было прислано свыше 70.000 рублей и, кроме того, местное духовенство приняло участие в организованном тамошней буржуазией базаре, давшем еще 50.000 рублей.

Смиренные отцы, ассигнуя деньги, сдабривали свои лепты выражением нежных чувств. Ставропольский с'езд, обращаясь к Николаю Романову, писал: „Вместе с чувствами сыновней любви и беспредельной преданности милостиво прими государь, от духовенства Ставропольской епархии... настоящий скромный дар — 10.000 руб. — на военные нужды“ („Ц. В.“ № 42 за 1915 год).

Вышеупомянутые цифры указывают лишь денежные пожертвования и то лишь за небольшой период времени. Поповские резолюции довольно красноречиво свидетельствуют на какой предмет расходовалась церковная лепта. Самым частым является выражение „на нужды войны“, „на военные потребности“, „на военные нужды“, „на помощь военно-промышленным организациям“, „на предмет снабжения армии боевыми снарядами“ **) и т. д., и т. п.

Церкви и монастыри помимо денег жертвовали церковные драгоценности.

В № 38 „Церковного Вестника“ за 1915 г. было помещено следующее сообщение:

„Собрание городского духовенства постановило доложить митрополиту Флавиану о полной готовности киевского духовенства пожертвовать на нужды войны часть церковных ценностей, заключающих в себе золото и серебро... Первый почин сделала Киево-Печерская Лавра, пожертвовавшая 12 фунт золота и 45 п. серебра“.

Среди церковных предметов, плативших цену крови, встречаешь разнообразную церковную утварь, золотые кресты и т. п.

Существенная задача поповской деятельности заключалась также в выкачивании из населения денежных пожертвований и различного рода предметов на военные надобности.

---

*) 1. Конечно не только с'езды. Так, например, ленинградское попечительство о бедных вскоре после об'явления войны „постановило пожертвовать единовременно из сумм попечительства 5.000 рубл. на нужды войны“. („Прих. листок“ № 1 за 1914 г.).

**) Такого рода святая лепта была, например, прислана из села Полногорец Пермской губ. попом Феодосием Шавриным. Деньги эти — как гласил отчет — были собраны 29 августа 1915 г. в Полногорской церкви „по окончании божественной литургии и глубоко-проникновенного слова настоятеля“.

По данным поповской печати за первый год войны годичный итог в нижеуказанных епархиях составил:

В Донской собрано пожертвований на сумму	346.409	рублей.
В Екатеринославской „ „ „	576.000	„
В Московской (значительное более) „ „ „	2.000.000	„

Общий итог денежных и вещевых пожертвований, собранных церковными организациями, составил сумму во много сотен миллионов за время войны.

Церковный аппарат чутко реагировал на все распоряжения царской власти, на все нужды милитаризма. Одиннадцатого сентября 1915 г. синод решил использовать церковные запасы старой медной монеты, и циркулярным указом за № 28, предложил епархиальным преосвященным сделать „надлежащие распоряжения о том, чтобы обители и церкви вверенных их епархий, у коих найдется старая медная монета, представили таковую, в виде пожертвований на нужды войны".

В связи с этим, ряд епископов и архиепископов обратились к своей пастве с соответствующими предложениями. Официальный орган синода сообщал, что предложение Серафима, архиепископа Тверского и Кашинского гласило: „Во многих церквах, несомненно, накопилась медная монета, непригодная к употреблению и весьма необходимая для военно-промышленного производства. Поэтому предписываю всем церквам доставить мне медную монету и вообще медные негодные вещи, которые я буду направлять в Тверской Военно-Промышленный Комитет для производства снарядов и других предметов военного снаряжения". („Прих. Листок" № 226, 1915 г.).

Во время кампании по обмену золотой монеты на кредитные билеты церковь развивала усиленную агитацию. Многие консистории опубликовали по этому поводу специальные указания. Так, например, указом Черниговской духовной консистории от 5/IX 1915 г., за № 20076, было предписано, чтобы золото (деньги), поступающее в церковную кассу, не выпускалось в обращение, а представлялось в местные казначейства в обмен на кредитные билеты.

В некоторых местах, как видно из ряда документов, поповская золотосборная агитация дала положительные результаты. В первых числах января 1916 г. редакция синодального издательства получила от попа Николая Баринович, благочинного 2-го округа Бузенского уезда, Черниговской епархии, следующее письмо:

„... У мужичков, свидетельствую, золото есть и немало такового... Некоторые из священников вверенного мне округа с церковной кафедры, сделали опыт выяснения народу патриотичности и всей важности в переживаемый родиною момент сосредоточения золота в казначействах, при чем, главным образом, ударялись на любовь к царю батюшке, и дорогой родине, и результаты получились отличные. Золото, при деятельном участии церковных старост, потекло в церковные кассы, а из последних в Борзенское казначейство в обмен на кредитные билеты, рубль за рубль, с получением от казначейства соответствующих письменных удостоверений; такие удостоверения уже представлены мне и будут препровождены в духовную консисторию от следующих приходов вверенного мне округа: 1) село Мокиевка—150 руб., 2) село Николаевка—455 руб., 3) село Сиволер—80 руб. 4) село Стрельники—1.250 руб., 5) село Фастовцы—500 руб., а всего по 5-ти приходам из 17-ти, пока поступило золота в казну—2.435 руб. Есть сведения, что и еще по 2-м приходам: село Великой Загоровки и село Хорошего Озера собрано не менее 1.000 руб. По моему мнению, вот куда должны на-

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

править свои старания о. о. настоятели приходов, чтобы оказать патриотическую услугу государству по собиранию золота... Верте... в храмы божии золото будет сноситься рубль за рубль. Говорю сие по опыту".

Из дальнейших сообщений видно, что в этом же округе в 13 церквах было собрано золота на сумму 6.112 руб. 50 коп. Показательно следующее: одно и то же письмо попа Баринович, редакция „Приходского Листка", сочла нужным для назидания и руководства других попов напечатать дважды (в №№ 6 и 37 за 1916 г.). Таким образом, каждая церковь собрала золота в среднем на сумму около 470 рублей. Если предположить, что каждый церковный агитпункт (а их было свыше 50-ти тысяч) собрал столько же, получается более 23 миллионов золотом.

Указанные церкви, конечно, не были исключением.

Другие попы тоже постарались собрать золотые монеты.

Вот несколько примеров:

Терюкская церковь, Гомельского уезда, Могилевской епархии, 21-го февраля 1916 года собрала золотых монет на сумму. . . 450 р. *)

В Никитском погосте, Московск. губ., попом Михаилом Садиковым в августе 1915 года собрано . . . . . 2.060 р. **).

В Казанской церкви, села Никитовки, Ахтырского уезда, Харьковской епархии (организатор сбора поп С. Власовский) было собрано 1.000 руб. ***).

В селе Кама, Томской губ., попом Степаном Нестеровским было собрано 1.260 руб.

В Преображенской церкви села Старой Басани, Козелецкого уезда, 22 ноября 1915 года собрано . . . . . 1.650 руб.

20-го ноября 1915 г. синод „рекомендовал епархиальным преосвященным оказывать таким священникам поощрения за их ревность к удовлетворению нужд войны". (Определение № 9765).

Дело, конечно, не ограничивалось сбором одной лишь золотой монеты. Духовные отцы старались выудить золото во всевозможных видах. Так, например, Андроник, епископ Пермской, опубликовал особое послание, призывая жертвовать на военные нужды золотые медали. Если вы пожертвуете золотые медали на алтарь войны,—заявлял он, то такие медали засветили бы блеском своим на все отечество. („Голос Истины" № 39—40 за 1915 год).

5 февраля 1916 года синод распорядился „о содействии представителей духовенства и преподавателей церковных школ к распространению среди населения сведений о предстоящем государственном займе".

В целях соответствующей агитации все первые страницы многих номеров синодальной газеты „Приходский Листок" посвящались военнозаемной агитации. На них крупными буквами почти в вершок размером печатались следующие лозунги:

Так например 23-го марта 1916 г. читаем:

„Пусть... ваши рубли пойдут на войну".

Далее указывалось, что всякий рубль превратится в меткую пулю, которая догонит врага. (№ 66).

29-го апреля лозунг гласил:

„Ваши деньги превратятся в патроны и снаряды".

---

*) „Прих. Листок" № 51 за 1916 г.
**) № 245 там же, за 1915 г.
***) Там же. № 295 за 1915 г.

В этом же тоне, по примеру официального органа, составлялись лозунги, напечатанные на первых страницах других поповских изданий.

„Русский Паломник“ № 18 за 1916 г. заявлял:

„Чем больше снарядов, тем меньше человеческих жертв, помните это все и облегчайте государству задачу снабжения армии“.

Эта значило, что чем больше будет убитых, тем убитых будет меньше.

Не ограничиваясь лозунгами, главнейшие церковные газеты и журналы начали опубликовывать конкретные указания, с помощью которых духовенство должно было с успехом провести кампанию по реализации денежных вожделений царизма. Такого рода указания были весьма подробны. Сельскому духовенству предлагалось заняться систематической обработкой крестьянства, путем бесед в церквах, на сходах и т. д. и путем индивидуальной обработки.

Так как ход подписки был довольно слабым, в виду этого было признано целесообразным в поучениях и статьях упирать главным образом, на великие выгоды, которые, дескать, получает каждый держатель военного займа. Подробному раз'яснению этих выгод официальные церковные органы посвятили целую кампанию. („Приходский Лист.“, № 89, 90 и т. д.).

Суммы денег, принадлежавшие религиозным организациям, также шли на военный заем. Так, например, попечительный совет г. Кунгура имел 56.181 р. 30 к., собранных „на содержание детского приюта для сирот воинов“. Из этих денег 46 тысяч 900 р. в марте 1916 г. по предложению, как гласил отчет, преосвященнейшего епископа Пермского Андроника, в виду святой и высоко-патриотической цели нового государственного займа *) были истрачены на покупку облигаций военного займа.

Изготовление снарядов для новых убийств оказалось важнее, чем приют сирот уже убитых.

Во второй половине 1916 года была об'явлена подписка на 3-й заем.

Со стороны православной церкви последовал немедленный отклик.

Опять стали печатать воинственные лозунги, опять были опубликованы указания черному воинству.

Предрождественский синодальный лозунг гласил:

„Лучший ответ русских,
На германские слова о мире—
Усиленная подписка на военный заем“ **).

В некоторых случаях для руководства попов, им читали инструктивные доклады о наилучших способах агитации за военные займы. Так, например, в первых числах декабря 1916 года на собрании духовенства Царского Села был заслушан доклад инспектора мелкого кредита П. В Менчица, по вопросу, о наилучших способах пропаганды последнего военного займа среди населения округа ***).

Выше было указано, что синодальное определение предполагало использовать для успеха военного займа учителей церковно-приходских школ. Последние тоже не были обойдены церковным начальством. 1-го декабря 1916 года учащим в церковно-приходских школах Волын-

*) „Прих. Л.“ № 81 за 1916 год.
**) Там же, № 259 за 1916 год.
***) „Прих. Л.“ № 271 за 1916 год.

ской епархии были опубликованы точные инструкции о популяризации нового военного займа среди крестьянства. Инструкции предлагали учителям проявить максимальную энергию, ибо „обилие средств дает обилие снарядов“ и является „залогом победы“ *).

В специальных организациях, занятых реализацией займов попы усердно работали в тесном контакте и под руководством губернатора и земских начальников.

В церковной литературе помещались следующие образцовые поучения „о подписке на военный заем:“

„Братья... Каждую минуту... лопается... несметное количество снарядов. Как пузыри на реке во время дождя горы заготовленных снарядов тают, как весенний снег, и десятки тысяч рублей превращаются в клочья.. Сзади армии должны стоять наготове десятки тысяч орудий, с выставленными против врагов грозными жерлами, готовые в любую минуту зареветь и завизжать так, чтобы от этого рева и свиста немец присел к земле... Мы должны добиться того, чтобы наша артиллерия наводила ужас на свирепых немцев... **Братья прихожане!** Не забудьте, что **каждые ваши двадцать пять рублей—это лишний убийственный снаряд, который поразит десяток-другой врагов... Неужели жалко дать взаймы на такое великое и священное дело лишнюю, ненужную вам сотню рублей...** Поучитесь у таких же, как вы крестьян... В Царицыне в государственный банк явился скромно одетый мужичок, крестьянин... подписался на полмиллиона и заявил: „Царю-батюшке для победы над врагами нужны деньги. Еще подпишусь, только со старухой дома поговорю“... Последуйте этим добрым примерам... Неужели эти примеры не тронут вашего доброго сердца... Ибо и господь сказал: Кто не со мною, тот против меня; и кто не собирает со мною, тот расточает: (Мат. 12, 30). То же можно сказать и в данном случае: кто не хочет... собирать все нужное для победы, тот Иуда-предатель“. („Воскр. Благ.“ № 16 за 1916 г.).

Эти любовные речи сопровождались содействием военно-промышленным организациям. Согласно призыву синода „оказывать чем и насколько представится возможным, помощь военно-промышленным организациям по снабжению армии“ („Определение“, № 6028 от 20/VII—15 г.) при некоторых епархиальных комитетах были организованы военно-промышленные секции. По свидетельству официального отчета о деятельности православной церкви за 1915 год Оренбургская епархиальная военно-промышленная секция изыскала на военно-промышленные цели до 25-ти тысяч р. и организовала особый сбор металлов, давших до 10-ти тысяч пудов чугуна и до 100 п. меди.

Показательны попытки царизма и синода использовать аппарат православной церкви для выкачивания из карманов населения нужных милитаризму средств путем организации особых приходских сберегательных касс.

8 мая 1915 года министр финансов обратился к синодальному обер-прокурору с письмом (№ 873/33) в котором говорилось „об установлении посредничества со стороны духовенства между массами населения и государственными сберегательными кассами в деле взноса населением в кассы своих сбережений“.

4-го сентября того же года, обсудив соответствующие предложения обер-прокурора синод,—гласило синодальное определение,—(№ 7660)—

---

*) „Волынск. епар. вед.“ № 48—49 1916 г.

„нашел, что вопрос о приближении касс к населению и об облегчении сношений населения с кассами представляет весьма важное государственное значение, так как... ведет к значительному притоку в государственное казначейство средств, столь необходимых для нашего отечества, особенно в настоящее тяжелое время".

В этом же определении говорилось о выработке подробных инструкций тех обязанностей и занятий, кои будут возложены на православное духовенством новым родом его финансово-оперативной деятельности.

В течение всей войны, буквально каждое распоряжение царского правительства находило отклик со стороны церковных организаций.

Когда интересы милитаризма потребовали сокращения праздничных дней и работы в праздники,—эта мера была поддержана церковными организациями, заявившими, что „празднование в смысле праздности (т. е. отдыха) церковью не узаконялось, ни одобрялось". („Церковный вестник", № 33—1915 г.).

Когда было решено произвести перепись скота, синод постановил привлечь учащихся церковно-приходских школ в качестве работников и во всех епархиальных ведомостях был отдан строгий приказ „на предмет привлечения учащихся в церковно-приходских школах к делу повсеместной в империи переписи скота, и неуклонного содействия самого духовенства этой переписи".

Когда стал ощущаться недостаток в мясе—а царские интенданты воровали и гноили его целыми эшелонами—и когда армия голодала, в это время епархиальные поповские власти опубликовывали остроумные предложения „о том, чтобы приходские пастыри произносили поучения об отказе от употребления в дни поста мясной пищи и о том, каким позором покрывают себя добровольно сдающиеся в плен". И в разъяснении указывалось, что теперь „нужно совершенно отказаться от употребления в пищу мяса. Это будет иметь, прежде всего,—поясняли духовные отцы—важное значение в религиозно-нравственном отношении, и, кроме того, и великое государственное значение".

Дело доходило до того, что многочисленными архиереями составлялись специальные послания, читавшиеся в церквах и призывавшие население „к усиленной жертве" царским интендантам картофеля, капусты, огурцов, моркови, луку, петрушки, перцу, льна, пеньки, холста, сапог, брюк, полушубков, рубах, фуфаек, валенок, полотна, фланели, бумазеи, шерсти и т. д. и т. д.

Подобных военно-духовно-интендантских посланий было выпущено очень большое количество.

Так поступила православная церковь по отношению к каждому случаю *), когда в интересах эксплоататорского государства, в интересах военщины нужно было предпринять те или другие шаги. Однако, в 1921 году, когда понадобилось для спасения от мучительной смерти, десятков миллионов людей использовать церковные ценности мы увидели иное отношение. Тогда православная церковь единым фронтом заявила свое нежелание спасти умирающих.

Спрашивается, почему такая разница? Да, дело в том, что в первом случае деньги и средства нужны были на убийство „труждающихся и обремененных", а во втором—на спасение от голода.

---

*) В январе 1915 г. к обер-прокурору синода поступила просьба уфимского епископа возбудить ходатайство перед министром финансов о прекращении навсегда торговли водкой и пивом.

Обер-прокурор ответил, что „возбуждение такового ходатайства является преждевременным" („День" от 28/I 1915 г.).

VIII. ЦЕРКОВНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.

1. Дарданельские аппетиты под флагом святой Софии.

В первой главе уже говорилось о том, что участники войны, как с той, так и с другой стороны, имели грабительские цели. Царская Россия стремилась, главным образом, захватить Константинополь и проливы (из Черного моря в Средиземное), чтобы получить свободу хлебного вывоза и ключи к господству над Балканским полуостровом и малой Азией.

Для характеристики стремлений российского империализма большой исторический интерес представляет переписка министра иностранных дел царской России Сазонова с российским послом в Турции Гирсом в первые дни после начала военных действий. Из этой переписки видно, что царское правительство имело полную возможность не только избежать конфликта с Турцией, но и приобрести лишнего союзника, устранив, в то же время, опасность нового фронта.

Какое же отношение проявила российская православная церковь к империалистическим вожделениям царской России?

Мы видели, что православная церковь в интересах господствующих классов этот вопрос всеми силами затемняла. Говорили о гробе господнем, о духовном и священном характере войны, болтали всякую чепуху о необыкновенной полезности войны. Однако, поповская печать не выполнила бы своей классовой роли, если бы, замолчала вопрос о грабительских целях войны. И, правда, золотые грезы господ Милюковых, ею забыты не были. Поповская агитация эти стремления сочла необходимым приподносить широким массам под церковным соусом. С этой целью предмет мечтаний империализма—Константинополь—попы освещали как „око всех городов, предмет рассказов во всем мире, звелище превынемирное, кормитель церквей, вождь веры, путеводитель православия, попечитель просвещения, вместилище всякого блага, град царя великого, жилище вышнего, слава и похвала служащих ему, гостеприимное пристанище, царь городов царствующих, песнь песней, светлость светлости, исключительнейшее в мире зрелище из самых редких его явлений“ и т. п. („Церк. Вестн.“ № 37 за 1915 г.).

„Цель войны,—заявлял „Голос Истины“,—крест христов на храме св. Софии в Константинополе, взамен венчающего его теперь турецкого полумесяца. Константинополь—колыбель нашей православной веры, и он должен быть в наших руках... Царьград и Босфор должны быть наши, как колыбель веры нашей“. (№ 7—8 за 1916 г.).

Для этого, значит, надо было убить миллионы людей.

Так подводился религиозный фундамент.

Церковная печать сообщала, что стоимость храма св. Софии определяется суммой не меньше как 130.000.000 рублей.

Проповедуя необходимость завладеть этой святостью поповская печать называла ее следующими словами:

Она представляет,—писали попы,—„небо земное, престол славы божией, колесницу херувимскую, твердь вторую, возвещающую творение рук божиих, зрелище и произведение единственное, благопотребное радование всея земли... Центр четырех частей света, похвала херувимам и уничтожение варваров, второй рай“. („Церковн. Вест.“, № 37—1915 г.).

Ввиду этого—уверяли попы—Константинополь должен принадлежать России.

В то же время для инструктирования самих батюшек синодальная печать совершенно недвусмысленно излагала настоящую программу российского империализма. По поводу „босфорского вопроса“ эта

печать заявляла: „Вопрос этот заключается в том, что обладание Босфорским проливом должно быть предоставлено России, т.-е. нам должна быть предоставлена собственность на земли, прилегающие к Босфорскому проливу со стороны Европы и Азии с правом это пространство укрепить и оборонять. Если мы будем владеть Босфором, то в наших руках будет так сказать, ключ от входа в Черное море, а **самое это море обратится в русское озеро**, как это и должно быть, ибо все прочие государства, имеющие владение на Черноморском побережьи (Турция, Болгария и Румыния) имеют, кроме Румынии, выход в другие моря (Эгейское и Средиземное), а что касается Румынии, то интересы этого маленького государства не могут итти в сравнение с интересами мировой державы русской" и далее: „Обладание Босфором сократит нашу европейскую границу на две тысячи слишком верст

Религиозная пропаганда империализма. Рисунок из журнала „Русский Паломник" (№ 1—1915 г.), изображающий царского двуглавого орла и ангела в военной форме на крыше б. церкви св. Софии в Константинополе.

и вдвое усилит нашу боевую и политическую мощь на западно-европейских границах", (№ 115—1916 г. „Приход. Листок").

Неправда ли ясно!

Однако, это писалось для духовных отцов, а не для „стада".

Приходится признать, что империалистические аппетиты православной церкви были весьма широки.

Архиепископ Антоний писал: „Не Европу только надо очистить от турок, **а весь православный Восток**: господен гроб, Голгофу, Вифлеем, Дамаск, Бейрут и вообще все православные епархии. Если в настоящую войну удалось бы только очистить от них Константинополь, то на это следовало бы взирать лишь, как на первый этап освобождения христианства и непременно обеспечить за собою сильный и постоянный натиск на дальнейшие пределы турок, населенные православными греками и православными (!) арабами... Россия должна овладеть широкой лентой земли от Южного Кавказа до Дамаска и Яффы и овладеть Сирией и Палестиной, открыв для себя берег Средиземного моря и соединив ее с Кавказом жел. дорогами". («Пастырь и паства»).

Что говорить, святая прислуга имела аппетиты не меньше, чем хозяева.

Уже после революции, подводя итоги разговорам о целях войны, „Вестник военного и морского духовенства“ откровенно заявлял, что все красивые и мишурные фразы о „духовном смысле“ войны и об ее религиозных причинах имели „прикладное значение, как речи действующие на воображение и чувство“. И далее автор называл подлинными и неотвратимыми причинами войны экономический спор. Статья заканчивалась выражением надежды, что война удовлетворит интересы торговцев и промышленников, которым „пойдут барыши... на пользу“. („Вестник“, № 9—10—1917 г.).

В этих словах дается истинная оценка дарданельских упований российской буржуазии и ими же лишний раз подчеркивается настоящий характер церковного империализма.

Наконец, для характеристики мирных настроений христианской церкви и ее отношения к завоевательным планам царского правительства, довольно знаменательным является следующий факт.

В 1915 году константинопольский патриарх Гермоген обратился к синоду с посланием, в котором предлагал „неусыпно печись об избавлении от бед войны и о восстановлении мира“.

Что же ответил синод?

„На послание константинопольского патриарха,—как свидетельствует определение от 14-го ноября 1915 года за № 8662—синод ответил посланием, что „с благословенной победой русского оружия наступит время мира и любви“. (Рункевич „Великая отечественная война и церковная жизнь“, стр. 306)

2. Подвиги в Галиции.

С первых же дней войны российский империализм принимает меры к захвату Галиции. С трогательным однообразием, внимание православной церкви направилось туда же. Галиция,—писал архиепископ Никон,—„тоскует без нас, отданная на растерзание жидам и немцам и их приспешникам,—и вот, наконец, желанный час настал... Наш царь-батюшка... настоящий император, а австрийский—только арендатор“.

Через несколько дней после об'явления войны харьковский архиепископ Антоний заявил Николаю Романову, что миллионы галицийских крестьян „рвутся к подножию твоего престола“.

„На Галицию,—писал доктор церковной истории С. Рункевич,—были обращены наши взоры с самого начала войны“.

7-го августа 1914 года российские войска вторглись в Галицию.

10-го августа, в приказе главнокомандующего юго-западным фронтом генерала Иванова говорилось, что „Галичина с открытым сердцем и добрыми чувствами должна войти в лоно великой матери—Руси“.

Приказ генерала Брусилова, изданный на следующий день, ярко свитедельствует о прелестях новой жизни „освобожденной“ Галиции.

„До сведения моего дошло,—писал Брусилов,—о бывших случаях грабежа и насилий в различных пунктах, через которые проходили войска и обозы; так, казаками Терского и Кубанского казачьего войска произведены грабежи в с. Крогулец, 14-й парковой артил. бригадой—в м. Гржималове и др... Замеченных в мародерстве беспощадно пороть, причем эту обязанность возлагаю на всех без исключения начальствующих лиц, хотя бы виновные и не были им подчинены“.

Организация порядка шла во всю...

Господа офицеры настолько безобразничали, что 8-го декабря главнокомандующим юго-западным фронтом был издан приказ о недопущении их командировок во Львов, „без крайней необходимости".

Деятельность гражданского административного аппарата была не менее успешна. Тотчас по занятии Галиции царское правительство отправило туда отряды городовых, а их руководителем был назначен граф Бобринский.

На фоне такой действительности российская православная церковь развивает энергичную деятельность.

Еще в самом начале войны по распоряжению синода был учрежден особый комитет „для издания полемических листков об унии". Руководителем комитета назначили харьковского епископа Антония, которого еще до захвата Галиции называли экзархом Галиции. Комитетом были изданы 23 номера различных листков и одна брошюра.

В августе 1914 года значительная часть Галиции была занята русскими войсками и занятые местности образовали военное генерал-губернаторство. С согласия Николая Романова синод предложил волынскому архиепископу Евлогию в захваченных областях привести население в веру православную.

„Нужно поступать,—заявляли „Церковные Ведомости",—с твердостью и решительностью". Этот же журнал наметил следующие меры:

а) немедленно закрыть орден базилиан, учрежденный иезуитами;

б) отрешить от должности местных епископов;

в) положить предел агитации против православия... опасной в политическом отношении;

г) выселить всех иезуитов из Галичины, а костелы и все учреждения их закрыть. (№ 38—1914 г.).

Помимо указанных было предположено осуществить и другие, не менее крепкие, начинания.

Попы говорили: „Вообще надо помнить, что русское влияние в Галиции может рассчитывать на успех только в случае, **если его подкладка будет православная**". („Моск. Церкв. Вед.", № 40—1914 г.).

Поповское воззвание к русскому (!) населению Галичины, размноженное в большом количестве и переданное передовым отрядам царской армии, вторгшейся в Галицию, для распространения среди местного населения, гласило:

„Многострадальный русский народ галицкой земли! Братья и сестры!..

По велению всевышнего славное и непобидимое воинство православного русского царя вступило на Галицкую землю, щобы принести ее несчастному народу волю и счастье, щобы приняти его в просторный и достатный дом, одной, неразделимой русской родины. Открывай храмы, и, преклоньше колена, вознеси ты, русский мужик Галичины, к престолу всевышнего горячую молитву. Радуясь искуплению благодари всевышнего за посланное счастье.

Не прерывая молитву, бери крест и хоругви и с торжественным пением молитвы: „С нами бог", встречай православное русское воинство, которое несет тебе не только широкий простор, земли и хлеб для утоления голода телесного, но несет тебе также твое незапятнанное имя Руси, несет тебе православную веру твоих предков, несет тебе волю и свободу русского человека на своей родной русской земле.

Ты же, несчастный русский галичанин, которого жестокая судьба заставила в рядах вражеской армии с оружием в руках выступити против своих братьев, несущих вашему народу искупление, осени себя крестным знаменем, благослови ту хвилю (момент), в которой совер-

шается освобождение родной земли. Кидай оружие и отдавайся православному воинству, которое приймет тебя не як военного пленника, а як родного брата, вертаючего с неволи под стреху родной хаты. Кидай оружие, щобы в велику хвилю освобождения Галицкой Руси не лилась кровь брата от руки брата...“

Распространяя данное воззвание господа офицеры одновременно занимались религиозным хулиганством.

„Они,—сообщали „Волын. Епарх. Вед.“;—доказывают твердо, что они преданные сыновья своего самодержавного царя. Их сердце разрывается, когда, присутствуя за богослужением униатским, они слышат молитвы, но в них нет моления за их великого благочестивейшего отца царя нашего. Они не могут этого перенести и сами стараются внушить, что где бы то ни было, все равно у них одна глава, один управитель и повелитель—государь император Николай Александрович.

Пример налицо. При проходах нашего христолюбивого воинства приходится совершать службы и в поле, а иногда, проходя через села, бывать приходится и в сельском храме, где служат униатские священники.

В один из таких храмов зашли наши солдаты и офицеры. Стояли литургию, но, к скорби их, священник молился за папу и митрополита львовского“.

Далее благочестивый церковный журнал повествует, что один из офицеров не выдержал этого и, взойдя на солею запел громким голосом: „благочестивейшего, самодержавнейшего, великого государя нашего императора Николая Александровича всея России“.

Некоторые молодцы, в тоже время, влезли на колокольню и начался победоносный звон. После „благочестивейшего“ господин офицер спел на солеи вторую арию: „Спаси господи люди твоя, победу благоверному императору“ и т. д.

По отзыву „В. Е. В-й“ это выступление господ офицеров так подействовало на местных жителей, что они „были поражены“.

Выше было указано, что синод поручил архиепископу Евлогию, (бывшему офицеру) организацию православной работы в Галиции.

29 ноября 1914 года Евлогий был освобожден от фактического управления Волынской епархией с тем, чтобы все свои таланты направить на миссионерскую работу в Галиции. (Определение синода № 10952 за 1914 год).

Приблизительно в это же время, по сообщению официальной церковной печати, „в Киеве состоялось совещание **церковно-политического характера** трех архиереев, непосредственно заинтересованных в судьбах русских церквей в Галиции: митрополита киевского Флавиана, носящего также теперь титул митрополита галицкого, архиепископа харьковского Антония, состоящего экзархом Галиции, и архиепископа волынского Евлогия, непосредственно руководящего православным духовенством в Галиции“. („Церков. Вестн.“ № 34—1914 г.)

На этом совещании было решено организовать в Галиции массовое обращение местных жителей в веру православную. Заслуживает внимания, то обстоятельство, что до захвата Галиции в ее пределах была лишь одна православная церковь и по официальной статистике 1910 года насчитывалось 2.845 православных.

Такого рода статистика, конечно, не соответствовала интересам российского империализма. И вот, православная церковь начинает усиленно раздувать кадило. Святейший синод выносит решение открыть в ближайшее время не менее ста православных приходов.

Пускай, дескать, создается подкладка православная.

Архиереям 14-ти западных и южных епархий было отдано распоряжение, отобрать из числа духовенства 100 наиболее опытных в миссионерской работе и эти попы в течение кратчайшего срока, должны были отправиться к месту новой службы. Каждому из них было решено положить по 100 рублей ежемесячного жалования, жалованье по прежней службе, прежнюю квартиру и доходы с угодий. Кроме этого, им было предоставлено право брать соответствующую мзду с вновь обращенных, сколько кто сумеет. В итоге кусок должен был получиться довольно жирный. Но в таком вопросе царское правительство, конечно, не считало нужным соблюдать режим экономии. Было решено также, кроме денег, попам вновь открытых приходов отпустить деньги на содержание певцов и псаломщиков по 25 рублей ежемесячно на каждого певца и псаломщика.

Пускай, дескать, завлекают православных.

Все эти суммы совет министров отпустил в „качестве чрезвычайного сверхсметного кредита“ *).

В январе 1915 года архиепископ Евлогий возбудил ходатайство об отпуске в его распоряжение для миссионерских целей инспектора Холмской духовной семинарии иеромонаха Смарагда для лучшей постановки „обращения“, и возведении его в сан архимандрита. Синод это ходатайство, конечно, удовлетворил.

Учитывая эксплоататорское значение монастырей, синод решил принять меры к постройке монастыря на месте Манявского скита и было возбуждено ходатайство о передаче духовному ведомству окружающей его местности **).

В это же время поднимается вопрос об учреждении специальной семинарии для приготовления будущих галицийских попов.

Церковные православные власти в своей работе по обращению галичан не забывали применять на практике свою воспитательную систему. Вскоре по вступлении войска в Галицию царское правительство занялось руссификацией населения. В целом ряде городов Галиции и в Ленинграде были открыты учительские курсы для приготовления галицийских учителей и учительниц к преподаванию в школах на русском языке.

Слушатели этих курсов были присоединены к православию. После их присоединения церковная печать заявляла, что: «Теперь православие, самодержавие и народность будут лозунгом и для их будущей учительской деятельности».

Что же касается специально поповских школ (церковно-приходских), то таковые насаждались царскими чиновниками и попами с великим старанием.

Во многих местах дело обстояло весьма просто. Целый ряд школ по распоряжению военной власти переходил в заведывание православного духовенства ***).

На первых порах поповский богослужебный механизм имел недостаток в различных церковных предметах. Об этом синод также позаботился и вскоре после занятия Галиции туда начали усиленно транспортировать иконы, поповское облачение, лампады, кадила, восковые свечи, воздухи, стихари, разрешительные молитвы, антиминсы, отпечатанные на картоне молитвы за императора и тому подобные святости. Один лишь Белогородский Свято-Троицкий монастырь послал 10 ящиков, в коих было 668 разных церковных предметов.

*) Рункевич „Великая война и от. жизнь“, стр. 206.
**) Там же, стр. 201.
***) Там же.

Что же представляла собой миссионерская работа православной церкви в Галиции?

Несмотря на строжайшую царскую цензуру, отдельные штрихи церковно-империалистической работы можно было видеть по официальным сообщениям.

Свобода религиозных верований была уничтожена.

Католических и униатских священников сажали в тюрьмы, униатские приходы целыми пачками переводили в православие.

Воровство церквей приняло широкий размер.

Однако, все энергичные заботы оказались напрасными.

Галиция была оставлена русскими войсками и 4-го июля 1915 г. Евлогий выехал из Львова.

Так и не удалось православной церкви построить подкладку для российского империализма.

3. Дружба с английскими попами.

Еще до начала мировой войны между английским и российским империализмом устанавливаются дружественные отношения на почве общих грабительских интересов.

Дружба хозяев создала нежную связь между церковью англиканской и православной. С января 1912 года было открыто „Русское общество ревнителей сближения англиканской церкви с православною", председателем которого состоял известный черносотенец архиепископ Евлогий.

С первых же дней империалистической бойни взаимная любовь англиканских и православных попов начинает расти быстрым темпом. „Великая война,—писал по этому поводу епископ Лондонский,—установила связи между Россией и Великобританией и потому становится более важным, чтобы две церкви... теснее примкнули одна к другой". (Предисловие книги на английском языке „Русская церковь, лекции по ее истории, устройству, учению и богослужению").

7-го июля 1915 года нижняя палата Кентерберийской конвокации приняла следующие две резолюции:

„Палата признает, что союз с Россией в великой европейской войне является исключительным удобным случаем для углубления и расширения дружественных отношений, уже существующих между нами и православною восточною церковью".

Вторая резолюция была такова:

„Палата почтительно просит председателя или лично или через посредство некоторых таких лиц, которых он найдет удобным назначить, войти в сношения с представителями православной восточной церкви относительно использования современных благоприятных обстоятельств для дальнейшего развития и укрепления дружественных отношений между англиканскою церковью и православною восточною церковью".

На английском языке появляется ряд книг о деятельности православной церкви. Давая характеристику одного из таких сочинений синодальная печать отмечала, что она „является как нельзя более соответствующим условиям переживаемого политического момента". Эта литература была щедро пересыпана всевозможными комплиментами простой, **здоровой** (!) и благочестивой жизни русского духовенства", **„слишком прогрессивной (!)** православной церкви", „нетленности святых", **„отеческому (!) управлению"** и что наиболее примечательно, так это то, что английские католические попы тоже, ввиду особенностей момента, расшаркивались перед православными.

Взаимные любезности носили самый разносторонний характер: английские попы посещали православные церкви и, наоборот, обменивались прочувственными посланиями, одно из которых здесь привожу:

Письмо английского попа митрополиту Макарию:

„Его Высокопреосвященству

Высокопреосвященнейшему Макарию,

Митрополиту Московскому:

(Перевод с английского).

В качестве смиренного священника английской церкви я хотел бы выразить то, что я знаю, есть в сердцах тысяч нашего духовенства и десятков тысяч наших мирян, а именно—относительно нашего восхищения **перед тем участием, которое принимает ваша церковь в настоящей святой войне** (предпринятой) для разрушения милитаристического деспотизма и для защиты слабых государств.

Верим, что эта война сведет очень близко великую восточную церковь и церковь Англии.

Вы, как и мы, апеллируете к ранним церковным соборам и подавляете позднейшие и неоправдываемые добавления. Ваша церковь—как и наша собственная—толерантная, благорасположенная и всеоб'емлющая.

Мы простираем вам наши братские руки. Мы радуемся, что существует живое общение между церквами. Мы не забываем, что патриархи и епископы вашей церкви с радостью принимались на богослужениях нашей церкви. Мы также не забываем приветливого приема, который был оказан нашим епископам. Мы помним, как епископ Крейтон—в тогдашнее время епископ г. Питербари—был любезно принят, когда он представлял собою нашу церковь на коронации вашего царя, и как отец Иоанн и он (Крейтон), расхаживали среди вашего народа, принимая его приветствия и давая ему свое общее благословение.

Мы невыразимо тронуты простою верою вашего народа, который получил и получает благословение церкви, идя на войну. Такой подвиг подымает наши сердца и заставляет нас благословлять бога за то, что век веры еще не вымер во вселенной.

Если вождям нашей церкви позволительно чувствовать, что настоящий момент не таков, когда они могут говорить с той свободой, какою можно пользоваться скромному частному лицу, я (однако), почувствовал, что мне во всяком случае следует сказать вам, что многие молятся за вас в этой (нашей) стране, равно как и мы верим, что многие в вашей стране молятся за нас.

Исход этой войны не только **да увенчает наше совместное предприятие успехом по оружию, но да углубит он и нашу взаимную любовь,** и общение, и **да** поведет он к такому духовному взаимообщению в таинствах (интеркоммуниону), которое **свяжет наши церкви вместе святою любовью.**

Таким образом, нашего господа план об'единения его людей да будет приближен к осуществлению, и благословение божие да почиет на нас более обильною мерою, чем какую мы когда-либо знали до сих пор.

Примите уверение в искреннем уважении и особенной преданности Х. Эрнест Крофст".

А вот:

„Ответ от имени его высокопреосвященства, высокопреосвященнейшего митрополита Макария, его высокопреподобию Х. Эрнесту Крофтс. Лидс, Англия.

Его Высокопреосвященство владыка митрополит Московский Макарий благодарит Вас за чувства, которые вы были добры выразить в Вашем письме, и которые, как Вы говорите, находятся в сердцах тысяч английского духовенства и десятков тысяч английских мирян,— чувства довольно похвальные для православной русской церкви и для русского народа.

Конечно, если церковь святая,—она должна принимать участие в настоящей войне, которую Вы называете в Вашем письме священною.

Что касается нашего народа, то дай ему бог всегда знать и чувствовать, что смирение и любовь суть главные христианские добродетели.

Вы совершеннно справедливо верите в то, что мы молимся за вас. С начала войны мы читаем в наших храмах за богослужениями особу молитву о победе нашего русского воинства и вашего оружия, как союзного с нами народа.

Мы всегда молимся о соединении всех христиан и верим и надеемся, что оно наступит по слову нашего господа Иисуса Христа— „да вси едино будут“ (ев. Иоан., 16, 17, 21).

Ваше письмо будет напечатано в „Московских Церковных Ведомостях“ и, конечно, наше духовенство прочитает его с большим интересом и утешением.

Митрополит Макарий.

Заботясь о поднятии боеспособности русских войск, англиканская церковь в лице своих представителей, снабжала русскую армию поповской литературой, иконами, крестиками и т. п. боевыми святостями.

Из всего этого, мы видим, что интересы совместного околпачивания солдатских голов и заботы о наилучшем истреблении крестьян и рабочих, привели к трогательной дружбе английских и русских попов.

В обычное время между попами различных церквей идет усиленная борьба из-за ловли овец в свое стадо, однако, во имя интересов милитаризма попы сменяют войну на мир, сменяют для того, чтобы лучше воевать против трудящихся.

4. Вильгельм—„антихрист“.

Английские и православные попы много поработали над тем, чтобы солдатские массы и население смотрело на войну как на великий религиозный подвиг, как на борьбу за христа.

С этой целью германского императора Вильгельма об'явили антихристом. Журнал „Исторический вестник“ приводит ряд интересных примеров, о том, как английская и французская печать использовала в интересах милитаризма басню об антихристе.

„Англичане (News of Worl) доказывают, что звериное число Апокалипсиса,—шестьсот шестьдесят шесть, приложимо к императору Вильгельму, который родился 27 января 1859 года. Когда исполнилось со дня его рождения 666 месяцев, он об'явил христианскому миру зверскую войну, опираясь с одной стороны на губительные пушки с адским огнем, с другой—на подкупленный мусульманский восток“.

Во французской печати („Figaro“) писали вроде этого. „Французы,—сообщал „Исторический вестник“—нашли рукопись... которая указывает на Вильгельма, как антихриста. Вот некоторые выдержки: „Настоящий антихрист предстанет в образе одного из монархов своего

времени и будет сыном Лютера. Он будет взывать к богу, а служить будет. пославшему его. Этот принц лжи будет клясться перед библией.

У него будет лишь одна рука, но его бесчисленные войска, которые примут за девиз „бог с нами", будут казаться адскими легионами... Война охватит все христианские народности... Петух (Франция), леопард (Англия) и белый орел (Россия)... трое зверей не должны прекращать битвы до тех пор, пока у антихриста не останется больше ни одного солдата... Трое зверей—защитники ангела — уничтожат последнюю армию антихриста...

Белый орел (Россия) по повелению архангела Михаила вытеснит Турцию из Европы, где останутся одни лишь верующие. Он утвердится в Константинополе..."

В этом предсказании, умело составленном, как видим, утверждалось что союзники сражаются за агнца—христа и тут же было указание, что царский орел водрузится в Константинополе по повелению

Плакат с изображением „антихриста—Вильгельма".

архангела Михаила. Тут же имелось указание о необходимости истребить немецких солдат до последнего человека.

Чистая работа...

Союзным попам не уступали и русские.

Тонко сработанные сказания приписывали Вильгельму следующие слова:

„Погублю,—говорит,—веру христову, разрушу их храмы, изрублю иконы, покорю себе русскую землю и будут тогда все кланяться мне и почитать меня как бога".

И говорит... Буду я самим богом, разрушу всю веру христову, положу печать на всех и буду царствовать, и будут все кланяться мне. Растопчу я святую Русь, весь народ в плен заберу, а землю в

песок обращу: не будет на ней ни хлеб расти, ни травы цвести". Далее указывалось, что **немца** за поклонение антихристу **„господь осудил на долгую муку,** вот как евреев, потому они христа распяли, а немцы против христа войною пошли. Значит, одинаково и согрешили".

Подобного рода сказания помещались в поповской и буржуазной печати. Нередко помещали следующие лозунги: „Император Вильгельм—апокалипсический зверь". Было отпечатано много картин изображавших Вильгельма в виде антихриста, духа зла, вампира и т. п. На одной из этих картин Вильгельм был изображен верхом на каком-то звере похожем на свинью. В левой сухой руке он держит стеклянную пробирку с бациллами холеры. Рядом с ним сидит, очевидно, чорт и его сопровождают собаки и летучие мыши в военных касках. Под картиной была надпись: „Германский антихрист—император Вильгельм, тиран Европы... презрев все высокие заветы христа, окруженный сонмом всякой нечисти в безумном ослеплении своим мнимым величием, сбросив крест со своей императорской короны, идет походом против всех народов мира, против свободы, справедливости и правды. По его приказу немецкие солдаты жгут чужое добро, убивают мирных жителей, бесчестят женщин, бросают младенцев в огонь, несут смерть и опустошение.

Война с Германией — священная война за свободу, правду и справедливость, за веру, царя и русский народ".

Такими произведениями стремились разжечь воинский дух христолюбивого воинства.

Ссылаясь на вышеуказанные басни попы говорили:

„Германия должна быть разгромлена — в ней дух антихриста". В поповской печати Вильгельму, как „антихристу" было посвящено много всевозможных сказаний и басен. Протоиерей И. Слободский в одном из них писал, что Вильгельм положил сердце свое на алтарь сатаны и рассказывал, как будто он сам видел: „Синим об'ято огнем, закурилось отступника сердце" и т. д. („Вестник..." за 1915 г.).

Вся эта работа целиком и всецело обслуживала интересы военщины, интересы истребления крестьян и рабочих всех национальностей.

IX. „УЧАСТИЕ" НЕБЕСНЫХ СИЛ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ.

В массовой поповской литературе, распространявшейся в армии, было описано много примеров божественной помощи во время драки.

В течение всей войны церковники усиленно распространяли слухи о всевозможных чудесах в решете, совершившихся и в текущую войну.

„Настоящая война,—заявлял поповский сборник „Чудесное на войне", несомненно, ведется под особым покровительством божественного промысла, пречистой девы богородицы и св. угодников, защитников земли и народа русского, и вся она наполнена видимыми, очевидными и непрестанными проявлениями чудесной помощи свыше".

В сентябре 1914 г. в газетах „Биржевые Ведомости", „Петроградская газета" и во многих поповских журналах было напечатано сообщение „о явлении царицей небесной, крепкой в бранях помощнице". Очевидцем указывали командира эскадрона лейб-гвардии кирасир поручика Зернец. Как говорили попы, это чудесное явление имело место под Августовым, причем богородица одной рукой указывала на запад.

В журнале военно-духовной администрации (№ 21) было помещено официальное сообщение.

Тотчас были отпечатаны листовки с соответствующим текстом и рисунками, свидетельствующими, что богородица лично командует рус-

скими войсками. Эта листовка, как признавались духовные отцы распространялась с целью поднять боеспособность войск.

Вскоре после этого получают широкое распространение слухи о чуде св. Иоанна русского. (Его мощи находились в Прокмионе, в Турции).

„Несколько времени тому назад,—сообщал „Воскресный листок"—святой скрылся из церкви, в которой почивали его святые мощи. За сие экклесиарх был посажен в холодную. Той же ночью святой явился одной благочестивой старушке (60-тилетней девице) и просил отпустить экклесиарха, ибо он, святой Иоанн, ходил благословлять русское оружие в Россию на два—три дня. Действительно по истечении трех дней мощи обрелись". Дальше следует: „Что прибавить к этому? Ничего. Только тихо загорается сердце". (№ 3 за 1915 г.).

Сообщая об этом „факте" журнал „Русский Паломник" (№ 32—15 г.) и „Церковность" от 6 августа 1915 г. дополнительно заявляли, что мощи Иоанна вышеуказанной шестидесятилетней невинной девице предсказали, что русские войска скоро будут в Турции.

В журнале „Вестник военного и морского духовенства" поп Петр Молчанов поместил статью под заголовком „Св. Никола милостивый помог".

„Это было в минувшем 1914 году, мы стояли в Лодзи, отбиваясь от немцев... Артиллерия у нас была превосходная и мы, не жалея снарядов, порядком-таки крошили немчуру. Но тут случилась беда, в разгаре боя в нашей батарее, занимавшей самое важное положение, одна из пушек вдруг оказалась негодной для стрельбы... Что с ней случилось, отчего она порушилась, мы не могли понять и сколько не бились не в силах были помочь несчастью. А к нам, между тем, сломя голову неслись вестовой за вестовым с приказом немедленно усилить огонь с нашей батареи. Мы были в отчаянии. Командир выходил из себя и сулил 50 рублей тому, кто исправит пушку, но все только разводили руками, а пушка тем временем бездействовала на руку нашим врагам. И вот когда мы думали, что лишились пушки и что это послужит причиной нашего неуспеха,—вперед выступил наш молодой поручик. Осенив себя крестным знаменем, он поднял взор к небу, весь как-то вытянулся, будто хотел подняться кверху и громко воскликнул, падая на колени: „Николай чудотворец, святитель христов, помоги нам, выручи нас из беды"! И подойдя потом к пушке, он осмотрел ее механизм и вдруг закричал: „Смотрите, смотрите в затворе"! Мы обступили его вытягиваясь и заглядывая в затвор пушки. И что же? Там оказался винтик, маленький винтик... Все были поражены случившимся и благодарили бога. Пушку, конечно, исправили и она опять понесла смерть наступавшему врагу".

„Тут,—заключает рассказ поп Молчанов,—истинное чудо нам святой Николай милостивый помог. („Вестник..." № 4 за 1916 г.).

По словам попов, небесные силы, в артиллерийском деле оказывались весьма опытными. Холмский епископ Анастасий рассказывал, например, следующее событие, совершившееся, якобы, в августе 1914 года. Несколько человек из жителей Люблинской губернии были взяты в плен германскими войсками. Они попросили у неприятеля разрешения помолиться и получив согласие—запели: „Заступнице усердная"... В это время влетает в деревню снаряд, разрывается и убивает наповал начальника австрийского отряда, солдаты его в страхе разбегаются, отдаваясь в плен, а молившиеся... славили заступницу рода христианского.

Об этой дивной помощи им пресвятые богородице тотчас же они возвестили пришедшим русским войскам, и те молитвенно присоединились к их горячему благодарению владычице". („Церковн. вед." № 43 за 1915 год).

Это приключение с небесным снарядом епископ Анастасий озаглавил: „Чудесная милость пресвятые богородицы".

Рассказы, подобные вышеприведенному, чередовались с описаниями замечательных происшествий, когда неприятельские „чемоданы" чудесным образом отлетали в стороны не причинив никакого вреда. Такое событие, описывает, например, телеграмма генерала Соколова и рапорт полкового попа Граворонского полка Иоакима Лещинского. Содержание этих документов гласит, что во время провозглашения многолетия неприятельская шрапнель ударив в паперть церкви отхлынула чудом божием и благодаря этому чуду поп Лещинский мог благополучно кончить многолетие всему царствующему дому.

Но особенно много чудес в решете совершилось с различного рода видениями.

В октябре 1914 года во время чудовищных боев с германскими войсками под Варшавой, попы распространяли сообщение, что некий белый генерал летает над русскими войсками и ими командует. Было отпечатано его изображение, верхом на лошади, с шашкой в руке в полной генеральской форме. Он изображался летящем в воздухе над головами идущих в атаку войск. Буржуазная печать, конечно, поддерживала поповскую басню. В „Историческом Вестнике" по этому вопросу писали: „Около которого солдата остановится белый генерал и взглянет на него, тому до конца войны живым быть; а мимо которого он пройдет не глядя, тому не сегодня—завтра, смерть найти". Этот же журнал рассказывая о видении, старался подвести под него „исторический фундамент", рассуждениями такого рода:

„В истории много можно найти указаний, как во время сражений появляется лучезарный всадник и разит неприятельское войско своим копьем или мечом. Библийскому Израилю в его завоеваниях в Ханаанской земле, всегда сопутствовал „вождь воинства господня, с обнаженным мечом в руке" (стр. 584).

В феврале месяце 1915 года батальонный командир Каврского полка, капитан Григорий Филончик „на облаках ясно видел" икону Тихвинской богородицы, которая, по его словам, оказала ему помощь в постройке военных укреплений. (Вестник... № 2 за 1916 г.).

Полковой поп его полка Иоанн Терлецкий донес об этом протопресвитеру Шавельскому и известие об этом событии облетело всю печать.

Попы оказались не менее изобретательными. Одни рассказывали про видения ангелов, другие наблюдали на небе белоснежный крест, третьи во время артиллерийского боя видели небесные кресты из дыма, четвертые рассказывали про богородицу, надевавшую на мертвых венцы и т. д., и т. д.

Поповские организации проявили в этом отношении большую изобретательность.

Вот еще несколько примеров:

В „Вестнике военного и морского духовенства" была напечатана статья под заголовком „Чудо милости божией на войне от Остробрамской иконы богоматери", составленная на основании письма командира 109 Волжского полка С. И. Карпова.

30 го сентября 1915 года в помещение занимаемое штабом попали два неприятельских снаряда. Командир полка и чины штаба остались

живы-здоровы; убило ординарца, двух телеграфистов и денщика подпоручика Алексенского и они сгорели. Так вот, чудо милостью создателя и пресвятой владычицы (через икону Виленской Остробрамской богоматери) заключается, как оказывается, в том, что командир и штаб спаслись, оставшись невредимыми, а погибли лишь солдаты.

Разве это не замечательно?

Оказывается божественная благодать понимает, кого миловать, кого убивать. Господам офицерам спасение, а солдатикам смерть и сожжение. („Вестник...“ № 15—16 за 1916 год).

В журнале „Церковность“ (его редактором был Восторгов) печатали сообщения, о том, что царское присутствие излечивает глухонемых (6 августа—1915 г.). Там же была помещена следующая корреспонденция:

„При осаде крепости Осовца в крепостную церковь влетел неприятельский снаряд, попал в предел, разбил окно... но престола нетронул, словно сила небесная оградила крест и евангелие от погрома и... самый снаряд исчез неизвестно куда. И что же? За все время начавшейся после этого чудесного предзнаменования бомбардировки немцы подбили у нас только одно орудие“, а остальные, как видно из сообщения, остались нетронутыми, так как их, якобы, охраняла божественная благодать.

Каких только божественных чудес не совершали небесные силы по поповским рассказам!

Рассказывали, что церковные колокола звонили сами собой, уверяли, что небесный огонь взрывает заложенные неприятелем фугасы, так что на воздух взрывается свыше двух баталионов германцев. (Чудесное... стр. 31), передавали, что при помощи Николая чудотворца удалось накрошить горы вражеских тел и т. д., и т. п.

Каков же был социальный состав очевидцев, всех этих чудес в решете и их сочинителей?

Прежде всего попы, затем генералы, командиры полков и т. п. публика. Эти люди работали в трогательном контакте, стараясь воспламенить, ободрить посредством различных махинаций суеверную тогда еще солдатскую массу. Вместе с тем церковные послания своим чадам на фронтах подробно рассказывали о силах небесных.

„Ангелы божии, значит, прежде всего воины; у них тоже есть своего рода войны, напоминающие наши“. („Проповеднический листок“ № 9 за 1914 год).

Любимое имя божие—это савваоф, что значит: „господь воинств“. Он „крепкий во бранех“ (в войнах) (там же № 6 за 1917 год). Поясняя способности христианского бога. „Воскресный листок“ повторял любимое выражение Суворова: „Бог нас водит, он наш генерал“ (№ 1 за 1914 г.).

Относительно богоматери давались тоже любопытные сведения. Раз'ясняя покаянный канон, „Моск. Церк. Вед.“ заявляли: Богородительнице пречистая... пленяет ратники и проходит послушание, т.-е. берет в плен врагов и держит их в повиновении“. № 13 за 1916 год).

„От нее зависит, от ее помощи или гнева,—пояснял „Воскр. листок“,—тот или иной исход войны... „Ею же воздвижутся победы... Ею же ниспадают врази“. (12 Икос Акаф.)... Православные христиане благодарят ее, как взбранную воеводу, т.-е., как невидимого вождя воинов христианских за них сражающуюся... **В настоящей войне... она с нами; она за нас;** она не оставляет вождей и воинов наших без своего победоносного водительства: **в этой войне она поистине взбранная воевода...** Нет сомнения, что она незримо пребывает на

фронте, руководя к победе земными вождями нашими". („Воскр. Листок" № 45—46 за 1916 год).

В январе 1915 года в церковной печати появились сообщения, что богородица в виде женщины в белом одеянии пугает немцев огненными глазами. („Волынск. Еп. Вед." № 7 за 1916 год).

Это сообщение было помещено в очень многих церковных журналах. 8-го июня 1915 года Петроградский митрополит Владимир послал верховному главнокомандующему Николаю Николаевичу телеграмму, в которой писал: „Дерзай, благоверный княже,—за тебя и воинство поборает сама владычица.

На что верховный главнокомандующий немедленно ответил:

„От всей души и сердца... владыко... глубоко верю".

Доказав безусловную боеспособность бога, его мамаши, ангелов и угодников проповедники говорили:

„А теперь мы скажем: в надежде на помощь божию пойдем на ратный бой; памятуя, что с нами бог, дивный во святых".

(„Моск. Цер. Вед.", № 34—14 г.).

Эту же мысль Е. Снигирев выражал более энергичным языком. Он писал и проповедывал: „Радуюсь радостью светлою за вас! Вы не идете, как сирые отверженцы, как забытые богом. Ибо вот—он воздвиг вам заступников и помощников; послал господь воителей за вас. По слову его собрались они, сошли с небесных кругов, слетелись вокруг вас, неисчислимые, непобедимые, неотвратимые... Они вознеслись над вами клубящимися облаками, они пламенеющие силы, кующие сердца ужасами, как молотом. Они—громовеющие столпы, поднявшиеся от земли до высокого неба. Они двинулись железными скалами вместе с вами. Архангелы и херувимы, и власти, и воинства небесные многочисленными столпами восшумели вокруг вас. И Серафим великий и все небесные братья осенили вас.

О, дети мои! Вы пойдете с ними, как огонь бегущий по траве. И даст вам господь к победам победы и славу святому царю своему". („Кронштадский пастырь", № 39—1914 г.).

С такой неисчислимой, клубящейся, пламенеющей, громовеющей, как огонь бегущий подмогой, конечно, бояться было нечего.

Московский поп Иоанн Ивин писал:

„Колесниц божьих тьмы,
Сотни тысяч кругом,—
С божьей силою мы
Смело в битву идем,
Удушливый газ... шлет... он к вам...
Псы язык погрузят
В теплой вражьей крови,
Мы в церквах воспоем
Славу господу сил..." („Моск. Цер. Вед." № 49—1916 г.).

В то же время германским войскам православные попы предсказывали следующее будущее:

„Горе врагам вашим! Будут они добычей и жертвой и будут они пищею хищников.

Выпустят на них львов и орлов, рыкающее и шумящее крыльями воинство. И будут они целью, и жизнь их станет мишенью. Орлы притупят об них клювья свои, и челюсти львов утомятся дробить их кости.

Придут на них грабители и отнимут у них все... В день разрушения их прибегут их друзья к ним и будут помогать обирающим их.

Они... бодались направо и налево. Они отданы на с'едение всем народам... И будут они плакать как девы от горьких обид...

Точащие черви обовьют их сердца..." („Кронштадт. пас." № 39—1914 г.).

X. ЦЕРКОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО СОЛДАТСКИХ ПИСЕМ С ФРОНТА.

Официальные сообщения ставки верховного главнокомандующего были явной ложью. Количество потерь замалчивалось и отступление характеризовалось как своего рода стратегические победы. При помощи свирепой военной цензуры делалось все возможное для того, чтобы в тыл не попадали сведения о порядках фронта. Газеты, находившиеся в руках правительства и буржуазии, стремились подогреть настроение, стремились поддержать своим патриотическим звоном лозунг „война до победного конца".

Однако, в конце концов, население стало относиться с недоверием к тем потокам лжи, которые широко разливались в тылу. Стоны умиравших доносились до тыла. Приехавшие с фронта очевидцы, раненые, медицинский персонал рассказывали о всем том, что приходилось видеть. Их рассказы распространялись в массах, к ним внимательно прислушивались.

Кроме этого, правдивые сведения поступали в тыл через миллионы писем. Правда, содержание этих писем коверкалось, их уничтожали, но все же письма рисовали совершенно иную картину, чем газеты. Даже те, кто жаждал войны до победы, даже они—не могли молчать о положении дел и сообщали домой более или менее правдивые сведения.

Лемке приводит в своей книге следующие выдержки из письма подполковника А. Немирович-Данченко к баронессе А. И. Корф от 1-го октября 1914 г. Этот подполковник ездил с одним из великих князей в II, IV и V армии юго-западного фронта с поручением от Николая Романова. „Впечатление,—писал он, от наших войск на передовых позициях не важное: войска чрезвычайно изнурены от длинных переходов и бестолковых перетасовок армий; связь между корпусами и дивизиями плохая; нижние чины производят впечатление довольно безучастное к военным действиям... У нас во всем беспорядок: крепость Ивангород была совсем уничтожена. Теперь с августа ее начали вооружать орудиями из Бреста; конечно, орудий оказалось слишком мало, а прожекторов только три, когда их надо гораздо больше. Во всем уже были недостатки, в подвозе снарядов, провианта и т. п...» *).

Это письмо было написано в начале войны, а в дальнейшем прислужники милитаризма вынуждены были описывать положение дел в более темных тонах.

В такой обстановке (а для солдата действительность была еще более тяжелой, ибо он был не только наблюдателем, но выносил ее на своей шее), солдатские письма радовать деревню не могли. В этих письмах из нескольких строк, из нескольких каракуль выступала неприятная для господствующих классов правда.

В связи с этим господа офицеры начинают принимать меры.

В 7-м номере газеты „Безбожник" за 1925 год была помещена заметка, иллюстрирующая роль офицерства в фабрикации прочувственных писем.

Привожу сначала текст письма, а затем его историю.

„Дорогие родители!

*) Лемке „250 дней в царской ставке".

Спешу уведомить вас, что я жив и здоров, что и вам от господа бога желаю. Я живу по милости божьей по старому, новостей у нас никаких. Служим и служба то стала легче. Надеемся, что господь бог услышит наши молитвы и мы скоро победим нашего лютого врага и тогда нас распустят. Вот уже начались наши победы и мы все крепко веруем, что скоро бог пришлет победу нашему белому царю. Вы мне пишите, что слышно у нас дома, кто вернулся со службы и кто ушел, пишите обо всем подробно.

У меня новостей нет никаких, хочется скорее поспеть на фронт, чтобы хорошенько немцу задать, чтобы перестал беситься.

Верно поедем скоро, уже товарищи мои поехали, пишут что им хорошо. Царь батюшка не оставляет своих верных бойцов и награждает их по заслугам.

Пожелайте и мне дорогие родители удостоиться царских милостей и вернуться к вам героем.

Любящий ваш сын".

Печ. разр. Воен. ценз. подп. Пеус, Симферополь, тип. Франка.

Недавно одним красноармейцем, — пишет автор замстки, — мне был прислан этот документ.

История его такая.

Красноармеец служил когда-то в царской армии. Во время империалистической войны его отправили на фронт. Вся обстановка фронта—бесцельная бойня, грубость офицеров и т. д.—сильно на него подействовала.

В своем письме в деревю он правдиво описывал все виденное им, жаловался и указывал на бесцельность войны. Такие письма писались домой и другими солдатами. Но письма с фронта тщательно проверялись. Начальство обнаруживало „крамольные писания".

Среди офицеров поднялся переполох.

— Подумайте,—говорили они,—что подумала бы деревня, если бы письма попали по назначению.

И вот догадливое начальство наскоро придумало новый план воздействия на деревню.

В окопы является ротный.

— Эй, у кого дома родные остались? Сюда!

Солдаты собираются.

— Ну, ты, Петров! У тебя кто дома?

— Родители, ваше благородие!

— На, распишись на желтом листке. А адрес какой?

Солдат говорит. Ротный записывает.

Дальше.

— У кого жена.

— У меня ваше благородие...

— На, распишись на красном листке.

— Да я неграмотный!

— Ничего, я за тебя! А адрес? и т. д.

Что же это за листки такие?

На этих листках были напечатаны будто бы от солдата готовые письма, где нужно было только писать фамилию и адрес. Письма были разных образцов для жен, родителей, и т. д. А внизу подпись: „печатать разрешается военной цензурой". В письме что ни слово, то „бог" и „христос" и „братолюбивое воинство", и т. п. ерунда.

А потом дамы из высокого общества со слезами на глазах рассказывали о религиозности „бедных солдатиков".

Так внедрялось благочестие, так боялись, чтобы деревня не отказалась давать новые пополнения на бойню—новое пушечное мясо.

Однако, работа господ офицеров была, по совести говоря, довольно-топорной. Несравненно лучше и тоньше действовали духовные отцы, организовавшие массовое производство солдатских писем с фронта и из госпиталей, публиковавшие их во всеобщее назидание и читавшие их с амвона в десятках тысяч своих агитпунктах затмения.

Прежде всего церковный аппарат дал божьим служителям соответствующие указания. С этой целью для руководства военных попов были составлены образцовые поучения „о солдатской болтливости" и по сфабрикованному образцу полковым попам предлагалось внушать солдатской массе необходимость прекратить „наводить на действия начальников и главным образом высшего начальства жестокую критику".

Эта ядовитая и трусливая критика,—поясняло образцовое поучение,—должна отсутствовать „в письмах на далекую родину, где верят каждому слову, писанному из окопов".

„Болтливый,—гласило поучение,—не омрачится ли лицо твоего отца, не повиснет ли старческая слеза на ресницах твоей матери, не зарыдает ли горько твоя молодая жена или невеста, когда деревенский грамотей прочтет им твое трусливое письмо...".

Поучение поясняло, что за такие письма солдаты на страшном суде должны дать ответ перед господом. (Мф. 12, 36). Вместо рассказов о положении на фронте поучение советывало солдатам, не считаясь с затруднительным положением „смело, дружно, плечом к плечу налететь на врага и биться до последней капли крови".

Подобного рода поучения для руководства попов были напечатаны в журналах „Голос истины", „Волынские епархиальные ведомости" и в др.

Одновременно с этим, церковные организации принимают меры к проведению на практике своих планов по организаций лжи. С этой целью в газетах было решено печатать так называемое письма воинов к священникам, в которых самыми радужными красками рисовали положение на фронте, под'ем религиозных настроений в армии, пламенное обожание семейства Романовых, желание погибнуть за веру в обман и кровавого царя и т. д.

Авторами этих писем являлись попы, о чем даже в поповской печати неоднократно упоминалось.

Образцом такого рода писем является опубликованное известным погромщиком, архиепископом Никоном в „Троицком листке" следующее образцовое письмо за его подписью.

Вот его буквальный текст:

„К друзьям.

Друзья и братья дорогие!

Вот и нам уж настают минуты оставить жалкий свой приют. Пойдем и мы на поле брани, чтобы сражаться там с врагами. На поле брани мы пойдем и попращаемся с друзьями: пошлем родным своим поклон и просим их благословенья на подвиг трудный и сраженье, благослови меня родная мать! Иду я в битву роковую за царя и Русь святую! Не знаю жив буду или нет, еще пошлю ли вам привет? Теперь пока прощайте и обо мне не унывайте; я сердцем чую, что жив буду и домой вернуся к вам. Но на все господня воля: может и не увижу вас боле. И прошу я вас сердечно: не плачьте обо мне, когда умру я на войне. За царя и Русь святую нам не стыдно умереть! Отстоим или

умрем, а не выдадим врагам, не посрамим мы родину свою, а послужим верно батюшке царю!

Друзья и братья дорогие! Господь награду обещал тем, кто положит жизнь свою за други своя, и сказал нам: кто возлюбит отца, или мать, жену или детей больше меня, тот не достоин меня. И вот, многие уже из наших братьев исполнили заповедь сию: они положили уже жизнь свою, оставили семью родную, возлюбив заповедь святую. Господь сирот их не оставит и защитит их вдов. Пойдем и мы, братья смело, за святое правое дело. Пойдем и мы. Отстоим или умрем, или героями домой пойдем" (№ 323).

В этом образцовом письме все сработано довольно „тонко".

Составлено в рифму для большего впечатления и как составлено:

„Благословенье—на сраженье".

„Битву роковую—святую".

„Пойдем смело—за святое, кровавое дело" и т. д.

Особенно отчетливо была выделена мысль о том, что любящий родных и не желающий быть расстрелянным—креста не достоин, а исполнивший—покорно умирает за царя и веру.

Таких писем было опубликовано многие сотни с подписью: „сообщил священник", или вовсе без всякой подписи.

В последних числах января 1915 г. в руководящей поповской газете „Приходский листок", которую, между прочим, попы должны были читать прихожанам, в этой газете был образован особый отдел под заголовком „письма воинов к священникам".

Для характеристики отдела привожу несколько выдержек из помещенных там писем, сфабрикованных попами.

29 января 1915 года было напечатано следующее письмо:

„Ваше высокоблагословение, глубокоуважаемый и дорогой батюшка. Здравствуйте. Благословите.

Пишу письмо вам наскоро. Еду я опять туда, откуда и прибыл я три месяца тому назад, как раненый. Еду туда, где беспрестанно свищут пули, где не перестают грохотать орудия, где смерть ежеминутно грозит солдату и, где стыдливо пятится она от тех, кто не боится умереть за батюшку царя, за русь святую, веру православную, ибо с ними бог и ангелы божьи охраняют их среди облаков, пуль и опасностей. Стыдлива она и перед теми, которые смотрят бесстрашно ей в глаза, ибо такая смерть соединяет христолюбцев с христом... Еду, как и прежде, со спокойным сердцем, мне, как побывавшему во многих (двенадцать) жарких боях, ни страшна позиция...

Буду молить и просить свое начальство дать мне возможность с оружием в руках встречать, отражать, побеждать врага и быть там, где действительно солдат бьется с врагом. Да, батюшка, теперь редкий солдат хочет быть в обозе... Теперь все стремятся на врага, сокрушить его и **в обозы идут с воздыханием, хотя в обозе нет тех опасностей, какие в перецовых позициях... во славу бога".**

В письме, напечатанном 5-го марта читаем:

„Мы надеемся только на господа бога и просим его святую волю, чтобы он, всевышний, укрепил в нас силу и мужество и не ослабил бы наши православные, честные персты, то тогда мы, твердо держа в своих руках острые, стальные шашки, с которыми ходили на врага наши отцы и деды, теперь пойдем и мы на врага.

С нами бог, ура...

Крикнем, с нами бог! И расколотим врагов!!..."

9-го марта во время захвата Галиции, редакция „Приходского листка" рекомендовала попам читать прихожанам следующее письмо

составленное одним из ее сотрудников. Письмо было составлено „белыми стихами“

„К дорогому и любимому настоятелю:

Повсюду идут беспрерывные бои: великое русское войско права защищает свои. Там бьется пехота, драгуны, казаки—скачут, как львы. Винтовка и палаш и пика острая клонит врага до земли; там рвутся гранаты и шрапнели, там адские стоны и крики; там пули как пчелы, жужжат. Лились там кровавые потоки с утра до вечерней зари; там много великих героев за матушку-Русь полегли. Нам божья матерь покров и защитница,—и будем мы драться за веру православную и за батюшку-царя.

Вид смерти не страшит храбрецов...“

В заключительной части письма шли комплименты по адресу попов, которые, якобы, являются для солдат, „светом духовным“, от которого „воссияло в глазах“ и т. д.

Письмо это было, конечно, без подписи, как и другие, и без сообщения фамилии получившего попа.

В апреле 1915 года начинается отступление из Галиции. Сотни тысяч крестьян и рабочих лили свою кровь, как воду, сходили с ума, больных и раненых бросали по дорогам, так как они уже не были нужны, так как их кровь и сила были уже использованы,—и вот в это время церковные организации печатают следующее, опять-таки без подписи сообщение от солдат.

„Сим письмом спешим уведомить вас... **Весело нам сражаться с врагом**... Нам жить очень хорошо, исполняем волю государя и приказания начальства. И батюшка-государь, и начальство заботятся о нас: **мы всегда сыты, одеты и обуты хорошо и тепло.** Дух солдат бодр...“ („Приходский Листок“ № 97).

Несколько позднее 25 апреля, якобы, из действующей армии было напечатано такое письмо:

„С нижайшим почтением уведомляем вас дорогой батюшка...

Огонь, свист пуль, гром орудий, разрыв шрапнелей, **крики раненых, вид убитых людей и лошадей... все это мы радостно переносим за любимого царя-батюшку и за веру православную.** Мы, православные воины, стараемся показать врагу, что мы—действительно православные воины, и враг нас узнал. **Особенно радостны и трогательны для нас те минуты, когда идем в рукопашную схватку, в штыки...**“. (Там-же № 111).

Изобретательность церковников была изумительна.

При наступлении нового года сообщалось, что в будущем году так же, как и в прошедшем, солдаты, якобы, выражают желание „вновь жертвовать собой за царственный престол, за веру“. (№ 51, 1915 г.).

От имени солдат, раненых разрывными пулями (при чем „вырван порядочный кусок мяса“, сообщалось во всеобщее сведение, что они чувствуют себя очень „интересно“. (№ 65 за 1915 г.).

От имени неизвестных солдат, „приносящих жертвы во славу дней горячо любимого, державнейшего нашего монарха“, сотни раз выражалось их духовным отцам желание „биться до последней капли крови“ и радость, которую они, якобы, испытывают при мысли быть расстрелянными. (См. № 86 и 104 и т. д,).

19 мая 1915 года от имени неизвестной части сообщалось, что солдатам становится как-то скучно (!), когда долгое время не слышат ни орудийных, ни ружейных выстрелов (134).

Наконец, в письме от 10 марта 1915 года от имени некиих солдат выражалась следующая благодарность:

„Благодарим господа бога за его к нам милости и неизреченные щедроты...“

Как вы думаете, какие милости?

Оказывается, за те милости и щедроты, что видите ли, „здесь ничего не слышно, кроме ружейных и орудийных выстрелов“! (№ 85).

Неправда ли, замечательные слова, такие же выразительные, как слова одного доброго батюшки, приводимые тов. Лениным, и сказанные о сосланных в Сибирь крестьянах, что они „милостью божьей сосланы в Сибирь“.

Спекулируя на молчании трупов, служители бога-капитала фабриковали письма даже от имени убитых

Бумага все терпит!

Все „письма“ подобного рода очень часто читались попами в деревнях в назидание будущим жертвам и родным обреченных, чье горе, и рабство, и забитость были беспредельны.

Церковная печать опубликовывала указания, по которым, пользуясь вышеуказанными письмами, сельское духовенство должно было внушать стаду, что отношения солдат к царскому режиму и духовенству являются отношениями „безусловно любовными, глубоко-уважительными“. („Воскресный День“, № 38—1915 г.).

Кроме этого попами так же, как и офицерством, были изготовлены письма, с готовым текстом, и эти письма присылались на фронт, а оттуда, когда „серая скотинка“ подпишется, письма эти отправлялись в тыл. Письма эти, отправляемые в пасхальные дни, имели, как указывает т. Ростовцев, следующий текст:

„Христос воскресе, дорогие бесценные родители! Поздравляю вас с праздником светлого христова воскресения и желаю вам встретить и проводить великоторжественный праздник радостно и в добром здоровье. Живем мы, славу богу, хорошо. Не унываем, а уповаем на бога. **Кормят нас хорошо и, слава богу,** бьем немца. Остаюсь я жив и здоров и прошу родительского благословения, которое может существовать по гроб жизни“.

Обложка „солдатского письма“.

Наконец, кроме всего этого религиозными организациями были приняты меры к тому, чтобы из деревень не шли „вредные“ письма.

Сельским попам предлагалось позаботиться, чтобы из деревень не писали „о том, что пал конь-землероб, что опоздал паек, что брат выгоняет солдатку-жену“ *), о том сколько страданий и непосильных мук падает по произволу помещиков и капиталистов на усталые женские плечи **).

«Приходский Листок» указывал, что подобные факты для армии вреднее всякого ураганного огня, раз'ясняя, что правда о мучительной доле солдатки не должна доходить до фронта для того, чтобы у солдата

*) „Пр. Лис.“ № 178, 1915 г.

**) Как свидетельствуют журналы московского совета благочинных, письма к солдатам на фронт тоже составлялись попами и к этой „работе“ привлекали других членов причта: дьяконов и псаломщиков, работавших по поповской указке.

в руках было бы больше твердости, когда он будет убивать такого же, как и он, обманутого, плетью гонимого, немецкого солдата. И тут же весьма недвусмысленно указывалось, что бодрость и энергия тем более нужны солдату, что его вооружение и снаряжение не имеют соответствующих технических усовершенствований.

Значит, ложь беспросветная, была частью той системы, при которой голодного, неодетого, необутого, безоружного, бросали навстречу бессмысленной смерти.

XI. РЕЛИГИЯ НА ФРОНТЕ.

1. Поповская организация в армии.

По статистике 1908 года в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства числилось 688 сухопутных и 57 морских попов. Кроме того, в его же ведении состояло 224 протодиаконов и псаломщиков. Таким образом, военно-церковная организация мирного времени насчитывала 969 работников.

Во время империалистической войны черная армия значительно увеличилась. С об'явлением мобилизации, по заранее составленному расписанию, многие сотни попов были командированы в бригады государственного ополчения, в госпитали и во все вновь образованные части. К 1915 г. одних лишь попов на военной службе было свыше 2.000, составлявших строго иерархический и централизованный аппарат.

Главным начальником всей этой организации являлся протопресвитер Шавельский, состоявший при штабе верховного главнокомандующего. При фронтовых штабах находились его ближайшие помощники—главные попы армий фронта, в штабах армий—попы армии, руководителем в масштабе дивизии являлся дивизионный благочинный и, наконец, в каждом полку был полковой поп. При госпиталях находились госпитальные попы, подчиненные гарнизонному благочинному, который в свою очередь числился в ведении главного попа армий данного фронта. Весь этот механизм целиком соответствовал административной структуре царской армии и работал в дружном единении с военным начальством. Помимо этого, в ряде губерний действовали „духовные отряды" из местного духовенства, помогавшие военно-церковным деятелям выкручивать солдатские мозги. В Кишиневской губернии этот отряд состоял сначала из 35 и потом из 45 попов. Наконец, некоторые епископы и архиепископы (Анастасий Холмский, Евлогий Волынский, Тихон Литовский—в последствии патриарх и др.), время от времени об'езжали войска своего района, стараясь поднять в войсках „дух патриотизма и воинского воодушевления".

В чем же заключалась цель деятельности военного духовенства в рядах армии?

Об этом лучше всего свидетельствуют „Руководственные указания духовенству действующей армии", в которых достаточно ясно выражен истинный смысл христианских забот о христолюбивом воинстве.

На другой же день после об'явления войны, 21 июля 1914 года, попам было предложено „всячески, и словом и делом, содействовать под'ему... сил воинской части, при которой они состоят". Далее циркуляр указывал, что духовные отцы должны пользоваться всяким случаем, чтобы оказать свое пастырское влияние для поддержания в воинских чинах доблестного духа... реагируя на все как положительные, так и отрицательные явления в жизни своей части". Циркуляр заканчивается следующими словами Шавельского:

„Я уверен, что военное духовенство... не остановится ни перед какими лишениями и трудностями, делом докажет свою любовь к царю".

Относительно отношений с офицерством и с солдатской массой духовенству действующей армии предлагалась следующая постановка дела:

„Надо, чтобы священник находился в живом общении с командным составом части: в полках с командирами батальонов и рот, в артиллерийских бригадах—с командирами батарей, а последние держали бы его в курсе, как печальных, так и радостных явлений в их частях. Получив сведения от такого начальника о том или ином событии, священник обязан откликнуться на него... Лучше всего, если священник, зашедший в роту, где случилось происшествие, осторожной беседой вызовет самих нижних чинов на признание... Священник должен так поставить, чтобы нижних чинов не восстановить против их начальства". (20/V—1916 г., № 2011).

Как известно, командный состав царской армии состоял из представителей эксплоататорских классов и, следовательно, роль духовного отца должна была заключаться в обязанностях негласного следователя, шпика и соглашателя.

Первого января 1916 года по полевой канцелярии протопресвитера был отдан следующий приказ:

„Приближается момент, когда должен совершиться перелом в войне. Армия наша должна... выступить во всеоружии... в полноте своей силы... На решительный бой с врагом армия должна выступить могучею и сильною, не только числом людей, количеством орудий, массою снарядов, но главное—сильною духом, сплоченностью частей, готовностью всех воинов изо всех сил послужить царю и родине, боясь не страха смертного, но страха позора от неисполненной присяги.

Мы, каждый в своей части, должны внушить воинам эти мысли, должны употребить все имеющиеся в нашем распоряжении силы и средства, чтобы наши духовные дети вышли на поля бранные с полным сознанием величия дела, которому они служат, и святости и ненарушимости долга, который на них возложен".

В соответствии с теми или другими условиями работы были выработаны особые инструкции полковым, дивизионным, гарнизонным, госпитальным попам, попам запасных батальонов и т. д.

И, кроме этого, во время войны постоянно созывались с'езды попов, которые, в зависимости от условий жизни той или другой части, вырабатывали многочисленные меры к наилучшему воздействию на солдатскую массу.

Официальный орган военного и морского духовенства заявлял, что поп должен быть „главной движущей силой полка" (№ 23—15 г.).

Его обязанность в развитии у солдат следующих „драгоценных качеств": солдат не должен бояться ни пули, ни бомбы, ни грохота орудий и не страшиться смерти.

Наконец, указывает, что полковой поп должен дать части успех во время боя посредством ее „воспламенения".

2. Церковные церемонии при отправлении войск на позиции.

В первые же дни войны сотни тысяч людей были переброшены на далекий Запад, туда, где молоху войны каждый день приносили кровавые жертвы из молодых и здоровых жизней. И в продолжение нескольких лет каждый день отправляли новые и новые эшелоны. Они шли в окопы отмораживать руки и ноги, шли для того, чтобы отдать свою молодость, силы и здоровье, свою жизнь.

И тут не обошлось без церковного благословения.

Господствующие классы вместе со своими прислужниками позаботились о соответствующем воздействии.

Согласно распоряжениям церковной власти и представителей царского правительства, церковные организации, совместно с местными помещиками, купцами и кулаками, обставляли проводы маршевых рот и частей всевозможными религиозно-патриотическими торжествами. Устраивали крестные ходы, молебны, раздавали солдатикам крестики, иконы, псалтыри, молитвословы и всевозможные листки с заголовками: „Русь поднялась—трепещи враг", „Вперед, русская грудь", „С богом на войну", „Не бойся смерти", „Победи, или умри" и т. д. и т. п.

При этом произносились воинственные назидания, проникнутые кровожадными призывами.

В специальной инструкции попам запасных полков и баталионов говорилось:

„Напутствие в поход рекомендуется совершать таким образом: на открытой площади ставится аналой и перед ним подсвечник. Когда роты соберутся на площадь, священник с приглашенными ими другими священниками гарнизона, торжественно с крестным ходом, (с запрестольным крестом, хоругвями и иконами) при пении „спаси господи люди твоя, благослови достояние твое, победы благоверному императору нашему", исходит на место приготовленное для молебствия. Молебствие служится „о путешествующих" с добавлением прошений о даровании победы. В конце молебствия совершается освящение икон, заготовленных для благословения уходящих. По освящении икон благословляется каждая рота. Благословению предшествует краткая вдохновенная речь. Перед благословением каждая рота преклоняет колена, фельдфебель и ротный командир выступают вперед, священник благословляет роту иконой спасителя, громко и внятно читая следующую молитву:

„Господи Иисусе христе, боже наш. Молитв ради пречистыя твоея матери, предстательствы св. архистратига божия Михаила и прочих честных небесных сил бесплотных, силою честного и животворящего креста святых славных и всехвальных апостол, святых добропобедных мучеников, св. великомученика и победоносца Георгия, святых великомучеников, и мучеников воинов за христа пострадавших, преподобного отца нашего Сергия, всея России чудотворца, всех святых, от века тебе благоугодивших, рабов твоих, воинов сих, на поле брани исходящих, благослови (благословляет иконой спасителя) силою креста твоего огради (благословляет крестом) и своею всесильною благодатею укрепи, заступи, спаси помилуй, и сохрани от врагов видимых и невидимых всегда, ныне и присно и во веки веков".

Хор отвечает: аминь. После этого священник благословляет иконой командира роты и фельдфебеля, вручая ее последнему.

Молебствие кончается многолетием и окроплением святой водой (священник обходит роту) при пении „спаси господи, люди твоя". (Руководственные указания, стр. 21).

Многие попы в напутственных речах повторяли слова присяги о святой необходимости „верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего до последней капли крови его императорскому величеству, своему истинному и природному всемилостивейшему государю императору Николаю Александровичу и его императорского величества всероссийского престола наследнику", и, повторяя эти слова, они заявляли, **что солдат ни в коем случае не смеет рассуждать.**

„Усвойте это, как непременное и неизменное правило для всей вашей дальнейшей воинской жизнедеятельности, ибо при этом только

условии вы и ответите своему назначению" (Вестник № 13—14, 1916 г.).

В этих же речах попы стремились тоску обреченных превратить в покорную радость жертвы.

„Вестник военного и морского духовенства" предлагал попам развивать такой призыв:

„Воины, христолюбивые. Многие из вас, вижу сильно скорбят, многие даже плачут. Не скорбеть же нужно нам, как неимеющим упования, а радоваться... О, какая высокая выпала на вашу долю честь... Если же вас смущает мысль, что многим из вас не придется вернуться и вновь увидеть своих близких, то возьмите себя в руки и послушайте: лучше умереть на поле брани, чем на своей постели". (№ 17—18 за 1916 год).

И во всех этих напутствиях, как подчеркивал протоиерей Евгений Капралов, основной являлась мысль, что „креститься в кровавой купели войны—высокая честь" и, что быть расстрелянным на войне есть „почетнейший жребий русского воина". (Вестник № 7—8 за 1917 г).

3. С'езды военно-духовной администрации.

В течение империалистической войны на фронте и в тылу по инициативе высшего военного и поповского начальства, в Пскове, Киеве, Тифлисе, Ленинграде, Двинске и других городах, такого рода с'езды созывали многократно. Эти с'езды носили разнообразный характер; были фронтовые, армейские и дивизионные: согласно специальностям созывали собрания госпитальных, морских и военно-сухопутных попов; некоторые с'езды происходили с участием всего духовенства, а в некоторых участвовали лишь благочинные (поповское-дивизионное начальство).

В деятельности с'ездов видное участие принимали представители офицерства и генералитета. (Контр-адмирал Колчак, генерал Щербачев, генерал Селивачев и другие). Это участие выражалось в руководстве занятиями собравшихся попов, в их инструктировании, в предварительном просмотре повесток и совместном обсуждении проблем военно-христианской тактики и стратегии.

Как указывают церковные источники, задача с'ездов заключалась в детальной разработке указаний, пользуясь которыми военное духовенство могло бы с наибольшим успехом воспитывать солдатскую массу в желательном для господ офицеров направлении.

Для характеристики с'ездов привожу краткие справки о некоторых из них.

Вот например краткий отчет о деятельности собрания попов 4-й Финляндской стрелковой дивизии, состоявшемся 7 января 1916 г.

„На обсуждение пастырского собрания,—как сообщает „Вестник военного и морского духовенства",—были предложены вопросы предварительно рассмотренные его превосходительством начальником дивизии генерал-майором Селивачевым, давшим... свои практические указания".

Поповское собрание, рассмотрев эти вопросы начальника дивизии, приняло между прочим следующие решения:

Полковой священник должен учить солдатиков „мужественному и терпеливому исполнению долга" воинского.

Церковную службу для поднятия настроений в связи с условиями „военной обстановки" совершать неукоснительно и церковную утварь возить вместе со снарядами в обозе первого разряда.

Произвести массовую заготовку хлеба и вина в количестве не менее 2000 порций.

Признано желательным, для большего впечатления на посетителей церковных служб, ввести общее пение и, для образования ядра хора использовать конюхов и денщиков священников, которые должны обладать соответствующими способностями. Для правильной и успешной постановки дела стремиться к тому, чтобы хор находился под руководством офицера, благодаря чему церковное пение приобретет воинственно-возбуждающий характер.

По вопросу о внебогослужебных собеседованиях, решено вести таковые возможно чаще и, в качестве тем, использовать указания командиров частей. Кроме того было признано необходимым ежедневно посещать нижних чинов в окопах, землянках и халупах в неофициальной обстановке и в качестве простого собеседника знакомиться с их настроениями и давать соответствующее направление их мыслям и чувствам, отвечая в интересах боеспособности части на все вопросы, возбужденные под влиянием тяжелой военной обстановки.

Согласно желания начальника дивизии решено увековечить бывший в ноябре 1915 г. смотр дивизии сооружением иконы, на которой будут изображены Николай и Алексей в честь Романовых.

Командующий дивизией генерал-майор Селивачев, просмотрев постановления поповского собрания (13-го января) положил на протоколе ряд резолюций, дополнив свои прежние инструкции.

По вопросу о деятельности полкового священника: „Вполне соглашаюсь с подобными взглядами на обязанности полкового священника с добавлением необходимости в тяжелые боевые минуты быть среди них, дабы словом ободрить слабых и укрепить их на предстоящие подвиги. Г. М. Селивачев".

О массовой заготовке вина и хлеба для причащения перед боем: „Вполне согласен и прошу безотлагательно это провести в жизнь. Ген.-майор. С."

По вопросу о транспорте церковной утвари вместе со снарядами в обозе первого разряда: „Вполне одобряю. Ген.-майор С.".

Об организации хорового пения: „На устройство хора прошу обратить особое внимание. Музыканты, **команда полицейских**... могут быть использованы для укомплектования хоров. Ген.-майор С.".

По вопросу о распределении в армии церковно-патриотической литературы: „Теперь же прошу озаботиться выпиской на хозяйственные средства полков необходимого количества книг, листков и т. п. Ген.-майор. С.".

Эта небольшая справка о поповском собрании 4-ой Финляндской стрелковой дивизии между прочим свидетельствует о прочном контакте офицерства и попов.

Деятельность других с'ездов была не менее продуктивной. В „Вест. воен. и морск. духовенства" был помещен отчет о с'езде благочинных VII армии 8—9 февраля 1917-го года.

Задача с'езда указана была в следующем циркуляре главного священника армий ю.-з. фронта от 25-го января 1917 года.

„Канун великих событий наступает... Необходимо нанести сокрушительный удар, который поверг бы врага в прах, вынудил бы его отдаться на волю победителей и просить пощады.

— Таковы требования момента. Естественно, что духовенство не может стоять вне этих требований... его деятельность должна согласовываться с этими требованиями и содействовать... осуществлению их. Что же нужно делать? Обязанность духовных вождей охранять душу армий... Необходимо окрылять эту душу верою... Необходимо воспламенить в ней чувство патриотизма, осветить и укрепить в сознании ее святость воин-

ского подвига перед богом... Влить в нее своим словом, своим призывом мужество, не знающее никаких преград, неостанавливающееся ни перед какими препятствиями".

Дальше циркуляр предлагает участникам с'езда следующее:

„Чтобы внедрить в сознание святость воинского подвига... прошу о. о. благочинных приложить весь свой пастырский опыт, все разумение к тому, чтобы принятые ими меры, направленные к поддержанию и укреплению воинского духа в наших воинах, вполне отвечали своей цели, и армии таким образом явились бы на поле брани во всеоружии"

С'езд открылся 8-го февраля в присутствии дивизионных, бригадных и гарнизонных благочинных. В начале было отслужено молебствие о ниспослании помощи и благодати святого духа.

На повестке дня было намечено 28 вопросов, обсудив которые с'езд вынес резолюции, для напечатания которых понадобилось 16 печатных страниц.

Вот несколько выдержек:

1) Постановили: Каждый священник должен употребить все находящиеся в его распоряжении средства, чтобы укрепить и увеличить боеспособность части, так как с началом весенней кампании, военные действия примут особенно ожесточенный и решительный характер.

2) Постановили, чтобы каждый священник „оказывал влияние... не только на нижних чинов, но и на офицеров части, особенно на молодежь. Спокойным отношением к печальным явлениям тыловой и боевой жизни он должен предостерегать офицеров от неосторожного, к сожалению нередко наблюдаемого, будирующего критиканства и выражений недовольства действиями властей, так как подобные разговоры через денщиков и прислугу офицерских собраний тотчас делаются достоянием всего полка и несомненно не могут не оказывать дурного влияния на настроения нижних чинов".

3) Постановили, что полковой священник „при помощи со стороны командного состава... достигнет многого в деле пробуждения в нижних чинах религиозного воодушевления, которое является основой и воинского энтузиазма...

Командир полка,—заявил с'езд,—в целях чисто боевых должен видеть в священнике своего ближайшего и ценного сотрудника, посвящая его во все... нежелательные явления в жизни части и... бережно охраняя его авторитет... Очень важно, чтобы и начальники дивизии возможно чаще входили в общение с о. о. благочинными, сообщая им свои указания, могущие дать священникам темы для бесед и предупреждения нежелательных (для правительства) в полках явлений".

4) Обсуждая вопросы проповеди постановили:

„Сильное, горячее убежденное слово—могучая сила пастыря. Конечно не все могут быть ораторами, не все талантливые проповедники, но,—отметил с'езд,—этим затрудняться не стоит, можно пользоваться тем, что слушатели... в большинстве люди простые, мало сведующие в вопросах политики.

5) С'езд считает необходимым, чтобы за каждым богослужением неукоснительно священник произносил проповедь на современные темы, освещая с патриотической... точки зрения... различные события жизни общественной, государственной и военной.

6) Внебогослужебные беседы священника в особенности когда полк находится в резерве, должны быть возможно часты, преследуя цель возбуждения... воинского чувства".

7) Обсуждая методику ведения беседы с'езд постановил:

„Лучше всего было бы, если бы эти беседы носили характер живого непринужденного разговора". Зазовите слушателей, зажгите их— заявил с'езд.

8) „В запасных полках беседы должны вестись вполне планомерно, по рекомендованной программе... Священник должен проводить в ротах не менее 2-х бесед ежедневно по расписанию заранее об'явленному в приказе по части. (Программа занятий была выдана всем участникам с'езда).

9) С'езд признал необходимым привлечение к беседам способных лекторов—офицеров, которые бы помогли священнику вести с нижними чинами военно-патриотические беседы.

10) С'езд признал желательным иметь в каждой армии особого проповедника, который, навещая воинские части, находящиеся на отдыхе и запасные полки, своими одушевленными речами способствовал бы под'ему военно-патриотического настроения...

На этом постановлении протопресвитер Шавельский написал: „Очень рад что с'езд такого мнения".

11) С'езд признал необходимым в каждой части организовать церковную библиотеку и организовать бесплатную раздачу листков и брошюр, иллюстрированных и напечатанных четким шрифтом.

12) Из журналов с'езд рекомендовал „Вестник военного и морского духовенства", „Воскресный благовест", „Верность", „Русский паломник" и т. д.

13) С'езд отметил, что „широкое распространение религиозной литературы является одним из самых могучих средств к под'ему воинского воодушевления в армии" и рекомендовал за литературой обращаться в „подвижные склады б. императрицы". (В этих складах была черносотенно-монархическая литература и это постановление с'езда было напечатано... **15-го июня 1917 г.!**).

14) По вопросу о праздничных днях с'езд подчеркнул, что их „почитание важно и в целях воинской дисциплины", т. к., чтобы солдат „повиновался земной власти и человеческим законам", нужно показать ему пример повиновения богу и исполнения его законов.

15) О деятельности врачей с'езд вынес следующее постановление: „С'езд считает настоятельно необходимым, чтобы в лечебных заведениях на время богослужения прекращалась обычная медицинская деятельность: не совершались визитации, перевязка и операции".

16) Относительно убитых солдат, с'езд признал необходимым проявить к мертвецам „любовное участие" и целью этого участия, как указал с'езд, является необходимым поднять настроение живых. Заботясь о тех, кому уже ничего не было нужно, с'езд по данному пункту вынес 21 постановление, уместившееся лишь на 4 печатных страницах.

17) С'езд рекомендовал организовывать общую исповедь перед боем.

18) То же решение было вынесено относительно причащения.

19) Значительную часть работ с'езда составило обсуждение вопроса о санатории в Ессентуках для военного духовенства, на которую постановили „отчислять по 20% с валового церковного дохода".

Помимо указанных, с'езд вынес много других решений.

С'езд получил благодарственную телеграмму от главного начальника военных и морских попов. „За все сердечно благодарю с'езд". („Вестник..." № 9-10 и № 11-12 за 1917 год) *).

*) Следует обратить внимание, что этот с'езд состоялся накануне крушения царизма.

Сердечную благодарность за верную службу интересам царского правительства и милитаризма заслужили и другие с'езды.

В их организации автор вышеуказанной телеграммы, протопресвитер Шавельский принимал самое активное участие.

Под его председательством 2-го июля 1916-го года в городе Пскове состоялся „с'езд благочинных армий северного фронта".

На этом собрании были даны указания для поповской деятельности, которая, по словам Шавельского, должна соответствовать всецело интересам милитаризма. Относительно богослужения он предложил членам с'езда позаботиться о том, чтобы церковные службы производили наибольшее впечатление на молящихся. „Проповедь,—заявил Шавельский—должна быть захватывающей, дабы оставлять должное впечатление в слушателях.

Были намечены следующие темы для бесед с солдатами.

1) „О смысле борьбы—борьба за правду божию".
2) „О необходимости победы".
3) „Враг есть—зверь".
4) „О значении солдата, как боевой единицы".
5) „О грехе нашем—стремлении уклониться от воинского дела" и т. д., и т. п.

Все эти краткие справки о с'ездах показывают нам, что организационная работа военных и морских попов всецело обслуживала интересы милитаризма. Этот факт подтверждает также речь Шавельского, произнесенная на собрании военного и морского духовенства в Ленинграде 28-го октября 1915-го года.

Открыв собрание Шавельский отметил, что военное начальство и сам царь весьма довольны деятельностью полковых попов, давая об их работе „восторженные отзывы". Будущее,—сказал он,—потребует еще большего напряжения со стороны военного и морского духовенства. Коснувшись вопроса о постановке работы в запасных частях и на этапных пунктах, Шавельский заявил:

„Роль запасных баталионов огромна: это питомники для укомплектования армии; в них воспитываются воины для пополнения своего полка; мощь, сила и боеспособность полка зависит от степени энергии, воспитательной деятельности священника, запасной полковой части, формирующей воина-бойца. Этапный пункт это место, куда идут воины из запасных баталионов и откуда они направляются в боевые части армий. Через такой пункт проходит ежедневная волна людей от 2 до 6-ти тысяч. Для священника здесь масса работы, очень плодотворной и существенно важной—по своим результатам".

Продолжая „свое святое дело,—говорил оратор,—мы приносим великую пользу царю".

Для полноты характеристики привожу еще справку о собрании военного духовенства N армии 20/12—1916 года в гор. Двинске, состоявшемся под председательством главного священника армий северного фронта. Участников с'езда было 50 попов. Обсудили и решили около 20 вопросов. Это собрание интересно теми инструктивными указаниями, которые были даны с'езду командующим армией.

Вот небольшая справка.

„В 11½ часов прибыл командующий N армией. Любезно поздоровавшись с каждым в отдельности из священников и заняв место за столом, генерал произнес весьма лестную для военных священников речь: сказал, что он много слышал хорошего о полезной деятельности священников в текущую войну, сам много видел и вообще работу священников считает чрезвычайно важною по многим причинам. У солдат

и у молодых офицеров сейчас терпение истощается... Надо,—говорил командующий армией,—как в офицерах, так и в солдатах выработать и поддерживать „дух упорства, который имеет в настоящее время громадное значение и при этом только непременном условии возможна победа над таким же упорным врагом".

Нужно,—говорил командующий армией,—так воздействовать на солдат, чтобы они говорили: не стоит нам „бояться и жалеть себя".

Изложив таким образом генеральские указания, „Вестник военного и морского духовенства" заключал: „Вот в общих чертах прекрасная, жизненная близкая к делу речь командующего армией. Все священники единодушно обещали исполнить его указания". (№ 4 за 1917 г.).

4. Организация религиозной пропаганды в армии и ее характер.

Среди солдатских масс поповская пропаганда являлась одним из главных видов церковной работы. Помимо двух слишком тысяч военных попов к этой работе привлекли светское духовенство. Во всех городах, где были сосредоточены войска, попы образовали комитеты, миссии и комиссии, организовавшие соответствующую работу среди солдат „в целях воодушевления воинов к доблестному выполнению своего долга перед царем". („Церковные ведомости" № 45 за 1916 г.).

Усиленное внимание обратили церковные организации на обработку новобранцев запасных батальонов.

Руководящие указания в этом направлении были опубликованы самим синодом. 17-го мая 1915 года состоялось синодальное определение за № 3761 „об удовлетворении религиозных нужд чинов запасных батальонов".

4-го января 1915-го года синод предложил протопресвитеру военного и морского духовенства неусыпно заботиться о развитии „патриотического и религиозного воодушевления в войсках, подготовляемым к сражениям и охранять их от всякого рода тлетворных влияний".

В свою очередь военно-духовным начальством была выработана инструкция священникам запасных полков и батальонов.

Привожу ее часть, относящуюся к агитации.

„Запасные полки и батальоны имеют своею целью обучение и воспитание нижних чинов для боевых воинских частей.

Соответственно этой цели на священниках запасных полков и батальонов лежит... воспитание в чинах доблестного духа и готовности верой и правдой даже до смерти послужить царю...

Предметами для бесед с нижними чинами должны служить: огромное значение настоящей войны; высота воинского служения вообще, и, в особенности, в настоящее время; святость воинского подвига; присяга или клятва именем божиим; преступность нарушения клятвы и наказание клятвопреступников по суду божескому и человеческому; любовь к царю; преступность добровольной сдачи в плен; преступность саморанения и пр. и пр.". („Рук. ук." от 9/XI—1915 г.).

Примером поповской работы в запасных частях могут быть беседы, проведенные одесскими попами в местном гарнизоне в 1916 г. На эти беседы сгоняли солдат 40, 46, 48 и др. батальонов. Для большего впечатления, к обработке солдат привлекли четыре батальонных хора и четыре батальонных оркестра. В антрактах, между беседами исполняли следующие произведения:

„Господи, силою твоей возвеселится царь";

„Ныне силы небесные";

„Что так печален сербский народ";

„Славься, славься, наш русский царь“;
„Взбранной воеводе победительная“;
„Жизнь за царя“ и т. д. и т. д.

На каждой беседе исполняли „Боже царя храни“ и гимны Сербии, Бельгии, Франции, Англии, Италии и Японии.

Темы бесед были таковы:

28-го февраля 1916-го года поп Федор Воловей: „О вере христовой, как силе благодатноспасительной, имеющей переродить человечество, и о неверии, как силе разрушительной, душевредной и душепогубной, над которой восторжествует сила веры“.

6-го марта поп Иоанн Сиюнин: „О любви христианской, как основе прочного единения всех верноподданных российского государства и как залоге конечной полной победы над врагом“.

13-го марта поп Леонид Розанов: „О покаянии, как богоустановленном таинстве, могущем содействовать нашей победе над коварным врагом“.

20-го марта поп Константин Гапаневич: „О христианской надежде, воскрыляющей земнородных от земли на небо и воодушевляющей нас в настоящую мировую войну“.

27-го марта поп Владимир Мадин: „Об участии отечественной церкви в современной войне“.

3-го апреля он же: „О царском... служении Иисуса христа“ и т. д. и т. д.

На этих беседах усиленно распространяли листки и брошюры со следующими заголовками: „За веру, царя и отечество“; „Наставление и утешение воина на поле брани“; „Итак, оправдавшись верою, вы имсете итти с богом“; „Земные и небесные заступники“; „Святой воин Иоанн русский“ и т. п. („Вестник...“ № 17—18).

На проповедь в рядах действующей армии обращалось неменьшее внимание. Циркуляры протопресвитера Шавельского предлагали попам следующие указания:

1) Беседы вести ежедневно.

2) Для успеха проповеди избирать живые темы.

3) Проповедь должна производить впечатление „горячего и прочувственного слова“.

4) Помимо постоянной аудитории, вести беседы с группой, собравшейся около палатки, прилегших на пригорке и т. п.

5) Установить теснейшую связь с офицерским составом.

6) Предостерегать от угрожающих явлений.

7) Следить за настроением солдатской массы, рассеивать их сомнения, отвергать злые веяния.

8) Главным образом не столько раз'яснять догматы веры, сколько догматы боевой жизни и боевой работы.

9) Предостерегать от сдачи в плен.

10) Развивать мысль: а) война начата врагом с безбожной целью, б) всякий, кто плохо сражается, совершает тяжкое преступление перед богом, в) мир возможно будет заключить лишь тогда, когда будет одержана полная победа.

Ко всему этому,—указывал § XVI „Руководственных указаний“,—надо „прибавлять рассуждения о высоте воинского звания, о страдальческом подвиге воина за других по подобию страдальческого подвига спасителя за всех людей; о великом значении бранных страданий и смерти за царя; о небесной награде, ожидающей доблестного воина, и великом наказании, которое понесет негодный воин по закону боже-

ственной правды, за зло отцов карающей детей и внуков даже до четвертого рода.

Согласно последнему пункту полковые отцы внушали солдатам, что в случае их отказа убивать германского рабочего и крестьянина в серой шинели,—будут наказаны не только они, но и их потомство до четвертого рода, т.-е. внуки их внуков „по закону божественной правды".

После отступления из пределов ранее захваченной Галиции, указ протопресвитера за № 3287 предлагал всем попам воинских частей действующей армии следующее:

§ 1. Возможно чаще вести отечески простые, задушевные беседы с нижними чинами, в особенности с вновь прибывшими.

§ 2. Раз'яснять как можно обстоятельнее долг каждого гражданина послужить всеми силами даже до смерти.

§ 3. Убеждать—что вызванные обстоятельствами отступления совсем не обозначают нашего поражения, что каждый шаг неприятеля вперед ослабляет его, что впереди у нас множество сил и средств, тогда как неприятель мобилизовал все свои силы и теперь расходует последние свои резервы.

Далее циркуляр предлагал попам об'яснять солдатам, что мир без разгрома Германии, есть „величайшее несчастье". Такими указаниями реагировал военно-церковный аппарат на неудачи российского империализма.

Не менее характерными являлись советы о проповеди кавалерийским попам, напечатанные „Вестником морского и военного духовенства".

„Кавалерийский пастырь должен пользоваться каждым случаем общей молитвы для назидания воинов. Будет ли то всенощная, литургия, молебен, панихида, погребение павших со славою, прибытие пополнений, присяга вступающих в строй, напутствие уходящей на другой фронт части, полковые и эскадронные праздники; отправляются ли эти службы в присутствии эскадрона или всего полка,—словом всюду, где только не представится случай, военный пастырь должен непременно сказать слово...

Перед фронтом полка, дивизии построенных обычно в карре для молитвы следует говорить громко и четко, красиво, душевно, выразительно...". Далее давались указания относительно обработки солдатиков по отдельности:

„Получил воин-кавалерист георгиевский крест, время и очень кстати порадоваться и поздравить героя храбреца; не лишнее расспросить, как он участвовал в таком то бою, рассказать как нередко спасает бог и божья матерь; хорошо, если батюшка расскажет о „святом белом всаднике на коне" и поражаемой копьем и копытами коня гидре, перейдет к современной гидре,—нашему врагу.

Письмо получил воин, пастырю кстати участливо узнать и осведомиться, как дела дома, как живут старики, жена, дети, братья".

Такого рода подход—указывал журнал—должен быть умелым, „чтобы слушающий и беседующий воин не заметил предвзятости ваших намерений".

Значение всей этой деятельности—как указывал все тот же официальный орган военных попов—заключается в том, чтобы быть „станцией, где наши воины заряжаются мужеством". (№ 11—12). Кроме

этого указывалось, что проповедь должна быть „острее всякого меча обоюдоострого". (№ 7—8, за 1915 год).

Подобного рода инструкции и указания были опубликованы в большом количестве. Помимо этого, военно-духовное начальство предлагало вниманию попов большое количество образцовых поучений перед боем, о сдаче в плен и т. п.

Вот некоторые из них:

1-ый пример: „Напутствие воина перед боем":

„Кто дрогнет перед врагом, кто трусливо запросит у него пощады жизни своей, тот потеряет свою душу, тот выйдет из боя без души, с такою жалкою, ничтожною душою, что ее нельзя будет и назвать душою... **Кто положит в бою этом душу свою, тот сбережет ее для вечной жизни,** потому что он положил ее ради христа, за его дело святое на земле. Возлюбленные братья мои, идя на брань меньше всего думайте о смерти. Тот враг, который сейчас бросится на вас, хочет надругаться над святынями, храмами и надругается, если вы грудью не удержите здесь его; он не пожалеет ваших деток, ваших стариков, вырвет у них изрта последний кусок хлеба, заставит их умереть голодною смертью, а то прямо приколет мечом; он обесчестит ваших жен и сестер... Не дрогните перед ним... Благословение господне на вас!" („Проповеднический Листок", № 7—1915 год).

2-й пример: „Лучше славная смерть в бою, чем позорная жизнь в плену".

Перебежчики и **сдающиеся в плен** продали свою русскую христианскую душу слугам антихриста.

Они бесчестят святой крест христов, перед которым клялись служить верно царю до последней капли крови. Это все равно, что **они в лицо ругаются над Иисусом христом,** в лицо смеются над ним, плюют на него подобно тому, как делали это когда-то распинавшие сиписителя нашего.

Помните, братья воины: **кто сдается в плен, тот отрекается от христа,** отрекается от святого евангелия и на свою голову навлекает проклятие божие... Тот уже не христианин—хоть у такого будет и крест на груди, хоть он и молиться будет, но пусть он знает, что молитва не спасет его, потому что молитву клятвопреступника господь не слышит никогда.

Господь гневом своим всюду настигает клятвопреступника: нигде ему не будет покоя и счастья". (Там же № 5—1916 год).

3-й пример: „О святости воинской присяги".

„Оружие метко поражает врага тогда, когда оно держится крепкою, уверенною рукою. Пусть и ваши руки будут крепки, глаз верен, сердце мужественно. А для этого чаще напоминайте себе, что вы не просто солдаты, а слуги божии, что когда вы воюете с врагом, вы служите царю и родине и исполняете дело божие...

Перед лицом невидимого бога, перед крестом христовым и евангелием вы клялись верой и правдой служить царю... не щадя своей жизни, до последней капли крови. Каждую каплю крови, пролитую за царя, сам господь принимает на небо, как святую жертву, **каждый стон он засчитывает на небесах для отпущения грехов".**

В зависимости от того или другого положения на фронте для руководства попов составлялись соответствующие образцы поучений. Когда осенью 1915-го года на фронте было отступление и не хватало снарядов,—в это время рекомендовалось указывать солдатам, что против германских орудий следует выступать с „именем господа бога".

Широкие реки солдатской крови создали у попов особый вид проповеди, доказывающей, что чем больше будет пролито крови, тем лучше. В одном из таких образцовых поучений говорилось:

„Не останется бесследной для земли эта масса крови... Другая станет **земля от этой крови, лучше, чище, святее станет она**".

Об этой крови наших воинов можно воскликнуть: Блаженна земля, напившаяся крови вашея. („Вестник..." № 13—14, 1916 г.).

Поповская агитационная картинка из „Русского Паломника". Под ней была подпись: „Яко исчезает дым, да исчезнут".

В „Бессарабской Жизни" была приведена речь, с которой епископ Платон обратился к солдатам. Вот выдержки из нее:

„Русский кулак сокрушит немецкий череп.

Идите дети мои, на войну с этим врагом; смело вступайте в борьбу с ним...

Солдаты, дорогие дети мои, идите в бой за родину святую, за церковь святую, за царя православного...

Гоните врага отсюда и по его стопам ворвитесь к нему в его землю. Вы не думайте, что там только одно хорошее. Ведь, такой негодный человек, как **современный немец, может выйти только из навоза**. Идите же на святое дело, и бог вам в помощь". („П. Л." № 36—15 г.). Одним из основных моментов поповской проповеди являлось обещание божественной помощи во время боя.

Официальный орган военных и морских попов рекомендовал духовным отцам в поучениях, обращенных к солдатской массе, пользоваться образными сравнениями.

„Например, душу сравнить с окопом, злого духа с противником, а намерения злого духа проникнуть в душу человеческую—атакой". (Вестник... № 9 за 1915 год).

Сообщая о своих проповедях на фронте некий поп Григорий Руфимский писал в канцелярию протопресвитера:

„После прочтения евангелия об улове рыбы на море Тивериадском сказал богомольцам слово на тему: если в прошлую весну ниче-

го не поймали в кровавом море, то запустим мрежи свои в наступавшую весну. И по слову господню, с верой в его небесную помощь, уловим множество наших врагов". Далее сказано: „Когда пишу это письмо, рыбари-воины успели изловить уже не сто и пятьдесят три, а целых тридцать тысяч... Заканчиваю эти строки под звуки новой телефонограммы: по фронту от реки Припяти до Румынской границы лов продолжается; ловцы наши уловили 900 офицеров, 40.000 нижних чинов, 77 орудий, 134 пулемета... По милости господней и еще бросают свои воинские мрежи".

Этот пример свидетельствует, как использовали военные попы в кровавом море империалистической бойни евангельские басни.

Такого же рода проповедь звучала по ту сторону фронта, во имя того же господа капитала.

5. Пропаганда смерти.

В начале мировой войны в сухопутных войсках российской армии находилось 3.461.750 человек. Затеявшие войну помещики и капиталисты обрекли этих людей на страдания и смерть. И вот, задача религиозной обработки, в связи с этим заключалась в том, чтобы внушить обреченным необходимость покорно умирать.

Когда раздались первые выстрелы и стоны раненых и умирающих начали оглашать поля битв, официальный орган синода „Церковные Ведомости" (№ 33) опубликовали указания об усердной борьбе со страхом смерти и в этой же статье для сведения и руководства православного духовенства, был помещен соответствующий материал Статья была озаглавлена „О страхе смерти" и в ней очень усердно доказывали, что умирающий переживает чувства какой-то приятной беспечности и спокойствия, нисколько не тревожась судьбою покидаемых им детей". Далее читаем: „Наука уполномачивает к заключению, что собственно физической предсмертной агонии в смысле особого мучительного состояния не существует".

В продолжение всей войны, в тылу и на фронте духовные отцы непрерывно, настойчиво и упорно внушали солдатской массе необходимость покорно умирать.

В первую очередь „раз'ясняли" прелесть предсмертных мгновений. Вот несколько образцов:

„Душа человека как бы расцветает перед лицом смерти, подобно тому, как распускается молодая почка под грозовым дождем". („Моск. Цер. Вед." № 51—52 за 1914 год).

Архиепископ Никон, вождь погромного союза русского народа, побил рекорд. Описывая смерть тяжело раненого, у которого „внутри все порвано, смешалось, уничтожено" он восклицал: „какая прекрасная смерть". Эти строки,—прибавляет он,—не мог писать без слез умиления. („Троицкое Слово" № 339, стр. 623).

Относительно солдатской крови, широкими, горячими, красными ручьями заливавшей землю, церковь заявляла, что до последней капли крови должны сражаться воины. Этой крови,—поясняли „Уроки закона божия для православных воинов",—святая церковь усвояет „благодать крещения". Эта кровь „есть кровь изливаемая по великой любви: есть знак того, что воин до смерти сохранил любовь и верность христу" (стр. 56). 21-го января 1915-го года Холмский епископ Анастасий посетил Орловский полк и в своем,—как писал „Вестник военного и морского духовенства"—„глубоко содержательном слове" заявил, что та земля „по истине святая", которая „орошена русскою кровью и сдобрена костями русских воинов".

Бессмысленной гибели расстрелянных, отравленных газами, разорванных на мелкие части крестьян и рабочих церковная печать давала следующие определения:

„Смерть—„чистая жертва“ *),

„Смерть... красивее жизни“ **).

„Смерть на войне... является исполнением евангельского завета“. („От. хр.“ № 11—12, 14 г.).

„Смерть не враг, а друг для вас“. (Вестник... № 2, 17 г.).

Солдату внушалось, что смерть—вовсе не плохая вещь, а очень даже полезная.

„Промысел божий ведет нас к духовному совершенствованию и царству божию тесным путем земных скорбей, среди которых смерть, издревле называемая утешительницей мудрости, занимает самое видное место; этой цели может служить и война“. (Ц. В. № 1—16 г).

Поп Маляновский в своих проповедях называл солдатские трупы „лепестками“ и его речи считались образцовыми для военных попов. („Вестник...“ № 3—1916 год).

Солдатам раздавали листки под заголовком: „Буди верен до смерти и дам тебе венец жизни“, „Смерти не бойтесь“, „Победи, или умри“ и т. д. и т. п.

Когда же солдатиков убьют в окопах немецкие снаряды за царя, веру и Дарданеллы, то, как уверяет Игумен Серафим, будет уж совсем хорошо:

„Их праведные души, как райские птички, полетят в таинственную вечность, воспевая дивную песнь“. („Наставления и утешения святой веры христианской“. № 12 за 1916 год).

По поводу шрапнельной радости писали стихами:

„Пули, снаряды. Они обещают:
Будешь увенчан небесным венцом“. (Вестник № 11—12).

В дополнение к этому проповедники смерти убеждали солдатиков в красотах могильной доли. Если будешь храбро сражаться, ты получишь—говорили они:

„Холмик заветный...
Полный покой от мирской суеты...
Розы... фиалки... левкой...
И сладкие звуки молитвы святой...
Дивный хор птичек грядущей весной
Опять будет петь над могилой твоей;
Будут шептать и склоняться кусты
И... вырастут снова над нею цветы“.

(Вестник... № 17—17, 16 год).

Не желавшим покорно умирать сладкие речи заменяли угрозами: „Забвение своего долга, знайте—не останется безнаказанным, и это наказание может постигнуть не только самого изменника, но и его близких и потомство, по слову божию, которое говорит, что бог наказывает... до третьего и четвертого рода“. (Там же № 7-8, 15 год).

Для большей убедительности призыв к смерти попы провозглашали от лица... убитых.

---

*) „Моск. Церк. Вед.“ № 17 за 1915 год.

**) „Отдых христианина“ № 5—12, 1917 год.

Во время осеннего отступления 1915-го года, в ряде церковных журналов была напечатана статья: „Завет нам воинов, убиенных на поле брани". В этой статье писали:

„О, если бы дано было отошедшим от нас воинам... выразить свою волю... Сказали бы они: „Не бойтесь смерти, ибо блаженство и счастье несет смерть на поле брани. Бейтесь до конца!" (Воскресный Листок № 39—15 год).

Спекулируя на трупах, использовали также тот кол, который церковь вбивала в могилу ею соблазненных.

Солдатам, провожавшим убитых товарищей говорили речи такого рода: „Надмогильные кресты... неумолчно внушают всем нам: „Не забудьте и нас, живот положивших здесь; продолжайте наше дело до победного конца". („Вестник..." № 20—1916 г.).

На этих крестообразных колах делали надпись: „Дорогие мои... прошу вас дольше воевать". (Там же № 18—15 г.).

В этой агитации смерти попы проявили свое великое искусство затягивать петлю на шее трудящихся. Для большего успеха они лгали на мертвых, лгали для того, чтобы живых превратить в мертвых.

Призыв церкви: „Иди на порог вечности, иди навстречу смерти, иди не завтра, не через неделю, иди теперь же, сейчас иди". („Кр. Пас." № 33 за 1914 г.),—этот призыв звучал непрерывно в церквах и на площадях, каждый день, каждый поп из 50.000 прислужников капитала повторял его на тот или другой лад.

В итоге церковь могла быть довольной.

По статистике Михайловского—как указывает тов. Семашко—боевые потери России составили 2½ миллиона человек *).

Когда этих людей убивали, религиозные организации радовались.

Да! Радовались!

В „Приходском Листке" (газета синода) и в „Троицком Слове" попы писали буквально следующее:

„С высокой, неземной радостью видим мы, как каждый день идут сотни тысяч современных мучеников, бестрепетно идут на раны и смерть". („Троицкое Слово" № 250).

6. Как иконы на фронт ходили.

„В Уроках закона божия для русских православных воинов" поп Путилин так определяет значение икон: „Святые иконы... также, как и обряды, являются проводниками благодати божией, которая через них помогает в битвах". (Стр. 66).

В листовках, брошюрах и книжках, распространявшихся в армии православная церковь указывала примеры, когда эта помощь божественной благодати с великим успехом помогала истреблять людей. Помощник главного начальника военно-духовной администрации, протоиерей Морев для назидания христолюбивому воинству описывал следующее „поразительное чудо", происшедшее перед битвой русских с татарами в 1239 году.

„В 1239 году татары подошли к городу Костроме. Граждане во главе со своим князем (Василием Георгиевичем) в страхе перед многочисленными полчищами врагов обратились с усердной молитвой к пресвятой богородице пред чудотворною ее иконою—Феодоровскою. Перед самой битвою князь приказал вынести из собора икону и обнести ее пред полками, возбуждая в них мужество. Затем повел князь войска свои на татар. Священники несли икону за войсками и пели молебны,

*) Сб. «Десятилетие мировой войны».

прося бога, и пречистую матерь дать победу князю. Близко были и противные войска друг от друга. Высоко над войском князя Василия Георгиевича сияла несенная священниками на высоких носилках икона божией матери.—Войска уже были готовы вступить в бой. Вдруг, в самый последний момент совершилось дивное чудо. Чудотворный образ божией матери вдруг засиял огненными лучами. **Божественные лучи эти,** сиявшие светлее солнечных, **как огонь палящий устремились на полки татарские.** Не могли выдержать этого татары. Страшный трепет напал на них: они даже не узнавали друг друга. Полки их до начала битвы смешались и обратились в бегство. Войскам Костромского князя оставалось только преследовать их". („Вестник..." № 8 за 1916 г.).

Боевые качества чудотворных икон, по словам попов, заключались не только в умении божественными лучами ослеплять людей. Поп Николай Гончаров, для назиданиия солдатиков, описывал следующее событие:

„Во время войны с персами римский император Иулиан... решил... истребить всех христиан. Когда о злом умысле императора узнал святой Василий великий, он пал на колени пред иконой божьей матери, на которой был изображен и святой мученик—воин Меркурий. Святитель со слезами молил пресвятую богородицу даровать христианам свою помощь и отвратить гнев [illegible]гоотступника. Вдруг угодник божий заметил, что лика святого Меркурия нет на иконе. Не доверяя своим глазам святой Василий с особенным вниманием стал всматриваться в икону и убедился, что лика святого Меркурия на ней действительно нет. Но вот **через несколько минут лик воина-мученика опять попрежнему, показался на иконе, только с окровавленным копьем.** Впоследствии узнали, что в эти самые минуты, на брани Иулиан пронзен был копьем в сердце неизвестным воином, который тотчас же скрылся...

Вот как господь дарует свое благословение. („Вос. Листок." № 2—14 г.).

Другие вариации этой же басни утверждали, что на иконе появилось изображение святого Меркурия не с окровавленным копьем, а с окровавленным мечом. („Святой Иоанн—воин". Брошюра).

Такого рода агитация, доказывавшая способность святых икон проводить божественную благодать через копье, пронзающее сердце, сопровождалась усиленным снабжением армии иконным подкреплением. Это подкрепление выражалось в различных видах. Видную роль иконы играли и в напутственных церемониях.

Виднейшее участие в организации иконного транспорта принимала Александра Романова. 13-го июля 1915-го года в крепость Ивангород специально командированным офицером были привезены „иконы спасителя, покрывала на аналой, воздухи и 2.000 евангелий", которые были посланы супругой Романова гарнизону крепости, как царское благословение. Эта икона после религиозно-патриотического торжества, устроенного по случаю ее прибытия, была поставлена в помещении штаба крепости. („Вестник..." № 19—1915 г.).

М. Ф. Паозерский сообщает о следующем факте:

21-го сентября 1915-го года канцелярией ее было выдано удостоверение известному организатору прославления Иосифу Горленке, камер-юнкеру двора е. и. в. князю Николаю Давидовичу Жевахову в том, что „ее величеству угодно возложить на него перевезти из Курской и Харьковской епархии в царскую ставку для представления его императорскому величеству св. иконы Песчанской божьей матери и Владимирской божьей матери". (Удостоверение за № 13461).

Наконец, 17-го сентября 1916 года, пятый стрелковый полк „в воздаяние за свои боевые подвиги“ выразившиеся в прорыве германского фронта у м. Ольска, по направлению на г. Луцк и в благословение на совершение новых,—получил от Александры Федоровны Романовой „большой образ пресвятые богородицы „Неопалимая купина“. На нем надпись: „Сооружен для укрепления религиозного духа славных, храбрых, христианских воинов на передовых позициях“.

По замечанию поповского корреспондента, значение царской посылки заключалось в том, чтобы стрелки сражались „до последнего вздоха“. („Вестник...“ № 21—1916 г.).

Приведенными примерами, конечно, не ограничиваются иконные заслуги сиятельной сподвижницы Распутина и самый скромный подсчет количества иконок, посланных ею на укрепление религиозно-воинственно-патриотических настроений российского воинства составил бы значительную цифру.

Сестра Александры Федоровны княгиня Елизавета Федоровна тоже потрудилась в этом направлении. Так, например, 9-ой артиллерийской бригаде она пожертвовала походный иконостас художественной работы, полное форменное священническое облачение, воздухи, парчевую пелену на аналой, напрестольное евангелие и напрестольный бронзовый крест, кадило, парчу для облачений на престол и жертвенник, трехсвечник на престол и кропило.

Для солдат этой же бригады: 100 евангелий, 1.800 брошюр религиозно-воинственного содержания, 500 икон и крестов и для офицеров 100 евангелий и 100 икон.

Она же, через „состоящего при ней“ генерала-от-кавалерии М. П. Степанова принимала меры к снабжению „своего деверя Николая II чудотворной иконой, которая утвердит скипетр его, дарует ему здоровье и спасение, на врага победу и одоление“. (Паозерский „Чудотворные иконы“, стр, 137).

В начале декабря 1914-го года Московским митрополитом Макарием, известным черносотенцем, была послана в ставку икона с изображением „святителя Николая“, при чем изображение святого Николая было помещено на иконе в силу следующих причин. Во-первых, как покровителя главнокомандующего, и, во-вторых, как святого, прославившегося своей драчливостью.

В марте 1916 года протоиереем Орнатским, настоятелем Казанского собора, была отвезена в ставку „точная копия чудотворной Казанской иконы божией матери, при письме, подписанном высокопреосвященным митрополитом Питиримом, настоятелем и церковным старостой собора и всеми членами причта“. („Пр. Л.“ № 76—1916 г.).

От имени начальника штаба главнокомандующего генерала Алексеева через несколько дней Питириму было послано следующее письмо:

„Ваше высокопреосвященство

милостивейший архипастырь и отец!

Действующая армия, с глубоким благоговением приняв присланную Петроградским Казанским собором копию чудотворной Казанской иконы божией матери, в молитвах **пред которой будет черпать новые силы на ратные подвиги для защиты царя** и родины, приносит глубокую благодарность вашему высокопреосвященству и причту названного собора за молитвенную память.

Икона, по высочайшему повелению, помещена в походной церкви верховного главнокомандующего.

Испрашивая себе и действующей армии святительских молитв ваших, с отличным почтением и совершенною преданностью имею честь быть

вашего высокопреосвященства
всепокорнейшим слугою
Мих. Алексеев".

Эта икона все время находилась при ставке главнокомандующего, очевидно, в качестве военспеца.

В некоторых случаях, попы, совместно с представителями буржуазии, отправку икон в армию использовывали для организации специальных религиозно-патриотических торжеств.

В тех случаях, когда иконы нельзя было переслать со специальными нарочными, их транспортировали в посылках.

Армия была, в полном смысле этих слов, засыпана подобными святостями.

Военное начальство к иконному подкреплению относилось сочувственно. Получение икон в некоторых случаях отмечалось особыми приказами, что было, например, 7-го мая 1916 года, когда был опубликован приказ генерала Радько-Дмитриева о распределении присланных икон между теми стрелками Сибирского корпуса, которые являются „достойнейшими" бойцами.

Российские Тит Титычи отнеслись к иконо-снабжению тожевполне ревностно.

Различного рода военно-иконные церемонии совершались в том или другом виде в каждой части. Каждая часть имела того или другого небесного покровителя, в честь которого устраивали те или другие торжества. В N-ом пехотном полку таковым считался „Никола милостивый" и в его день 6-го декабря на полковых торжествах (как передает поп П. Р—й) солдатам внушалась мысль, что российскому воинству необходимо быть такими же воинственными, как был и сам святитель, некогда подравшийся на церковном соборе с Арием.

Помимо этого, в армии распространялись листки, на которых были помещены оттиски икон, специализировавшихся по военному делу. Такой иконой была, например, икона „Никола—Ротный", отпечатанная на листке „Святитель Николай в стане русских воинов". На ней было изображено наступление русских войск на отступающие в панике германские войска. Никола изображался стоящим среди облаков, в поповской одежде и в правой руке у него находился здоровенный меч, обращенный к германцам. Соответственно обстоятельствам его физиономия имела злобное выражение, при чем была окружена светлым сиянием. В пояснительном тексте указывалось, что „Никола милостивый" многократно оказывал чудесную помощь в боях российскому воинству. Листовка описывает пять примеров его небесной помощи и оказывается, что главная специальность Николы заключается в истреблении татар, башкир, калмыков и поляков. Относительно татар неземная сила иконы, однажды, проявилась, например, в том, что многие из татар „попадали с лошадей в реку и утонули". Далее листовка указывала, что кроме перечисленных „яркие чудеса святителя Николая... в обстоятельствах военного времени... как звезды небесные и как песок морской, неисчислимы". В заключение приводился пример, из которого следовало, что „милостивый Никола" является усердным покровителем старинных дворянских семей и его заботы об офицерах-дворянах проявляются между прочим и в том, что он спасает их от смерти, принимая на себя летящие в них пули. Эта листовка была издана в Ростове-на-Дону, П. Маеровым.

Иконы были использованы также для обработки раненых.

В качестве чрезвычайных мер высшее военное начальство в контакте с поповским, организовывало визиты на фронт чудотворных икон.

Еще 24-го августа 1914-го года по распоряжению верховного главнокомандующего Николая Николаевича Романова из Троице-Сергиевской Лавры в ставку верховного главнокомандующего поехала „св. икона явления божией матери преподобному Сергию Радонежскому". Эта икона в качестве военспеца, начиная с 17-го века сопровождала штабы российских воинств по царским указам. Отправка и прибытие иконы были обставлены, конечно, соответствующими церемониями, крестными ходами, молебнами, речами, колокольным звоном и т. п. В „Волынских епархиальных ведомостях" указывалось, что прибытие иконы было настолько благодетельным, что удалось взять под Львовом „28.000 при 200 офицерах и 82 орудия". № 2—1916 год).

В дальнейшем, целый ряд икон, как, например, икона божьей матери Порт-Артурская и другие, по соглашению военных и поповских штабов, совершали об'езды частей действующей армии, при чем в некоторых случаях они гастролировали в пределах одной дивизии, а иногда об'езжали расположение целых армий. О поездках Порт-Артурской иконы церковная печать сообщала: „Вдова военного инженера А. В. Андерсин-Лебедева в ночь на 27 февраля, заручившись предварительно надлежащим разрешением, ехала в открытом автомобиле на наши передовые позиции и везла с собою св. икону божией матери, которую она в японскую войну, возила с собой и в Порт-Артур. Приближаясь к передовым позициям, г. Андерсин-Лебедева св. икону держала все время высоко в руках, как знамя. Самая икона была прикреплена к длинной германской пике, в знаменование слов: „взявшие (неправедно) меч, мечом и погибнут". На другой стороне иконы на бледно-голубом был изображен большей золотой крест, и сделана надпись золотыми буквами: „С нами бог! Разумейте языцы и покоряйтеся, яко с нами бог!"

Так с этою священною хоругвию-знаменем прибыла к нашим передовым позициям г. Андерсин-Лебедева в ночь 27 февраля.

Именно в это самое время германские войска, без участия наших войск, кем-то гонимые, в паническом ужасе бежали из своих окопов, побросав оружие и снаряжение". Далее указывалось, что „в ночь на 27 февраля под Праснышем в германских линиях, без участия наших войск разразилась какая-то паника, и к утру перед нами оказались пустые окопы, масса брошенного оружия и снаряжения, а германский фронт выяснился осаженным на 4 версты назад".

Однако, боеспособность всех этих икон оказалась недостаточно высокой.

И вот, Николай Романов распорядился привезти в ставку чудотворную икону Владимирской божией матери.

„22-го мая 1916-го года протопресвитер Шавельский прислал в синод следующий рапорт (№ 1704), помеченный им „весьма спешно", „секретно" *).

„Его императорское величество государь император повелел мне просить святейший синод сделать распоряжение, чтобы находящаяся в Московском Успенском соборе чудотворная Владимирская икона божией матери была незамедлительно доставлена в ставку верховного

*) Дело синода № 117, 3 стола, VI отделения, за 1916 год.

главнокомандующего (губ. гор. Могилев). О таком высочайшем повелении долг имею донести святейшему правительствующему синоду".

Рапорт был получен в синоде, как видно из собственноручной пометки обер-прокурора Волжина, 24-го мая в 5½ часа дня. Следующее очередное заседание синода должно было состояться 27-го мая, но этот двухдневный срок показался слишком долгим услужливому гофмейстеру Волжину.

„За невозможностью собрать синод, пишет он на рапорте Шавельского, лично переговорил с первенствующим *), который благословил послать митрополиту Макарию телеграмму разрешительную за его и моей подписью. В ближайшем заседании доложить синоду к сведению".

Копия иконы, сфабрикованной монахами Почаевской лавры и изображающей „личное участие" богородицы и ангелов в битве под Почаевской лаврой в 1675 году. Ангельские стрелы, как видно из рисунка, были очень метки. Листки с рисунком этой иконы духовенство распространяло среди солдат и населения, с целью внушить им веру в святость империалистических войн. Рисунок взят из „Почаев. листка" № 2—1915 г.

Тотчас же в Москву была отправлена телеграмма, черновой текст которой написан рукою самого Волжина:

„Митрополиту Макарию. Согласно рапорта протопресвитера Шавельского о высочайшей воле, святейший синод благословляет ваше преосвященство незамедлительно распорядиться о доставлении чудотворной Владимирской иконы божией матери Успенского собора в ставку верховного главнокомандующего. Для незамедлительного перевезения иконы должен быть предоставлен салон-вагон. О последующем благоволите уведомить. Митрополит Владимир. Обер-прокурор Волжин".

Одновременно Волжин отправил телеграмму уже лично от себя и протопресвитеру Шавельскому:

„Благословлением святейшего синода митрополиту Макарию преподано о незамедлительном доставлении иконы. Подтвердить Москву о предоставлении салон-вагона".

Собравшийся 27-го мая синод определением за № 3660 одобрил все распоряжения митрополита Владимира и Волжина и распорядился

*) Первенствующий член синода—митрополит киевский—Владимир.

со своей стороны только о канцелярском завершении дела, путем рассылки указов московскому митрополиту и протопресвитеру Шавельскому". (Паозерский „Чудотворной иконы" стр. 152—153).

„Московские церковные ведомости" в № 23—4 за 1916-ый год поместили описание „особо торжественной" отправки иконы на поля битв.

27-го мая в 10 часов утра протопресвитер Н. А. Любимов, вместе с соборными попами отслужил литургию и после нее перед путешественницей молебствие с акафистом. По окончании он произнес речь, в которой отметил, что перенесение на фронт чудотворной иконы будет иметь для действующей армии „знаменательное значение".

Широкая реклама оповестила население гор. Москвы и на всех нижеописанных церемониях присутствовало много зрителей.

В 2 часа дня с Кремлевских колоколен загремел торжественный колокольный звон и к Успенскому собору начали с'езжаться попы всех Московских церквей для участия в торжественном крестном ходе на Александровский вокзал. Все попы были в одеждах из малинового бархата, в ризах, на которых имелось изображение креста с надписью „сим победа".

В 3 часа дня в Успенском соборе, перед от'езжающей иконой вновь служили молебствие с участием московского митрополита Макария, гродненского архиепископа Михаила, верейского епископа Модеста, серпуховского епископа Арсения, бельского епископа Серафима, протопресвитера Любимова и многих других попов. Тут же присутствовала сестрица Александры Романовой, Елизавета Федоровна, состоящий при ее особе генерал-от-кавалерии М. П. Степанов, командующий войсками московского военного округа генерал-от-артиллерии И. М. Мрозовский, генерал-от-кавалерии И. Вогак, московский градоначальник и весь московский генералитет. Сановные дамы и московское купечество тоже явились на военно-церковное торжество.

По окончании молебствия из собора двинулся крестный ход, в котором шествовали все московские попы во главе с митрополитом Макарием. По распоряжению поповского начальства в шествии участвовали многочисленные хоругви кремлевских соборов и монастырей, корсунские кресты, запрестольные иконы, большой образ святителя Гермогена и т. п.

Центром этой процессии являлась икона.

При пении синодального хора, крестный ход отправился сначала на Красную площадь, и в это время усердно звонили все колокола московских церквей. Их перезвону вторили оркестры военной музыки, а стоявшие по пути от Успенского собора до Спасских ворот части войск московского гарнизона при прохождении крестного хода брали на караул. На Красной площади служили литию и здесь к процессии присоединились попы из собора Василия Блаженного и из Казанского со своими иконами и хоругвями.

У Иверской иконы крестный ход остановился вторично.

Далее крестный ход направился вверх по Тверской улице. В центре процессии двигались идущие в малиновых одеждах попы и их шествие растянулось почти на версту. Вслед за ними ехала чудотворная икона, украшенная роскошными живыми цветами.

Из монастырей и церквей, находящихся по пути следования процессии, выходило для встречи духовенство с хоругвями и иконами.

„И вот,—пишет Паозерский,—в то время, как смертельно раненые солдаты перевозились в санитарных вагонах, переделанных на скорую руку из товарных, а иногда и прямо в теплушках, когда железные

дороги были забиты настолько, что месяцами не могли доставить армии снарядов и населению продовольствие, икона отправилась к царю в салон-вагоне и прямым маршрутом, без задержек на станциях".

По прибытии иконы Николай Романов приказал сопровождавшим икону попам совершить по фронту ряд поездок для поднятия боеспособности не желавших бессмысленно гибнуть усталых, измученных и не имевших необходимого снаряжения солдат.

1-го июня икона об'ехала войска N-го корпуса.

„Вестник военного и морского духовенства" поместил описание иконного парада в одной из дивизий. С раннего утра в деревню Р. начали стягивать войска по сводному батальону от полка, а Инсарский полк был приведен в полном составе. Войска протянулись по обе стороны дороги двумя длинными серыми лентами на протяжении 3-х верст. К 12-ти с половиной часам дня прибыл начальник дивизии и корпусный командир с чинами штаба. В 3 часа дня конный ординарец сообщил, что икона под'езжает. По приказанию начальника дивизии полковые попы выстроились и крестным ходом отправились навстречу знатной посетительнице. В момент встречи церковный хор пропел „радуйся, царице". Затем произошло слияние шествий и вновь образованный церковный кортеж медленно направился вдоль рядов выстроившихся войск к месту молебствия. Впереди следовал автомобиль корпусного командира, в котором сидели командующий корпусом и поп Николай Яхонтов. Затем следовал автомобиль с чудотворной иконой и ряд экипажей и автомобилей с ее свитой и военно-поповским начальством. По пути следования иконы офицеры заставляли солдат снимать фуражки и делать земные поклоны. Оркестр военной музыки играл воинственно-патриотические номера. Ехавший впереди поп Николай Яхонтов громко кричал солдатам, что приехавшая святыня дает им „благословение на ратные подвиги".

По прибытии войска были стянуты на место молебствия и сюда же подошел из села N крестный ход попов из соседних дивизий. Поп Яхонтов произнес речь, в которой описывал чудесные видения „благолепной жены, предводящей полки светоносных юношей-воинов" и в заключение, обращаясь к иконе, сказал:

„Пресвятая богородица... испроси у царя царствующих милость нашему царю, верховному воеводе нашему и воинству его, благослови вождей и воинов наших, внедри в сердца их дух непоколебимого мужества, да крепко стоят на страже!"

Затем отслужили молебен о победе с участием громогласного московского протодьякона Розова. В заключение несколько раз спели многолетие „государю императору и всему царствующему дому". Генералы и офицерство приложились к иконе и затем ее „обнесли по рядам войск". Впереди шел поп Н. Яхонтов и поливал солдат „святой водой".

„Маленькая, но характерная подробность,—сообщает „Вест. воен. и мор. дух.",—чашу со святой водой, из усердия, все время нес, как простой служка, командир N-ого полка Н. А. Э.".

После этого икону посадили в автомобиль и повезли дальше по фронту, а солдаты на прощание по приказанию высшего начальства еще раз земно поклонились от'езжающей иконе.

Командир корпуса остался вполне доволен и выразил попам особую похвалу. (Вестник... № 18 за 1916 год).

Одновременно с этим поповские организации выкручивали из солдатских голов разум и волю. В листовке, распространявшейся в армии и озаглавленной „Несомненность победы милостью божией и заступле-

нием пресвятые богородицы", усиленно внушалась мысль, что **богородица в настоящее время командует российским воинством, лично пребывая на позициях и участвуя в боевых действиях".** („Воскресный Листок" № 45, 46 за 1916 год.).

Кто же заботился обо всем вышеописанном?

Кто заботился об организации иконного транспорта в действующую армию?

Мы видели участие попов, генералов, купцов под главенством семейства Романовых.

Какими только способами не транспортировали на фронт иконы, проводники божественно-боевой благодати. Снабжали маршевые роты, посылали со специальными нарочными, комиссиями и фельдъегерями, отправляли в посылках, в салон-вагонах, отправляли оптом и в розницу и при этом организовывали пышные церемонии с парадами, крестными ходами, речами, музыкой, отданием чести и земных поклонов иконному начальству.

Наконец, венцом эксплоататорских стараний явились гастроли чудотворных икон.

И после этих гастролей, обработанное солдатское пушечное мясо перебрасывали к передовым позициям и бросали в пасть огня и железа.

Иконы свое дело сделали!

7. Крест—рукоять меча.

Эмиль Розенов, давший в своей работе „Против попов" *) яркие и правдивые картины из жизни католической церкви в годы реформации, говорит, что еще в эпоху великого переселения народов крест являлся рукоятью меча, пролившего реки человеческой крови.

Годы мировой войны подтвердили верность такого определения.

Изображение креста помещали на миллионах воинственно-патриотических посланий, листовок и воззваний, распространявшихся в армии. Его рисунок, в виде меча, окруженного светлым сиянием, иллюстрировал ту духовную сивуху, которая отравляла солдатское сознание. Его изображения помещали на каждом воинском знамени, и, по этому поводу, солдатский учебник „Уроки закона божия для русских православных воинов", раз'яснял, что употребление на воинском знамени знаков христианских основано на божественном повелении (ст. 17). Далее указывалось, что под этим знаком, христианские воины должны сражаться „до последней капли крови" (стр. 18).

Обращаясь к солдатам, в специальном религиозно-просветительном издании для армий и флота, церковь говорила:

„Христос и святая церковь усиленно зовут нас ко кресту... Христос так говорил нам: Люди возьмите крест свой и следуйте за мной... Но что значит: жить крестом, нести крест?

Вот купец. Он напрягает все свои торговые таланты и знания, чтобы во время и наивозможно дешевле купить товар... Такой купец самоотверженно несет крест свой. Вот воин; он все силы свои применяет к тому, чтобы наилучше изучить воинское искусство, дорожит каждою минутою для этого. Он старается всячески быть наивозможно искусным. Такой воин несет крест свой. Но если воин поскорей старается отлынивать, чтобы побольше сил и времени осталось на собственное удовольствие, он не живет крестом, не хочет нести крест". („Воскресный Листок" № 41 за 1916 год).

---

*) Книга эта вышла в издании Госиздата в 10 выпусках.

Вождь московских погромщиков, член святейшего синода и государственного совета, архиепископ Никон в статье „Крест воинский", напечатанной вскоре после начала военных действий, дал подробное раз'яснение, что значит этот самый крест.

„Воин обязан во время войны,—заявил он,—беспрекословно повиноваться распоряжениям воинского начальства, итти куда прикажут" („Цер. Вед." № 41—1914 год).

В листовке „Крест воинский", распространявшейся среди армии в очень большом количестве, в этой листовке—солдатам внушалось, что во имя „креста христова" они должны оставить свой дом, семью; бросить поле и налаженный труд, спокойно терпеть всевозможные лишения: усталость в пути, дождь, зной, холод, бесприютность, ночлег под открытым небом, лишение в пище, в питье, во сне и отдыхе, в одежде и жилище... Беспрекословно повиноваться распоряжениям воинского начальника, итти куда прикажут, исполнять всякое порученное дело и, что бы солдат ни наблюдал (пусть даже он видит сражения... и раны, и мучения, и смерть), во имя этого же „креста христова" листовка призывала солдат подавить в себе поднимающееся в душе сомнение и недоумение. Последние слова поповской прокламации требовали покорно ожидать смерти.

Целый ряд видных христианских деятелей дал исчерпывающее определение креста и его назначения:

„Жизненные невзгоды и беды и есть тот крест" („Голос истины" № 33—4 за 1915 г.).

Цель его „разрушение счастья земного". („Отдых христианина" № 7—8 за 1915 год).

Крест употребляется „первее всего для брани и победы". („Церковные ведомости" за 1915 г. № 23).

„Крест... победоносное оружие". („Приходский листок" № 9 за 1916 г.).

„Крест—царей утверждение". (Из церковных песен).

И в продолжение всей войны попы вместе со своими хозяевами приложили много забот и хлопот к снабжению солдатской массы боевой, крестовой благодатью.

Перед выступлением войсковых частей на фронт каждому солдату выдавался крестик. В городе Симферополе крестиков не хватило и их выписали из Москвы, откуда в спешном порядке было прислано свыше 900 крестиков. („Церковные ведом." № 30 за 1915 г.).

Поповская печать неустанно твердила о святой необходимости сражаться „под сенью честнаго креста христова". („Вестник..." № 9 за 1915 год).

Дамы большого света, купечество, кулаки и монастыри в тысячах посылок посылали в действующую армию крестовые подкрепления. Перед боем попы осеняли войска крестами и призывали солдат смело итти под шрапнельным и пулеметным огнем „за святой силой его".

Об этом обычае они говорили: „какая величественная, захватывающая дух картина—осенять воинов крестом перед смертным боем. В центре картины сверкающий, как крупный бриллиант, святой крест кругом его осененные многочисленные подвижники креста". Этот обычай—использовать культ креста для того, чтобы перед боем воодушевлять обреченных,—получил широкое распространение. Попы и офицеры советовали солдатам перед вступлением в битву приложиться к нательному кресту и осенить себя крестным знамением для того, чтобы „с большей силой вступать в битву".

Киево-Печерская Лавра в своем обращении к „воинам вступающим в битву", от 19 ноября 1914 года, заявляла:

„Вступая в битву, прежде всего осмотритесь, у каждого ли из вас на груди есть крест христов. У кого он есть, тот пусть скажет: „слава богу", а у кого нет, тот пусть тотчас же на себя наденет оный. Затем, вступая в битву, каждый из вас с благословением да осенит себя крестным знамением и с крепкою верою пусть призовет на помощь непобедимую силу креста христова...

Крест есть великое оружие...

Поэтому, вступая в битву, призывайте на помощь непобедимую силу креста христова". (Свет Печерский за 1914 г. стр. 672).

Благословление крестом перед боем, заявляли попы, создает „особую настроенность" и воспоминание об этом благословлении, добавляли они, **возбуждает отуманенное кровавой схваткой сознание и дает силу крепче держать оружие.** (В. Е. В. № 4 за 1916 г.).

Этот же крестик выдавался солдатам в тех случаях, если их деятельность получала одобрение военного начальства. Крестик был лучшей наградой за убийство. И чем больше солдат убил таких же, как он, несчастных, тем больше давали ему крестиков.

Вперед—говорили солдатам офицеры и попы по обе стороны фронта—смело вперед, лейте кровь как воду, и в награду, на вашу простреленную грудь будет приколот крестик.

И в конце концов, когда боевая крестовая благодать помогла разбойникам империализма уложить на широких полях России, Германии, Польши и Галиции сотни тысяч когда то молодых, когда-то полных сил, радости и жажды жизни людей, тогда не кончалась роль креста.

Нет не кончалась!

Тот самый крестик, которым освящается и благословляется оружие убийства—этот крестик в назидание живым вбивали в могилу мертвых. На нем делали трогательную надпись, что такой-то тульский крестьянин или московский рабочий погиб „за веру, царя и отечество" исполнив завет христианской любви. И эта надпись призывала живых погибнуть такой же бессмысленной смертью, которой погибли, лежащие в земле.

А дома осиротевшей семье предлагалось помолиться перед крестиком и получить таким образом христианское „утешение".

Такую же роль имел крест по ту сторону фронта.

По обе стороны фронта крест был поистине „победоносным оружием", пролившим реки человеческой крови.

По обе стороны фронта крест был орудием культа массового убийства, орудием человеческих жертвоприношений капитала.

8. Молитва на фронте.

Распоряжения высшего военно-духовного начальства предлагали попам действующей армии приложить все усилия к тому, чтобы богослужение производило глубокое впечатление на молящихся солдат.

В параллель к этому интересно отметить следующее.

В мае 1915 года Николай Романов посетил одну из церквей военного ведомства и простоял службу, предназначавшуюся по количеству времени для солдат. Он остался недоволен напрасно потерянным временем, тем более, что в придворных церквах в угоду ему церковные церемонии были значительно более краткими. По этому поводу протопресвитером Шавельским был опубликован специальный приказ военным и морским попам, в котором к точному исполнению предлагалось

„впредь не допускать в высочайшем присутствии таких явлений“ и указывалось, что служба в высочайшем присутствии должна быть кроста и непродолжительна. (№ 1863).

Заботясь о такого рода воспитании офицеры прилагали не мало стараний к тому, чтобы совершение служб происходило регулярно и даже при условии обстрела молящихся неприятельскими снарядами.

5 января 1916 г. в Р—м пехотном полку, стоявшем на позиции, было об'явлено следующее приказание:

„Завтра, 6 января, по случаю праздника богоявления господня, в 9 часов утра будет совершено богослужение в предместном укреплении на левом берегу Дунайца, между малым и большим мостами, и освящение воды на р. Дунайце. К этому месту в окопы собраться певчим, остальным людям, укрепив наведенные винтовки на брустверах и назначив в каждом отделении по наблюдателю за противником, прислушиваться к пению, и когда начнется известная молитва, подтягивать. После многолетия пропеть „боже царя храни“. На правом берегу Дунайца в окопах у вала поместиться хору музыки и свободным ротам резерва. Богослужение они будут слушать из окопов. После многолетия музыкантам, сидя в окопах, играть „боже царя храни“. В случае если противник откроет огонь, отразить огнем: поручику К. своевременно передать по телефону со станции артиллерийского наблюдения об открытии огня по стреляющему противнику...“.

Начальнику дивизии было послано донесение, в результате чего, штаб дивизии разбслал такое приказание:

„Завтра, 6 января, в 9 часов 30 минут утра священником Р—м полка будет совершено богослужение и освящение воды на реке Дунайце. Начальник дивизии приказал оповестить об этом все части боевой линии на случай открытия противником огня из пулеметов и ружей. Артиллерии заранее навести орудия на с. с. Бискупице и Вульку, с тем, чтобы при первых же звуках неприятельских пулеметов, погасить их огнем“. (Вестник... № 7—8 за 1915 г.).

В данном случае, если верить официальной сводке, церковная церемония обошлась без человеческих жертв.

В других, обстояло иначе. 11 апреля того же года, как сообщает поп Сергей Лазаревский, в рапорте протопресвитеру за № 27 от 27 апреля, всенощное бденне в III батальоне Переяславского полка закончилось шрапнельным благословением молившихся солдат, при чем 8 человек было ранено.

В письме протоиерея Т. Маслова было помещено следующее описание богослужения в одном полку:

„... Благослови, душе моя“... стройно пели певчие.

„Бум! бумм!“—раздавалось вблизи.

„Бам-бам!“—не уступала легкая.

„... Господи, воззвах к тебе...“

„Бумм! Тр-р-ах-тах-тах“,—следовал разрыв через несколько секунд.—„Тра-та-та-та-та“,—слышится в ответ противный, неумолкающий треск пулемета...

На другой день была обедня.

„... Иже херувимы“,—поет хор.—„Бумм!“—зазвенели стекла в рамах. „Бам-бам“,—задорно отвечает конная батарея...

— Тр-рах-тах-тах! Канонада разгорается. Обедня продолжается. Под такой, почти беспрерывный, очень своеобразный боевой перезвон окончилась литургия, молебен служили на открытом воздухе“.

Таким образом, реки солдатской крови и их стоны сопровождали молитвенные церемонии.

Перед каждым боем попы служили молебны и требовали, чтобы солдаты читали особую „молитву перед сражением“.

Вот ее текст:

„Спаситель мой... Ты заповедал нам полагать души свои... Радостно иду я исполнить волю твою и положить жизнь свою за царя и отечество. Вооружи меня крепостью и мужеством на одоление врагов наших и даруй мне умереть с твердой верой...“.

В учебнике военной грамоты за этой молитвой крупными буквами было напечатано „ура!!!“.

Вот второй вариант этой же молитвы:

„Господи боже, спаситель мой. По неизреченной любви твоей ты положил за нас душу свою; ты заповедал и нам полагать души наши за друзей наших. Исполняя святую заповедь твою и уповая на тя, безбоязненно иду я положить на брани живот мой за веру, царя и отечество и за единоверных братьев моих. Сподоби мя непостыдно совершить подвиг сей во славу твою. Жизнь моя и смерть моя во твоей власти; буди воля твоя.—Аминь“.

Церковные организации посылали на фронт в большом количестве листки с напечатанными на них молитвами. На некоторых из этих листков был напечатан псалом 90. Один лишь Свято-Андреевский скит издал тотчас по об'явлении войны 600.000 листков этого псалма, которые были посланы в армию.

„Нужно заметить,—поясняла церковная печать,—что этот псалом полон самыми категоричными обещаниями спасения верующему силою божиею“.

О значении молитвы на фронте солдатам внушали следующие мысли:

„Вопль нашей пламенной молитвы безмерно усилит гром русских пушек, и он грянет, как гром небесный, от страха которого побегут и смутятся все враги наши“. („Пастырское напутствие христолюбивым воинам“).

В официальном руководстве по урокам закона божия читаем:

„Сила воина... зависит от святого духа, а потому воину необходимо чаще призывать святого духа, чтобы он пришел, вселился в него“. И дальше „воинское дело воин должен совершать с молитвою: во имя отца и сына и святого духа. Аминь. От этого дело его приобретет великое и священное значение“ (стр. 66—67).

Не менее ясным являлось определение церкви в этом же учебнике. „Храмом божиим называется особенным образом освященное здание, в котором... православные христиане... получают силу для подвигов“ (стр. 74).

Заботясь о том, чтобы рабочие и крестьяне совершали как можно более „подвигов“ убийства товарищей по классу, церковные организации и буржуазия с самого начала войны предпринимают усердные хлопоты к тому, чтобы каждая воинская часть имела военную церковь.

Поставщик „двора его императорского величества“ торговый дом купца Жевержеева по предложению духовного правления при протопресвитере военного и морского духовенства заблаговременно приготовил большое количество военно-походных церквей, которыми наделяли почти каждый полк. При них имелся полный комплект военно-церковных и богослужебно-походных вещей.

В церковной литературе, времени войны, постоянно печатались заметки такого рода:

Ее императорское высочество великая княжна Ольга Николаевна, августейший шеф третьего гусарского Елизаветградского полка, соблаговолила пожаловать сему полку походную полковую церковь. Ее императорское высочество великая княгиня Елизавета Федоровна соизволила пожертвовать для гарнизона Брест-Литовского крепостного района переносный храм.

В других заметках указывалось, что жертвователем является какой либо Тит Титыч, торговое предприятие или иная капиталистическая организация.

Военно-походные церкви с убранством стоили от трехсот и до нескольких десятков тысяч рублей. В марте 1916 года возник особый „комитет по сооружению подвижных храмов в госпиталях, лазаретах и на фронте", состоявший под председательством „великой княжны Елизаветы Федоровны". Этот комитет в течение нескольких месяцев своей деятельности по сообщению полевой канцелярии протопресвитера Шавельского, отправил на фронт около 50 походных церквей и организовал в московских лазаретах 16 подвижных.

Всего за время войны было сооружено, можно полагать до одной тысячи военно-походных церквей и на них были истрачены крупные суммы денег.

Однако, господствующие классы, заставлявшие голодать семьи мобилизованных, на эти расходы не скупились.

9. Поповские подвиги на фронте.

Одна из самых главных сторон поповской работы в рядах действующей армии заключалась в том, чтобы подготовить войсковую часть, идущую в бой, к наилучшему исполнению дела массового убийства рабочих и крестьян других национальностей. По этому вопросу протопресвитер Шавельский писал полковым попам:

„Подготовляй свою часть к бою, к победам, чтобы бой встретила она без страха и к победе пришла". („Служение священника на войне" стр. 23).

С течением времени в поповской практике получают широкое распространение целый ряд церемоний, совершаемых перед началом битвы с целью „вдохновить" солдатиков.

„Все поля сражений,—хвастливо заявлял синод,—прежде чем огласиться бранными кликами, слышали умилительное церковное пение над коленопреклоненными ратниками". („Деятельность отечественной церкви во время войны..." стр. 22).

Согласно указаниям Шавельского и постановлениям поповских с'ездов установился обычай исповедывать и причащать перед сражением солдатиков для того, чтобы они „бестрепетно" умирали.

„Полезно,—писал Шавельский,—обойти священнику перед боем роты своего полка, пока не началась стрельба, благословить их, божьей помощи им пожелать". („Служение..." стр. 29).

Помимо всего этого, солдатские ряды перед атакой обносили чудотворными святостями, им предлагалось приложиться ко кресту, их обливали святой водой и в напутственной речи поп призывал пушечное мясо „по знаку командира смело броситься в бой". („Вестник..." № 4 за 1917 г.).

Инструктивный поповский журнал „Проповеднический Листок" рекомендовал вниманию полковых попов следующую картину коллективной молитвы идущих в атаку войск: вот этот набросок, сделанный участниками бойни:

Некогда думать, некогда чувствовать...

— Спаси, Гос-ос..., доносится из передних рядов.

Люди, лю-у-ди твоя!—подхватывают задние ряды.

И в лицо неприятелю, мчащемуся во весь опор на нас могучим раскатом несется:

— И благослови достояние твое!

Сначала поет передовая шеренга, потом вливаются новые и новые голоса, молится весь полк, вся дивизия, вся колонна, ринувшаяся потоком...

Солдат, который упал к нашим ногам с оторванной ногой, бросает нам вслед;

— Спаси Го-о-споди...

На нас мчится ощетинившаяся штыками шеренга венгерской пехоты. Я вижу их лица, бледные как мел, с широко открытыми глазами, я уже чувствую их дыхание, дыхание нескольких тысяч людей.

— В штыки!

Раз—два, раз—два. Ритмически работают руки, колют вперед: отдергивают штык назад. Но это только первые мгновенья. Потом движения и действия становятся беспорядочно-хаотичными, случайными. Штык сломался—бьешь прикладом, приклад разлетелся в щепы—есть руки, зубы, кулаки, ногти...

И над этой картиной звуки молитв соединялись с таканьем пулеметов, с грохотом шрапнельных разрывов, со стонами и предсмертными криками умирающих.

Церковные церемонии, молитва и вся подготовка, должны были довести брошенных друг на друга рабов капитала до наивысшей степени озверения, для того, чтобы убийство рабочим рабочего и крестьянином крестьянина предоставлялось и тем и другим—как великое и святое дело.

Молитвенные церемонии по обе стороны фронта играли одну и ту же роль. Во время одной из атак—как рассказывает очевидец—произошло следующее:

„Когда полк приблизился к немецким окопам шагов на 400, стрельба с неприятельской стороны сразу совершенно прекратилась; тогда и наши выстрелы постепенно стали замолкать. И наступила непонятная тишина. Все были в тревожном недоумении, ожидая чего-то со стороны врага. Вдруг послышалось пение, вначале слабое, потом все громче и шире разносившееся по немецким окопам: немцы пели „Fater unser“ („отче наш“). Наши скоро уловили звуки молитвы... Немцы пропели. Наш командир полка вышел перед полком со знаменем в руках и запел „боже, царя храни“. Как удар по натянутым струнам, так сразу отдалось пение по нашему полку. Потом пели „отче наш“.

И вот пение окончилось. Молитвенная настройка свое дело сделала; раздалась команда и русские рабочие и крестьяне в серых шинелях бросились на германских. Звуки молитвы смешались с хрипами, стонами, предсмертными вскриками.

Поповская печать рекомендовала попам следовать примеру „достойнейших“.

Таким, например, являлся полковой поп 3-го гренадерского Перновского полка, иеромонах Амвросий, который „действуя сильным ободряющим словом на войско... сделал то, что хотел. В этом бою... перекололи в штыковой атаке более 1.200 германцев“. („Наставления и утешения святой веры христианской“, № 12 за 1916 г.).

Этой цифры в 1.200 разбитых человеческих жизней „Вестнику военного и морского духовенства“ показалось мало, и, помещая отчет о

„подвигах“ „доблестного“ Амвросия указанный журнал заявлял: „воодушевленные крестом и молитвою, а также горячим призывом пастыря, перновские гренадеры в решительную минуту ударили в штыки, чем окончательно опрокинули противника с большими для него потерями: около окопов насчитали до 1.500 германских трупов“. (Вестник... № 17—1915 г.).

Поповская похвальба, к сожалению, умалчивает о том, сколько русских крестьян и рабочих, пали жертвой „креста и молитвы“ и сколько тысяч, и раненых, и искалеченных, и осиротевших с обоих сторон могут славить символ массового убийства во славу капитала—поповский крестик. Можно думать, и тех и других—достаточно.

По мере того, как бессмыслица империалистической бойни раскрывалась глазам рабов капитала, многие из них отказывались покорно итти „навстречу смерти“.

Ружейные отцы учитывали этот момент.

Протопресвитер Шавельский, в своей брошюре „Служение священника на войне“ рекомендовал полковым полкам тех солдат, которые приносят на перевязочный пункт раненых товарищей и задерживаются „покуривать“, „эту погань“,—поясняет он,—надо немедленно отправлять „в окопы“ (стр. 30).

Однако, сами попы не очень то стремились „умирать и страдать“.

Из общего числа, двух с лишним тысяч военных попов, за все время империалистической бойни погибло только лишь несколько человек и то лишь случайно, а крестьян и рабочих погибли миллионы.

* * *

Солдатская доля была незавидной долей. Целый ряд народных пословиц отмечал тяготы солдатского быта. Солдат, говорили пословицы, „из пригоршни напьется, с ладони нажрется“, „где забор, там ему и двор, где щель, там и постель“.

Незавидная в мирное время, солдатская жизнь в годы войны стала особенно тяжелой. Каждый день грозил солдату возможностью бессмысленной, мучительной смерти, возможностью быть искалеченным, израненным, взятым в плен. К этому присоединилась тоска о семье, о родных, многие из которых были принуждены голодать, просить милостыню, продавать последний жалкий скарб, продавать себя.

Господа офицеры, вышедшие в большинстве из среды классовых врагов солдатской массы, являлись для солдата, как они выражались, „царем и богом“ и чего только не приходилось выносить солдату от носителей золотых погон.

Как же относились попы к солдатам?

Прежде всего, они работали над тем, чтобы солдаты как можно скорее прикончили свое существование. В дополнение к этому эксплоататорское отношение сказывалось во всех мелочах быта.

Сами же попы жили прекрасно даже в условиях фронтовой обстановки. Они не рисковали своей жизнью и лишь орудовали длинным языком. Один из них, некий Захария Кромский в своем письме, напечатанном в „Вестнике Военного и Морского Духовенства“ следующими словами описывал свой быт:

„Обеды мы получаем с офицерской кухни. Два блюда... Блюда большею частью, малороссийские, со всеми специями... Ужин мы сами себе сочиняем. Яичница с колбасой, картофельное пюре к рыбным консервам, кусок зажаренной свинины с картофелью... Наши денщики кулинарят отлично. День весь мы забавляемся чаем. Благо, что от казны полагается ежемесячно на офицера полфунта чаю и десять фунтов

сахара. Резюме изо всего сказанного... мы устроены больше чем хорошо". (Вестник... № 11—12).

Таков был поповский быт и дело станет еще более ясным, если указать, что каждый военный поп получал во время империалистической войны до 300 рублей ежемесячно.

А солдат получал 75 копеек и голодал.

Для характеристики поповских подвигов на фронте стоит отметить один небольшой, но характерный факт, рисующий отношение попов к солдатам.

На фронте установился обычай продавать солдатам церковные свечи по цене, превышающей обычную не менее чем в десять раз.

По этому поводу протопресвитер Шавельский вынужден был издать особый приказ попам действующей армии.

„По поступившим ко мне сведениям,—писал он,—в некоторых частях церковная продажа свеч производится по невероятно высокой цене, превышающей обыкновенную почти в 10 раз. Считая такое явление совершенно недопустимым и вредным, предлагаю строго держаться установленной расценки, каковая при сем об'является". (№ 1864 от 29 мая 1916 г.).

Издание Шавельским приказа свидетельствует о том, что данное явление было широко распространенным. Приложенная при приказе расценка показывает, что военно-духовное начальство разрешало продавать солдатам свечи по двойной цене, на что имелось особое распоряжение духовного управления при протопресвитере от 29 марта 1916 г.

Эти скромные печатные строки свидетельствуют о многом.

Катаясь как сыр в масле, духовные отцы даже в таком вопросе проявляли к своим чадам грабительское отношение.

Устраиваясь по их собственному выражению, „больше чем хорошо", они считали своим долгом утягивать от жалких солдатских грошей в свой широкий карман. Получая в четыреста с лишним раз более, чем солдаты, они использовали его суеверие для систематического обворовывания. Солдатский грош кровью не пахнет!

* * *

Православная церковь очень гордилась убойными подвигами своих деятелей. Угодливо подслуживаясь к хозяевам и в назидание стаду о всяком „военном подвиге" полковых отцов, церковная печать звонила во все колокола. В этом же направлении старалась богатая поповская фантазия. Однако, в некоторых случаях, усердие оказывалось чрезмерным. В качестве примера привожу два занимательных рассказа о поповских воинских подвигах.

Текст приведен буквальный.

Первый рассказ озаглавлен:

„Пастырь герой".

„Отец Павел Добролюбов с санитарным обозом направлялся к своему полку. Вместе с ним отправились младший врач, подпоручик и капельмейстер. Когда лазаретная линейка поднялась на вершину горы, она была замечена неприятелем, открывшим по ней огонь. Всего было выпущено до пятнадцати снарядов. Один снаряд, к счастью не разорвавшийся, попал под экипаж, в котором ехал батюшка. В'езжая в деревню они неожиданно были окружены 23-мя вооруженными неприятельскими солдатами, выбежавшими из под моста. Ни отец Павел, ни его спутники—не растерялись. Осенив себя крестным знамением, с иконой „нерукотворного спаса", священник выступил вперед. За ними шли подпоручик с обнаженной шашкой, капельмейстер с револь-

верем и врач. Подошедши, о. Павел сказал—не стоит проливать кровь:—мы и вы славяне. Сдавайтесь нам, нас здесь много. Если не сдадитесь—погибнете; сдадитесь, я обещаю вам полную безопасность.

Между неприятельскими солдатами оказались такие, которые понимали русскую речь.

Поговорив между собою, они положили оружие. Построив их в ряды, подпоручик с капельмейстером повели их к полку. И пленные и их вооружение были доставлены в полк, составив редкую добычу". („Кормчий" и „Вестник...", № 3 за 1916 г.).

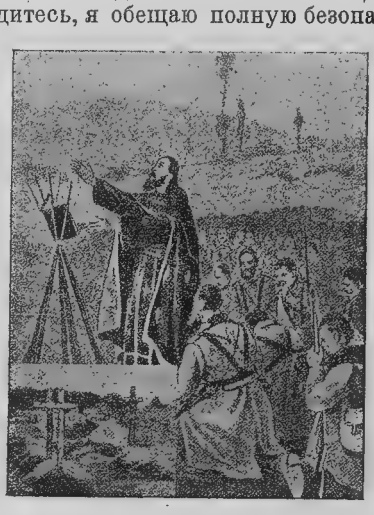
Второй рассказ озаглавлен:

„Подвиг священника Холодного".

„15 августа с. г. санитарный обоз пехотного полка *) отстал от своего полка верст на пять. Старший полковой врач уехал с полком, и в обозе следовали полковой священник о. Парфений Холодный, младший врач и капельмейстер.

Когда лазаретная линейка выбралась на высоты за Яблоновским Поветом, она, очевидно, была замечена неприятелем открывшим по ним артиллерийский огонь. Всего было выпущено около пятнадцати снарядов. Один снаряд к счастью не разорвавшийся попал под экипаж, на котором ехал священник. Не настигши в этот день полка, обоз заночевал на пути. На другой день священник о. Холодный—в экипаже, врач, капельмейстер и присоединившийся к ним на ночлег подпоручик М. выехали разыскивать полк.

В'езжая в деревню Сарьники-Дольны, на мосту, к которому вела извилистая, густо обсаженная деревьями дорога, они неожиданно были окружены 23-мя вооруженными солдатами австрийцами при двух унтер-офицерах выбежавшими из-под моста. Минута была серьезна. Но ни о. Холодный ни его спутники не растерялись Осенив себя крестным знамением, с иконой „нерукотворного спаса" (благословение государя императора полку), о. Парфений выступил вперед. За ним шли подпоручик М. с обнаженной шашкой, капельмейстер с револьвером и врач. Подошедши к австрийцам, о. Парфений обратился к ним с речью: не стоит нам проливать кровь: мы и вы славяне. Сдавайтесь лучше нам. Не сдадитесь—погибните, т. к. нас здесь много. Если же сдадитесь, я обещаю полную безопасность". Между австрийцами оказались понимающие русскую речь. Поговорив между собой они положили оружие. Тогда священник Холодный приказал им разрядить ружья и положить их в его экипаж; что они беспрекословно и исполнили. Построив их в ряды, священник с капельмейстером повели их к полку. Все обошлось благополучно: и пленные и их вооружение были доставлены в полк, составив редкую добычу".



Евангелие на штыках. Картина из церк. журнала „Русский Паломник".

(„Вестник..." № 22—1914 год, стр. 762—3).

(„Церковные ведом." № 45—1914 г. и др.).

*) Какого пехотного не указано.

Сравнив оба сочинения видим, что героем первого является поп Павел Добролюбов и второго Парфений Холодный. Далее, в том и другом рассказе в числе действующих лиц участвуют: лазаретная линейка, 15 артиллерийских снарядов, один из которых, очевидно, из уважения к попу не разорвался, 23 вооруженных австрийца из-под моста, поповская храбрость, крестное знамение, врач, подпоручик, обнаженная шашка, икона „нерукотворный спас", револьвер и т. д. и т. д.

Поповская речь в обеих баснях совершенно одинакова, также как и заключительные слова о редкой человеческой добыче.

Есть и маленькая разница. По первой, артиллерийские снаряды летали к попу-воителю в день захвата „добычи", а по второй, между этими событиями прошли целые сутки. Первый вариант уверяет, что подпоручик с капитаном доставили пленных в полк, а второй, не признавая возможности подобного унижения поповского геройства, говорит, что поп-вояка отвел добычу в полк самолично.

Все же приходится признать, что сходство подвига попа Павла Добролюбова и попа Парфения Холодного более чем поразительно.

Поверить этой истории можно лишь в том случае, если предположить, что 30 австрийских снарядов, два попа, два врача, два капельмейстера и 46 австрийских солдат заранее сговорились разделиться на две партии и разыграть, в одинаковых декорациях, сцену поповского геройства. Но так как такое предположение не выдерживает критики, остается предположить другое, а именно то, что вышеуказанное „совпадение"— плод поповской богатой фантазии и лживости.

Можно с уверенностью сказать, что один из вышеуказанных добытчиков является мифическим лицом, тем более, что ни в первой, ни во второй „корреспонденции" не был указан полк, между тем как поповская печать сплошь и рядом указывала наименование части, в которой служит тот или другой „герой" поп.

Однако, возникает вопрос, каков был смысл подобного рода басен?

Внимательно приглядевшись видим, что это сочинение изображает бессилие неприятельской артиллерии и неприятельских войск, которые, якобы, целыми партиями сдаются в плен даже попу с иконой и отсюда для читателя само собой напрашивался вывод о том, что при таких условиях легко воевать „до победного конца".

XII. „ЗАБОТЫ" О ПЛЕННЫХ.

1. Организация помощи русским военнопленным.

Солдат царской армии был в полном смысле этих слов убойным мясом, живой пищей германской военной техники. Сплошь и рядом солдаты должны были сражаться без патронов, без поддержки артиллерии, в то время, как их засыпали ураганным огнем. При таких условиях нет ничего удивительного в том, что почти с первых же дней войны российская армия начинает терять громадное количество людей по рубрике „безвестно пропавших", из которых значительная часть находилась в плену.

Вот несколько цифр: за май, июнь, июль и август 1915 года сдалось в плен 2.500 офицеров и 488.000 солдат. По статистике штаба главнокомандующего к маю 1916 года число пленных составило 2.200.000.

Царское правительство и офицерский состав принимали меры борьбы с явлениями массовой сдачи в плен по своей обычной системе. Секретный приказ по 2-ой армии от 19-го декабря 1914 года гласил:

... Приказываю также всякому начальнику, усмотревшему сдачу наших войск, не ожидая никаких указаний, немедленно открывать по сдающимся огонь орудийный, пулеметный и ружейный".

В приказе по IV армии от 4-го июня 1915 года читаем:

.. Приказываю..., отбросив в сторону всякие гуманные соображения, совершенно недопустимые при условиях настоящей войны, безмилосердно расстреливать забывших присягу".

Одновременно с расстрелами в спину—царское правительство принимает и другие меры. Солдатам усиленно внушается, что жизнь в плену будет очень тяжела и там, все равно, придется погибнуть. На фронте и в тылу среди солдат начинают распространять литературу, проводящую подобные мысли. Так, например, в феврале 1916 года начальник штаба главнокомандующего приказал отпечатать на казенный счет 200.000 брошюр Навина „Как живется нашим пленным в Германии и Австро-Венгрии".

И, конечно, российская православная церковь в этой борьбе с повсеместной сдачей принимает самое активное участие. Господа офицеры и генералы обращаются к попам за соответствующей поддержкой. 12-го февраля генерал Алексеев распорядился написать от имени штаба верховного главнокомандующего обер-прокурору синода письмо, в котором просил его повлиять на попов, чтобы они говорили самые „горячие проповеди" солдатам „о позоре и грехе плена".

В руководящей церковной печати соответствующие инструкции как военным, так и не военным попам—опубликовывались за время мировой войны систематически. Им предлагалось „по указу его императорского величества" распространять слухи об „исключительно тяжелых условиях, в которых находятся наши военнопленные в Германии и Австрии, изнуряемые непосильными работами и подвергаемые всякого рода унижениям и истерзаниям от жестокого врага, не знающего пощады и милости".

Свидетельства очевидцев говорят нам, что под сапогом Вильгельма было тяжело. Солдаты голодали, болели и умирали. В лагерях господствовал палочный режим, широко применяли особый вид пытки, так называемое подвешивание.

Такого же типа порядки были и в австрийских лагерях.

Все это было прекрасно известно царскому правительству, использовавшему зверства немецкого империализма для соответствующей агитации и пропаганды в России.

Как же заботилось царское правительство, российские буржуазные „общественные" организации и православная церковь о людях, попавших в подобную обстановку?

А вот как. Заботливость царского правительства по отношению к пленным сказывалась буквально во всем. Как мы знаем, к второй половине 1916 года российская армия потеряла свыше 2.000.000 пленных. По статистике главного управления почт и телеграфов от них поступало в Россию в среднем 70.000 писем ежедневно. Из этих 70.000 военная цензура ежедневно просматривала лишь 50.000, а остальные 20.000 ежедневно оставались непросмотренными, якобы, из-за того, что военные цензора „не успевали выполнить всей этой работы, за недостаточностью личного состава" *).

---

*) Телеграмма начальника главного управления почт и телеграфов в Похвистнево начальнику управления военных сообщений штаба главнокомандующего генералу Ропшину от 20-го июля 1916 года.

Кроме этого, денежные отправления на имя военнопленных чиновники царского правительства систематически разворовывали.

Царским правительством и буржуазией были организованы комиссии „по сбору пожертвований для военнопленных", всевозможные комитеты по оказанию помощи русским пленным и т. п. Председательницей „главного комитета по оказанию помощи русским военнопленным" была сама достойная супруга Николая Романова Александра Федоровна.

Все эти комиссии и комитеты усиленно рекламировали свою деятельность, старательно пускали в глаза пыль о своей работе „на поприще христианского милосердия". В их отчетах указывалось, что пленным посылают шоколад, сало, сахар, белые сухари, теплую одежду и т. д., и т. п. Беспристрастную оценку их деятельности дает статистика. Вспомним, что пленных было свыше 2-х миллионов.

И вот на эти-то 2 миллиона людей главным комитетом, председательницей которого была Александра Федоровна, было отправлено в течение 1914 и 1915 г.г. следующее количество продуктов:

Галет и сухарей	20.098 п.	21 ф.
Чаю	25 „	27 „
Сахару	31 „	26 „
Мыла	27 „	23 „
Шоколаду	40 „	16 „

И все, больше ничего.

Если считать количество пленных в 2.000.000, получаются следующие выводы. На каждого пленного, в среднем за два года приходилось следующее количество продуктов:

Галет и сухарей на человека около	2/5 ф.
Чаю „ „ „	1/2000 ф.
Сахару „ „ „	1/1600 „
Мыла „ „ „	1/1800 „
Шоколаду „ „ „	1/1250 „

Это значит, что на каждого пленного, чаю, сахару, мыла и шоколада, всех этих продуктов вместе, было отправлено меньше чем 1/4 золотника. Но в действительности пленным солдатам эту „жертву" — кроме сухарей, о которых речь будет ниже — и понюхать не пришлось, ибо шоколад, мыло, чай и сахар шли господам офицерам.

Стоит еще отметить, что по данным официального отчета комитетом было отправлено 1.534 фуражек, теплых пиджаков 96 шт.; следовательно, 1 фуражка на 1.330 голов и 1 пиджак на 20.833 человека.

Что говорить, цифры убедительные!

А вот что рассказывает т. Кирш о галетах, полученных пленными.

„Когда ящики привезли в лагерь и стали раскрывать, все так и ахнули: Александра Федоровна действительно наградила пленных „подарками" — черными сухарями (галетами), евангелиями и молитвенниками.

Каждый пленный получил по четыре галета. Галета были так тверды, что их нужно было мочить двое суток подряд, и только после этого их можно было более или менее жевать. Без этого галеты в твердом виде были похожи на камень и не поддавались никакому зубному механизму, хотя бы самому здоровому и проголодавшемуся".

После еды размягченных сухарей тошнило, и долгое время мучила изжога...

Галеты присылались вплоть до февральской революции, и за ними сохранилось название сухарей Александры Федоровны" *)

Зато в отношении забот о религиозно-нравственном воздействии на пленных получается совсем иная картина. Замечательно, что в этом направлении заботы о русских военнопленных проявляли не только царизм и российская буржуазия, но и буржуазия датская, американская и даже германская.

Интернационал замечательный!

Вот несколько примеров. В феврале 1915 года русский посланник в Швеции А. Неклюдов и уполномоченный северо-американского филантропического союза мистер Гарнт обратились к обер-прокурору синода с заявлением о том, что русские пленные, находящиеся в Германии, живут в очень тяжелом положении и просили синод отпустить для пленных религиозных книг и брошюр 90.000 шт. Это ходатайство **незамедлительно** было удовлетворено путем отправки 30.000 евангелий и 30.000 псалтырей.

Пускай, дескать, голодные насыщаются, затянув потуже брюхо, еваньгельскими баснями.

В дальнейшем синод неоднократно отправлял в Германию и Австро-Венгрию такую-же пищу. В этом транспорте видное участие приняли крупные монастыри, как, например, Троице-Сергиева Лавра, Афонский Пантелеймоновский монастырь и другие.

В июне 1915 года издательская комиссия училищного совета при синоде составила четыре набора библиотек на разные цены от 5 и до 20-ти рублей, и эти библиотеки усиленно транспортировались в Германию и Австрию. Просматривая списки книг, вошедших в эти библиотеки, видишь, что сюда вошли басни о христе, о святых, об основах „христианской морали", церковные песни и т. п. Так как указанный материал используется в интересах оглупления, в интернациональном масштабе, ввиду этого,—германская буржуазия выразила свое согласие на его доставку. Одновременно с этим, при поддержке американской буржуазии, очень заботившейся всегда о высокой религиозной настроенности населения всех стран, синод предпринимает ряд мер к тому, чтобы направить в Германию и Австрию отряды попов, для обработки солдат, попавших в плен. Дело в том, что попавших в плен попов было очень мало, так как духовные отцы, сберегая свое драгоценное здоровье, сидели в тылу. К разрешению этого вопроса особое внимание проявила также Александра Романова. Князь Голицын, председатель вышеупомянутого комитета „по оказанию помощи русским воинам, находящимся во вражеских странах" (этот комитет был под покровительством Александры), сообщил в синод, что „ее императорскому величеству благоугодно было обратить особое внимание на настоящий вопрос и повелеть принять безотлагательные меры к командированию в места нахождения русских военнопленных православных священников для удовлетворения религиозных их потребностей, с отпуском на этот предмет необходимых средств". Совет министров счел необходимым эти средства отпустить ведомству православного исповедания чрезвычайным сверхсметным кредитом.

Германское правительство на предложение пустить в Германию специально командированных из царской России попов, ответило отказом. Каждый поп,—приказчики Вильгельма это прекрасно понимали—был бы шпионом и агентом российского царизма и империализма. Однако, германские военные власти в тоже время признавали необхо-

*) „Под сапогом Вильгельма".

димым организацию религиозного оглупления русских военнопленных. Ввиду этого, для работы в лагерях военнопленных, были использованы пленные попы, попы из занятых губерний, а, главным образом, православные попы: австрийские и болгарские.

Сила солому ломит и синод, скрепя сердце, должен был с этим помириться. Отпущенные на заграничные поездки деньги были, согласно определению синода за № 2243 от 15-го марта 1916 года, ассигнованы на массовую отправку в Германию и Австро-Венгрию церковных предметов.

О роли православных церквей в лагерях пленных очевидец т. Кирш сообщает, что „православная церковь во главе с оплачиваемым комендатурой священником... была одной из тех темных сил, которые угнетали все живое в лагере".

В 1915 году в Копенгагене, в Дании, образовался „Комитет духовной помощи военнопленным при датском красном кресте, поставивший себе главной задачей служить посредником по передаче духовных сочинений военнопленным". Через этот комитет и через его представителя епископа Остенфельда синод продолжал снабжение пленных церковной литературой.

По распоряжению синода в это время учреждается „особая комиссия по удовлетворению религиозно-нравственных нужд военнопленных", председателем которой назначили протопресвитера военного и морского духовенства Г. Шавельского. Эта комиссия от царского правительства и буржуазии получала непрерывную денежную поддержку. Так, например, банки краткосрочного кредита г. Ленинграда и Москвы передали Шавельскому 12.000 рублей.

Таким образом заботы православной церкви о пленных выразились в снабжении голодных людей религиозными назиданиями, для поддержки тех настроений, которые были полезны эксплоататорам.

Оказала ли православная церковь какую-нибудь реальную помощь пленным?

На это можно ответить: Нет! Никакой!

Впрочем, виноват. Религиозные организации приняли участие в закупках и приготовлении тех самых знаменитых черных сухарей, которые среди пленных получили название „сухарей Александры Федоровны".

2. Отношение к военнопленным австрийцам и германцам.

К весне 1915 года в различных местностях России скопилось большое количество военнопленных австрийцев и германцев. Среди австрийских пленных было большое количество славян, разных национальностей. Характеризуя отношение к пленным, и особенно, к славянам штабс-капитан Лемке в своем дневнике писал:

„Мы бесчеловечны к пленным славянам: на работах в болотах и тайге их тысячи, 85% болеют цынгой... Эти люди гибнут" *).

Этот факт, да и другие, свидетельствуют, что царское правительство относилось к пленным не лучше чем германское. И тут, роль православной церкви была в духе ее обычных традиций. Часть пленных (главным образом из пределов Галиции) придерживалась грекоуниатского вероисповедания. На этих-то людей православная церковь не преминула обратить свое внимание, в интересах российского империализма.

---

*) „250 дней в царской ставке".

Первый почин сделал харьковский архиепископ Антоний Храповицкий, известный монархист и реакционер. В своем письме, посланном обер-прокурору синода Саблеру, он высказал пожелание о повсеместной организации во всех губерниях „особых попечительных о пленных православного и греко-униатского вероисповедания братств", деятельность которых направлялась бы специальной инструкцией строго патриотического направления. В эти братства, наряду с епископами, Антоний предлагал ввести чиновников царского правительства и указывал, что данная мера особенно необходима ввиду подготовляемого захвата Галиции.

Пожелание Антония встретило полное сочувствие военного министерства и местной военной властью еще до обсуждения вопроса синодом „были преподаны необходимые указания в том смысле, чтобы деятельности названных братств на местах было оказано должное содействие". („Мос. Цер. Вед." № 35—36 за 1915 год). Рассмотрев этот вопрос, синод вынес решение, согласно пожеланию Антония и военного министерства. (Определение № 4068).

В конце мая 1915 года чиновник особых поручений при министерстве внутренних дел Г. Кондратьев—он же председатель «Всероссийского попечительства о пленных славянах»—обратился к синоду с предложением командировать для бесед с военнопленными „студента третьего курса Петроградской духовной академии иеромонаха Мардария Усковича". Как указывалось, задача бесед должна была заключаться в пропаганде интересов российского империализма, в раз'яснениях, что настоящая война со стороны царского правительства является **священной войной против сатаны** и за освобождение славянства. Синод на это предложение согласился и „иеромонаху Мардарию выдано было особое удостоверение для представления в потребных случаях преосвященным тех епархий, в которых он будет посещать пленных славян". (Определение от 29—30 мая 1915 год, № 4187).

Религиозные организации на местах тоже развили работу. Примером таковой может быть деятельность попов в Омске, организовавших среди пленных систематические беседы „как религиозного, так и политического содержания". В этом городе к 26-му сентября 1916 года попам удалось присоединить к православию 450 пленных.

Одновременно с этим, в тон черносотенной печати, печать церковная систематически работала над тем, чтобы ухудшить положение пленных.

Еще в ноябре 1914 года, в листовке „Кто мой ближний" Киево-Печерская Лавра, раз'ясняя евангельские истины, высказывала следующие мысли об отношении „к пленному врагу".

„Не нужно,—читаем в этой листовке,—оказывать ему излишней нежности, излишней заботливости... Не должно окружать его никакой роскошью, никакими излишествами, никакими ласками, Он должен сознавать, что он в плену... Не будем бояться своей суровости и холодности ко врагу...". („Кто мой ближний" от 16-го ноября 1914 года).

Это же воззвание было перепечатано издательством Почаевской Лавры 24-го ноября 1914 года (№ 37).

Такое же милосердие проявил к пленным Российский Красный Крест. Главное управление этой организации, по сообщению „Приходского Листка", обратилось к царскому правительству с ходатайством удерживать у немецких пленных 45% тех денег, которые им присылали с родины. В тон подобным ходатайствам синодальная печать заявляла:

„Не пора ли вопрос о пленных рассмотреть со всех сторон и в смысле установления надлежащей системы взысканий, и в смысле изменения режима довольствования и пересмотра всех вообще положений о содержании их". (№ 146—1916 г.) и далее:

„Довольно церемониться с пленными немцами... Пора принять более строгие и решительные меры... Решительный, энергичный и... беспощадный образ действий с нашей стороны... приведет к самым благим последствиям".

Такой политики придерживались религиозные организации по отношению к военнопленным. И, проявляя подобного рода отношение, российская православная церковь в тоже время усиленно эксплоатировала их труд на своих владениях и предприятиях.

XIII. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ РАНЕНЫМ.

Политика религиозных организаций по отношению к раненым в точности соответствовала политике истребления рабочих и крестьян. Правда, церковные организации открыли ряд лазаретов, тратили на их содержание довольно крупные суммы денег. Но эта деятельность также обслуживала интересы милитаризма. Ведь нужно же было где нибудь чинить пушечный материал, чтобы вновь пустить его в обращение, нужно-же было иметь повод для втирания очков.

Истинную оценку работы религиозных учреждений в этом направлении можно получить лишь по всестороннем ее обследовании. И тут, прежде всего бросается в глаза следующее.

В печатной и устной агитации церковь стремилась представить страдания крестьян и рабочих в розовом свете. Этим достигались две цели. Во-первых, внушить русскому воинству безбоязненное отношение к пролитию своей крови и, во-вторых, внушить широким массам населения убеждение, что их родные переживают веселое и радостное состояние. Вот несколько примеров:

Журнал („Вестн. воен. и мор. дух.") писал: „Приносят раненого. Он крестится говоря: „Слава тебе господи... Бог привел пострадать за веру, царя и отечество". И дальше. „Лежит иной весь израненый, но спокоен... вполне доволен окружающей обстановкой". (№ 1 за 1916 г., стр. 12). В этом же журнале протоиерей 10 драгунского Новгородского полка Георгий Ястремский дал следующее описание переживаний раненых: будучи ранен—заявлял он „наш воин живет чувством особенного настроения, какого-то внутреннего довольства и какого-то блаженства. Почему это? Да потому, несомненно, что великим счастьем почитает наш воин пострадать до крови, быть раненым, как бы второй раз „креститься кровью" на страде служения священному долгу... Душевное состояние после ранения можно сравнить разве только с теми возвышенными и святыми минутами, которые переживает верующий христианин после говения и святого причастия: так легко, светло и свободно в душе воина". Далее говорилось, что „удар и потеря крови" есть для солдатика „наилучшая и самая желанная для него печать".

Затем следовало следующее заявление: „Так всюду на самом поле брани, лежа в пыли, в грязи, зимой в снегу, с запекшейся в ранах кровью, в лазарете, в госпитале, все также чувствует, переживает все то же восторженное состояние... наш воин". (№ 24 за 1916 г.).

Нисколько не менее замечательными являлись рассказы о смерти тяжело раненых. Вот один из них, из журнала „Душеполезное чтение".

«Лежит и руки раскинул. Подошел к нему, спрашиваю (улыбочка так на его лице играет)—„Ты ранен“? „Нет,—говорит,—я убит. Пресвятая богоро... и дух вон“. (№ 1 за 1915 г.).

На миллионы окровавленных людей вполне сознательно лгали служители капитала, описывая, в интересах милитаризма, их муку, как великое, возвышенное счастье, описывая кровавые раны, как „наилучшую и желанную для них печать“.

Синодом был опубликован ряд указаний о работе религиозных организаций среди раненых и смысл их сводился к требованиям организовать усиленное снабжение раненых солдат церковной литературой. Еще третьего сентября 1914 года синод предложил попам во время следования раненых солдат с места военных действий обходить вагоны санитарных поездов, раздавать им евангелия, произведения поповской печати и читать назидательные проповеди.

В ряде городов с целью всесторонней и наилучшей организации работы среди раненых были учреждены особые комиссии или комитеты, снабжавшие больных иконами, крестиками и поповской литературой. В Москве эта комиссия называлась „Православная лазаретная миссия“ и в ее состав входило 16 попов и 12 дьяконов. (Цер. Вед. № 1 за 1915 г.). В качестве председателя работал Дмитрий, епископ Можайский, а секретарем был поп С. Богословский. К участию привлекли наиболее опытных и благонадежных попов, зарекомендовавших себя верной службой интересам царского правительства, в том числе были московский протопресвитер Н. А. Любимов, протоиерей И. Восторгов, Ф. В. Введенский и т. п. Члены этой комиссии до 1 января 1915 г. посетили 290 лазаретов и роздали 680.000.481 экз. религиозно-патриотических книг и брошюр.

Отчеты миссии указывали, что ее деятельность встречала энергичную поддержку со стороны командующего войсками округа, главноуполномоченного внутреннего района империи общества Красного Креста, городского управления, градоначальника, губернатора и других чиновников царского правительства. Из этого же отчета видно, что вся Москва была разделена на районы, в которых действовали особые отделы миссии. В ее распоряжении было 6 отрядов лекторов для чтений в лазаретах. В течение 1914—1915 г. было сделано 1.800 посещений лазаретов и в 100 госпиталях были организованы миссией библиотеки. Издания миссии были одобрены главным управлением генерального штаба и размножены в количестве 10.000.000 экземпляров.

В других городах снабжение раненых духовным „подкреплением“ тоже обстояло не плохо. В Ленинграде (тогдашнем Петрограде) „Совет общества религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви“ приготовил для бесплатной раздачи лазаретам картин, книг и листовок на сумму 12.000 рублей. В этом деле большое участие принял кошелек российских толстосумов, уделявших на духовную пищу часть своих жирных, военных доходов. Относительно характера этих книг синод постановил: „Что таковая пища должна быть выбираема с особливой осмотрительностью, во избежание неблагоприятных последствий для религиозной и патриотической настроенности воинов. (Определение синода за № 2428 от 1-го апреля 1915 года).

Издательская комиссия при синоде составила для раненых специальные библиотеки (4-го ноября) ценой в 5, 10, 15 и 20 рублей. Крупные церковные издательства отпускали для раненых свои издания по удешевленной цене. Так, например, Троице-Сергиевская Лавра отпускала свои черносотенные листки по цене 35 коп. за сотню, и набор

книжек „Троицкой библиотеки“ в 500 штук за 2 р. 25 коп., следовательно, каждая книжка стоила дешевле ½ копейки.

Согласно распоряжению синода и главного управления генерального штаба для чтений раненым и больным солдатам в госпиталях были рекомендованы следующие газеты: „Новое время“, „Земщина“, „Свет“, „Московские ведомости“ и т. п., т.-е. самые черносотенные издания.

Как строго контролировалась эта литература видно из того, что „в г. Астрахани начальник эвакуационного пункта... немедленно изъял из обращения ходившую по рукам раненых брошюру Льва Толстого „О непротивлении злу“, сказки Пушкина „О рыбаке и рыбке“ и „О попе и работнике его Балде“. (Церк. Вед. № 28 за 1916 г.).

Каково же было содержание литературы, предназначенной для раненых и что проповедывали в лазаретах представители религии?

На этот вопрос отвечают образцовые беседы и поучения для раненых, которыми руководствовались попы.

Темы поучений были таковы: „Всякий воин царя земного есть воин царя небесного и о почете воинского звания“, „О том, что всякий воин—защитник царя“ и т. д. В одной из таких проповедей, рекомендованных для прочтения раненым издательским советом при святейшем синоде, читаем:

„Солдат по царскому зову идет на врага, несет много лишений в походной жизни, часто недосыпает, недоедает, жертвуя за царя и отечество своей жизнью. Все это должно переносить без ропота не из страха перед военными законами, а по своей любви к царю, по глубокому сознанию, **что служа царю, он служит самому богу, так как царь на земле, есть образ бога—правителя вселенной“**. (Комаров, „Беседы с православными больными и ранеными“, стр. 29).

А вот как рекомендовали попы смотреть солдатикам на свои раны „Вы храбрые воины можете сказать о своих ранах. Вы получили их за христа, за его святое дело... Эти **раны останутся на всю жизнь лучшим украшением вашим**. Они будут больше украшать вас, чем медали и награды“. (Тоже из „Образцового поучения“ в № 9 за 1916 г. „Проповедн. Лист.“).

В обращении Киево-Печерской Лавры к „раненому воину“ по этому же вопросу читаем:

„Христолюбивый воин! Царь земной послал тебя на защиту правды царя небесного, послал тебя вырвать из их хищнических рук несколько миллионов подневольных православных братьев твоих...

Тебе, возлюбленный брат, господь сулил претерпеть раны и страдания за христову правду... Благодари его за великое милосердие к тебе. **Радуйся тем ранам, которыми уязвлено тело твое:** это свидетельство твоего мужества, твоей любви к страждущим братьям...“ («Свет Печерский» за 1914 г. стр. 557—8).

В других листовках, распространявшихся среди раненых, им внушалась мысль, что чем больше прольется солдатской крови, тем лучше, так как эта кровь есть жертва за грехи и, когда ее прольется достаточно (по божественному усмотрению), тогда прекратится война. (Листовка „Святая жертва“ и др.).

Очень много писали также в подобных листовках о том святом милосердии, которое «сама матушка-царица» проявляет к раненым, навещая их в госпиталях.

Весьма характерны речи, с которыми обращались попы к солдатам при выписке раненых из лазаретов.

Вот первый пример, озаглавленный «Напутствие и пожелание выздоровевшим воинам»:

«Дорогие воины... повинуйтесь начальству всегда и особенно во время сражений. Если начальство прикажет вам итти **на верную смерть—идите без оговорок**... Не страшитесь дорогие воины смерти в сражениях с неприятелем; смерть на поле битвы—славная смерть». (Л. Комаров «Беседы...»).

Второй пример: «По выздоровлении снова надлежит итти на войну... Здесь в особенности может закрасться в сердце искушение—отдохнуть, пойти домой, излечиться более основательно. Но здесь то и нужно стать на высоту христианского крестоношения. . Запомните это вы, многочисленные выздоравливающие раненые, здесь присутствующие. **Идите снова... идите на поле брани**». (Церк. Вед. за 1914 г. № 41).

Поповская печать значение и цель своей проповеди среди раненых определяла следующим образом.

Во-первых, „охранять их от ропота на свою судьбу". (Церк. Вед. № 50 за 1914 г.).

Во-вторых; «воодушевлять... на совершение беспримерных подвигов». (Моск. Церковн. Вед. № 19-20 за 1915 год).

Что же касается причин, в силу которых церковные организации вообще хлопотали в госпиталях, то об этом член государственной думы, протоиерей А. М. Станиславский говорил следующее: Мы проявляем заботы о раненых, заявил он, для того, чтобы солдатики с новыми силами ринулись в бой. (Церк. Вед. № 39 за 1914 г).

Для характеристики милосердного отношения эксплоататоров и их прислужников попов к раненым,—весьма примечательным является следующий факт. Выше было указано, что попы в своих беседах настойчиво внушали солдатам мысль, что б. императрица Александра Романова очень о них заботится, посещая лазареты.

Откуда же появилось это милосердие?

На этот вопрос отвечает бывший директор департамента полиции С. П. Белецкий в своих воспоминаниях. Рассказывая о своем знакомстве и дружбе с Распутиным, он передает, что «на одном из наших свиданий на конспиративной квартире» он (Белецкий) посоветовал Распутину повлиять на Александру Федоровну, в том смысле, чтобы она почаще ездила в лазареты Ленинграда и других городов. „Такие поездки,—сказал Белецкий,—могут только подчеркнуть, как раненым, так и всему народу, ее заботы о жертвах войны, в особенности, если эти поездки будут совершаться в простой обстановке". Смысл дальнейших разговоров был в недвусмысленном пояснении, что поездки Александры Романовой могут быть прекрасной рекламой «ее милосердного отношения к раненым».

«Это,—пишет далее Белецкий,—Распутину понравилось, и последствием его совета был ряд выездов государыни в ближайшие к Петрограду губернии и об'езды Петроградских лазаретов» *).

Таково было происхождение милосердия Александры Романовой к „бедным, раненым солдатикам".

Не правда ли прекрасная цепь причин!

Это милосердие святейший правительствующий синод использовал для назидания верующих. 25-го сентября 1916 года все члены его, во главе с митрополитом петроградским Питиримом и синодальным обер-прокурором Н. П. Раевым,—сообщает „Приходский Листок",—были

*) „Былое" № 21.

приняты Александрой Федоровной и поднесли ей специальную благословенную грамоту вместе с Владимирскою иконою божей матери.

Текст поднесенной грамоты был таков:

„Ваше императорское величество,

Благочестивейшая государыня!

Настоящая великая война, небывалая по своим размерам и кровопролитию, вызывает в народе небывалые подвиги самоотвержения и христианской любви. Наше доблестное воинство, в высоком подвиге верховного вождя почерпая силу и воодушевление, грудью защищает родную землю, самоотверженно полагая жизнь свою за веру, престол и отечество. А за этим воинством идет сильная не смертоносным оружием, а христианскою любовью армия слабых телом, но крепких духом жен, которые под знаменем креста, скромно совершают свое столь же великое и святое дело любви, дело служения пострадавшим от войны.

От них же ждут сострадательного участия и попечения тысячи беженцев, лишившихся крова, дети, потерявшие своих родителей, вдовы и сироты тех, кто положил свою жизнь за други своя. Всюду, где только есть страдание и нужда, идет эта крестоносная армия, на всех обездоленных войною простирает свои заботы и милосердие. И душою всего этого священного порыва и подвига русской женщины-христианки являетесь вы, ваше императорское величество.

В своем великом христианском подвиге, в своей всеобъемлющей христианской любви к страждущим, вы, ваше императорское величество, привлекли на дело служения им и своего августейшего сына наследника цесаревича—вашу радость и надежду России. Разделяя с своим венценосным родителем все тяготы походной жизни, он несет с собою свет и тепло в души защитников родины и, посещая лазареты, облегчает страдания раненых и больных воинов.

Вы, как чадолюбивая мать, приняли в свою любовь с самого начала страждущих сынов нашей родины. В скромной одежде сестры милосердия вы стоите вместе с августейшими дочерьми у самого одра раненого и больного воина, своими руками обвязывая его раны, своею материнскою заботою и лаской утешая страждущего, вызывая во всех чувство умиления. Священны будут воспоминания тех, кого согрела ваша любовь. Горячи будут их благодарные молитвы о вас ко господу.

Воздавая хвалу богу, дивно укрепляющему вас в великом подвиге любви к ближним, святейший синод призывает божие благословение и на дальнейшие подвиги вашего императорского величества и, благословляя вас сею иконою пречистой божией матери, молит владычицу, да будет она всегда благодатным заступлением и покровом вам, благочестивейшая государыня, и всей августейшей семье вашей.

Вашего императорского величества всепреданные богомольцы:

Питирим, митрополит петроградский и ладожский, архиепископ финляндский и выборгский. Иаков, архиепископ Казанский и Свияжский. Вениамин, архиепископ Симбирский и Сызранский. Дмитрий, епископ Рязанский и Зарайский. Василий, епископ Черниговский и Нежинский. Епископ Иннокентий, председатель миссионерского совета. Заведывающий придворным духовенством протопресвитер Александр Дернов. Протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Шавельский".

Историю с поднесением этой грамоты, в соответствующем освещении, для назидания верующих, попы рассказывали во всех церквах.

Надо помнить, что как Раев, так и Питирим были ставленниками Распутина.

Быть может инициатором этой комедии был также департамент полиции?

Весьма возможно!

Однако, к сожалению, Белецкий об этом не упоминает.

В связи с этой комедией церковные организации позаботились отпечатать листовки и обращения, в которых яркими красками описывали добродетели матушки-царицы и затем следовал призыв по выздоровлении и выходе из госпиталя „воздать ей новыми подвигами". (Пример: Листовка № 82, издание архимандрита Григория).

Что говорить, работа была тонкая!

Деятельность попов одобрил и сам глава православной церкви, Николай Романов. Как рассказывают „Моск. Церк. Вед.", 10-го декабря 1914 г., заслушав доклад Моск. Военно-Лазаретной миссии о постановке пропаганды среди раненых, он сказал следующие слова епископу Димитрию: „Московское духовенство очень благодарю за эту деятельность". Затем государь император изволил спросить преосвященного Димитрия: „Вы и сами проповедуете"? На утвердительный ответ, государь император снова изволил сказать: „Слышал. Благодарю". На заявление, что духовенство с рвением взялось за дело проповеди раненым сказал: „Так и нужно. Такое теперь время. Благодарю".

Эта троекратная благодарность Романова достаточно характеризует церковные заботы о раненых.

Действительную оценку этим заботам дают также синодальные указы № 5273 от 1/VII—1915 г. и № 9924 от 4—8/XII—1915 г., в которых указывалось, что духовенство постоянно задерживает и не доставляет обществу Красного Креста собранные для него суммы денег.

В одном из указов (№ 9924), требуя „незамедлительной отсылки" денег, синод пишет „что размер недоставленной суммы представляется значительным, достигая цифры 600.000 рублей".

Отчет о деятельности „Московского епархиального комитета о больных и раненых воинах" дает по этому вопросу дополнительные сведения. Оказывается, что в 1914 и 1915 г.г. из сумм комитета было выдано попам 35.561 р. 85 к. из общей суммы в 112.985 р. 39 к., а остальные деньги израсходованы на покупку поповских облачений и церковной утвари, на покупку икон, на поездки по лазаретам слушателей поповских курсов, на всевозможные канцелярские расходы, на приобретение воззваний и листовок, и т. д. и т. д. И лишь часть денег пошла по прямому назначению. (Моск. Церк. Вед. № 14—15 за 1916 г.).

XIV. ЗАБОТЫ О ТРУПАХ.

В годы мировой войны значительная часть мира превратилась в кладбище. Кладбище, как всемирная болезнь, распространилось по полям России, Германии, Франции, Австро-Венгрии, по полям всех тех государств, которые капитал втянул в мировую бойню.

Тяжелая нога войны прошла по цветущим городам и селениям, по мирным долинам и полям превратила их в пепелище. И на просторе этих кладбищ вновь и вновь убивали людей, вновь и вновь заселяли эти кладбища новыми рядами трупов.

Казалось не будет конца этому неистовому массовому убийству, организованному капиталом.

Вихрь истребления уносил в ничто людские жизни, убивал их как червяков, уносил их как пылинки.

* * *

Религиозные организации очень много заботились об убитых. Постановления поповских с'ездов, а также целый ряд специальных указаний высшего начальства военно-духовной администрации, подчеркивал необходимость проявить по отношению к трупам „любовное участие" („Вест. Воен. и Мор. Дух." № 11—12 за 1917 г.). Признавалось обязательным процесс погребения обставить возможно торжественнее, с обязательным участием хора, с отданием воинских почестей пушечному мясу.

В изголовьи могил ставили крестики и рекомендовалось на их лицевую сторону прибивать металлическую дощечку, на которой делали надпись: „Воину христолюбивому—кровью и честью венчанному".

Читая эту надпись, живые должны были, как поясняли попы, видеть в ожидавшем их кровопролитии, венец, которым их остатки будут увенчаны в сырой земле.

Украшение могил, христианские крестики, имели подчас своеобразную форму. На московском братском кладбище, в селе Всехсвятском, могилы летчиков, погибших на войне, обращают невольное внимание посетителей своеобразной формой крестов, сделанных из пропеллеров тех аэропланов, на которых эти летчики некогда летали и сражались. „Моск. Цер. Ведомости" заявляли, что в такого рода украшении скрывается „оригинальная и вместе с тем богатая по содержанию мысль" (№ 26 за 1916 г.). Величие этой мысли, как раз раз'яснялось, заключается в том, что этот крестик в прежнее время являлся оружием, при помощи которого летчик убивал людей. Теперь же это оружие вновь сопровождает летчика в виде святого креста. Так вот, высокое значение креста, по мнению упомянутого журнала, подчеркивается тем, что этот крест сделан из смертоносного оружия.

В назидание живым попы произносили на могилах речи, в которых указывали, что убитые солдаты счастливы, спокойны и **что их желание теперь исполнилось, так как они погибли за веру царя и отечество.** На этих же могилах попы заявляли, что кровавый завет братских могил заключается в требовании живым „кровью и железом" ограждать интересы существующей власти („Отдых христианина" № 5—12 за 1917 г.). Многочисленные церковные писатели в статьях и стихах старались доказать эти же мысли. В журнале „Божья Нива" (№ 180 за декабрь 1915 г. и в «Троицком слове» № 350) в утешение родным писали, что в настоящее время „разбойнички-то в царство небесное валом так и валят". Заботясь об утешении этих „разбойничков", т.-е. о погибших за интересы капитала крестьянах и рабочих, синод, с царского одобрения, предложил „во всех приходских церквах сооружать доски с начертанием имен павших воинов". (Определение № 9446 за 1914 г. и № 1680 за 1915 г.). Затем было отдано распоряжение по церковным школам, чтобы в классных помещениях церковно-приходских школ вывешивали на стенах портреты скончавшихся на войне, обучавшихся в сих школах, а также и тех из местных прихожан, кои проявили особую заботливость о церковно-приходских школах (Определение № 11260 за 1914 г. и № 3649 за 1915 г.). Помимо этого синод рекомендовал своему ведомству церемонию вручения георгиевского креста родителям „умершего за царя православного" и эта посмертная награда, по словам синода, должна была служить „подтверждением того, что за богом молитва, а за царем служба не пропадет". При этом указывалось, что церемония вручения должна быть так организована, чтобы родители принимали „царскую награду трепетными руками...

со слезами радости и умиления". (Определение синода от 26 февраля 1915 г. за № 1820).

Такого рода указания попы исполняли в дружном контакте с местной полицией. 3/I—1916 года в д. Тимкове, Богородского уезда, Московской губ., крестьянам Семену Михайловичу и Александре Афанасьевне Горьковым вручили в присутствии многочисленной толпы собравшихся крестьян крестик в утешение за смерть сына. Программа торжества заключалась в торжественном молебствий о даровании победы и в произнесении умилительных речей **сначала местным полицейским приставом** И. В. Ахметьсмым и после него выступал поп Сергей Вознесенский. По его описанию значение данного торжества заключалось в том, что местные жители „сами были очевидцами, что у царя батюшки все воины равны и богач и бедняк (родители героя—подчеркивал поп—одни из самых бедных жителей большого и довольно богатого селения Тимкова) и бедняку, павшему герою Ивану Семеновичу Горькому, воздана великая честь, которой удостоиться пожелали бы очень и очень многие. Истинно,—заключал он,—за царем служба никогда не пропадет". („Моск. Цер. Вед." № 4 за 1916 год).

Не правда ли хорошо!

Служба бедняка крестьянина Ивана Горького не пропала—ибо он получил три аршина земли, а его родители, бедняки Горьковы, удостоились „великой чести", заключающейся в том, что в долгие бессонные ночи, проливая бессильные старческие слезы, они могут любоваться крестиком, ценою крови того, кто был для них радостью и опорой и протягивая свои оспротевшие руки за кусочком хлеба и слыша ответ „бог подаст",—они должны чувствовать, что эта доля—великая честь, которой, с христианской точки зрения, пожелали бы удостоиться „очень и очень многие".

Заботы об убитых выразились также в устройстве особых мест погребения.

Тотчас после об'явления войны Александровский комитет о раненых высказал пожелание об органазации так называемых братских кладбищ. Николай Романов, прочитав доклад, положил резолюцию: „Прочел с удовольствием. Надеюсь, что во всех местностях и городах России будут устроены братские кладбища".

Царское пожелание было исполнено.

В одной Тульской губернии, по отчету синода, удалось заселить убитыми рабочими и крестьянами свыше 60-ти мертвых городов. Некоторые из этих „прекрасных" и „священных" уголков—как их называли христианские проповедники—были рассчитаны на 10.000 мертвых.

Вот что известно о московском городе мертвых, о „московском братском кладбище".

6-го сентября 1914 года „соединенное совещание городекой управы и комиссии гласных по мероприятиям, вызванным войной 1914 года" получило от великой княгини Елизаветы Федоровны телеграмму с предложением отвести на окраинах Москвы участок земли под кладбище для умерших воинов настоящей войны. Выслушав телеграмму, представители московской буржуазии постановили: „признать необходимым учреждение особого кладбища для воинов, павших в священной войне" и спешно выяснить вопрос об отводе особого участка земли. Было предположено перед выходом на кладбище сделать надпись, из которой посетители видели бы, что похороненные здесь жертвы империалистической бойни, погибли, исполняя учение о христианской любви. По приговору думы 27-го ноября 1914 года был приобретен для клад-

бища земельный участок площадью в 11 десятин 279 кв. сажен за Тверской заставой по Петроградскому шоссе при с. Всехсвятском за сумму 271.000 рублей. По благосклонному решению Николая Романова к этому участку было впоследствии прирезано 8 десятин „из владения ведомства удельного и государственных имуществ".

15-го февраля состоялось открытие, на котором присутствовал почти весь московский генералитет, дипломатические представители, и все „высшее" общество. Усердной покровительницей кладбища проявившей к тем, кому ничего не было нужно „живое и усердное участие", являлась великая княгиня Елизавета Федоровна.

Заселение кладбища происходило по определенному плану, составители которого, в первую очередь стремились соблюсти классовое различие. Трупы господ офицеров и господ генералов погребали на особых участках, отдельно от „серых солдатиков". Описывая могилу бывшего командующего войсками Московского Военного Округа генерала от кавалерии П. А. Плеве, поп Ромашков писал: „На братском военном кладбище могила его с лежащими в ней бренными телесными останками как бы возглавляет прочие могилы воинов знатных и простых. Поистине он остался еще командующим над рядами воинов, но воинов уже не живых, а мертвых". („Моск. Цер. Вед." № 25—26 за 1916 год).

Так распределяли жилплощадь среди мертвых жильцов и этим распределением в назидание живым соблюдали поговорку: „чин чина почитай".

Были затрачены громадные суммы денег для украшения города мертвых, чтобы он потерял свой ужасный смысл.

Попы называли это место „тихим пристанищем". Они говорили: „Под тенью развесистых сосен, в благоухании роз, резеды и других самых разнообразных цветов, спит сладким сном цвет русского народа... **Красота неописанная!**" („М. Ц. В." 6 38—39 за 1915 г.).

Попы говорили, что солдатское кладбище есть „распускающийся цветок, имеющий духовную и вещественную прелесть". Поп Смирнов восклицал: „Чувство какой-то зависти охватывает сердце, при взгляде на все это, кажется живым лег бы среди них. Какой чести удостоились"! (М, Церк. В. за 1915 г. № 38—39).

Так пропагандировали прелесть могильной доли...

* * *

Наконец, во многих городах, в Москве, Киеве, Вятке и в других решили построить на трупах крестьян и рабочих храмы-памятники в честь империалистической бойни. Видное участие принимали тут герои и святители „союза русского народа", Михаила Архангела и тому подобных черносотенно-богоугодных организаций. Закладка происходила с участием высшей духовно-светской жандармерии.

В апреле 1915 года было основано даже „Всероссийское Общество памяти воинов, павших в настоящую войну". Его председательницей была небезызвестная в Ленинграде графиня Софья Игнатьева, дама „большого света", имевшая большой салон, любительница шикарных вечеринок. Кроме этого, она развлекалась благотворительностью и протежировала кому угодно за приличные взятки.

Почему же церковь, вместе с эксплоататорами, так много внимания проявляла к мертвым?

Церковь меньше заботилась о живых.

Заботиться о живых! Зачем?

Дело церкви заключалось в том, чтобы по приказу капитала требовать от живых бессмысленной смерти и когда они погибли и им уже ничего не было нужно, тогда к ним проявляли „любовное участие".

В „Новом Афоне" на Кавказе. Монахи за изготовлением снарядов. Предлагая трудящимся любить помещиков и капиталистов, духовенство помогало империалистам убивать рабочих и крестьян. (Фотография была помещена в „Русском Паломнике" № 5, 1916 г.).

Христианская любовь обрекала живых на бессмысленную смерть, а для трупов эта же любовь давала „красивую и покойную квартиру". Христианская добродетель внушала живым, что те, кого нет, счастливы и довольны.

XV. ПОПОВСКИЙ КАРМАН В ГОДЫ ВОЙНЫ.

Православное духовенство являлось при царизме привилегированным сословием, пользовавшимся по царским законам всевозможными льготами и преимуществами. Через свою церковную организацию оно владело крупными денежными средствами, всевозможными земельными угодьями, большим количеством домов, заводов и различных предприятий.

С об'явлением войны материальное положение церкви не только не ухудшилось, но, в связи с создавшейся обстановкой, царское правительство признало за благо поток различных субсидий и ассигнований сделать еще более широким.

Строительство церквей, широко процветавшее в довоенные годы, в итоге которого к 1915 году, по синодальному отчету, только в пределах губерний, не занятых неприятельскими войсками имелось на Руси 68.181 церквей, часовен и молитвенных домов,—это строительство нисколько не уменьшилось в годы мировой войны.

В 1915 г. было построено вновь 425 церквей и из них 172 каменных и 253 деревянных. Часовен и молитвенных домов было сооружено 180, в том числе 52 каменных и 128 деревянных. Общая цифра, следовательно, составит 605 церквей и часовен. Наибольшее количество этих церквей приходилось на окраины, в которых православная церковь стремилась укрепить корни российского империализма. Этот пример

показывает, как старательно заботилось самодержавие и господствующие классы об укреплении своего религиозного фундамента.

В то же время крупные суммы денег, вне всяких смет, „в порядке чрезвычайных сверхсметных расходов на военные потребности", были выданы непосредственно попам.

11 декабря 1915 г. состоялось определение синода за № 10099, в котором говорилось об отпуске православному духовенству в виду военных обстоятельств лишних 26.378.410 рублей ежегодно. Синодальные определения за 1915 г. неоднократно указывают о получении в распоряжение синода единовременных ассигнований в крупных цифрах и эти суммы синод распределял по епархиям для выдачи попам. Так, например, 25 февраля 1916 г. архиепископ Волынский Евлогий обратился к духовенству волынской епархии со следующим сообщением:

„В распоряжении епархиального начальства в настоящее время имеется 30.000 рублей, из которых оно имеет возможность оказывать ежемесячно пособие духовенству. Размер этого пособия—50 рублей в месяц священнику, 25 рублей псаломщику семейному и 15 рублей псаломщику безсемейному, одинокому.

Кроме того, в ближайшем будущем в распоряжение епархиального начальства поступит крупная сумма для оказания единовременного пособия духовенству, как эвакуированному, так и работающему теперь в полосе, примыкающей к военным действиям, за истекшие месяцы (начиная с сентября) в размере приблизительно таком же, как и упомянутое выше постоянное пособие".

Такого рода лепты выдавались систематически.

В марте этого же года думские попы обратились к царскому правительству с просьбой „ввиду заслуг духовенства" и дороговизны выдать епархиальному духовенству пособие. Ходатайство было удовлетворено и 4.700.000 р. были ассигнованы. Однако, эта сумма показалась попам слишком малой и обер-прокурором синода было возбуждено перед советом министров ходатайство об увеличении этой суммы до 10.000.000.

«Совет министров,—сообщил „Приходский листок",—признал справедливым удовлетворить это ходатайство и постановил отпустить из казны 10.000.000 рублей на выдачу пособий епархиальному духовенству» (№ 148—1916 г.).

Эти деньги были отпущены «чрезвычайным сверхсметным кредитом».

Из протокола с'езда попов одной только!!! волынской епархии видно, что святым отцам пришлись довольно большие кусочки. С'ездом был утвержден следующий список ассигнований по уездам:

1) по Ковельскому уезду	111,443	руб.	36 коп.
2) по Владимиро-Волынскому уезду	116,808	„	82 „
3) по Луцкому уезду	100,900	„	75 „
4) по Ровенскому уезду	109,205	„	— „
5) по Дубенскому уезду	104,090	„	75 „
6) по Кременецкому уезду	117,639	„	— „
7) по Остожскому уезду	77,321	„	96 „
8) по Старо-Константиновскому уезду	70,875	„	— „
9) по Изяславскому уезду	80,055	„	76 „
10) по Новоградволынскому уезду	88,193	„	90 „
11) по Обручевскому уезду	41,450	„	42 „
12) по Житомирскому уезду	67,467	„	90 „
13) по городу Житомиру	10,000	„	— „
А всего по епархии	1.095,452	„	62 „

16 декабря 1916 г. синод вновь вынес решение „безотлагательно улучшить материальное положение православного духовенства". Для детальной разработки этого вопроса была образована особая комиссия под председательством Питирима, митрополита Петроградского и в качестве его заместителя синод выдвинул Литовского архиепископа Тихона (впоследствии патриарха).

Особенно тепло заботилось царское правительство о широком кармане военных попов.

Жалованье военных попов сам синод определил в своем указе от 4 июля 1916 г. (№ 23) как „весьма солидное вознаграждение".

Ежемесячная регулярная получка каждого попа, находившегося на военной службе, составляла в среднем не менее 300 рублей (в довоенных рублях).

Помимо всего этого попам выдавали суточные, подъемные, единовременные пособия, дрова, осветительные материалы и т. п. По словам С. Рункевича „пособие при определении на службу полагалось до тысячи рублей".

Некоторое отличие было в положении иеромонахов, служивших во флоте, которых главный морской штаб сумел несколько подковать. Рункевич об этом сообщает: „Главный морской штаб, основываясь на том, что монашествующие в силу обета нестяжания должны довольствоваться лишь самым необходимым, выдавал иермонахам на судах флота... морское довольствие, в размере 60 рублей в месяц, предоставляя им право безвозмездно пользоваться столом от кают-кампании". Значит „бедные" иеромонахи получали 60 рублей на всем готовом. Впрочем 1 января 1917 г. жалованье им было значительно увеличено.

Для характеристики быта православного духовенства—примечательным является следующий факт, сообщаемый С. Рункевичем.

„По открытии военных действий, — пишет он, — с сентября 1914 г. одна губернская община красного креста из состоящих в местном женском монастыре — запасных сестер милосердия, прослушавших за два года перед тем годичные курсы при общине, отозвала в свое распоряжение для несения обязанностей сестер милосердия при лазарете общины шесть монахинь, которые и содержались при лазарете, согласно установленному ранее порядку, на полном пансионе общины. При этом в виду заведенного порядка, им за все время выдавались ежемесячно, в установленном для сестер милосердия общины размере, карманные деньги".

Как же вели себя эти монахини?

В скором времени они заявили, что получаемые ими „скромные деньги" их не удовлетворяют и в силу того, что они сами тяготились условиями службы, „община была поставлена в необходимость отпустить сестер-монахинь в монастырь". Благодаря этой монашеской жадности и лености, два местных лазарета должны были остаться без ухода.

Такое отношение к карманному вопросу церковные подвижники проявляли беспрерывно.

Не менее показательными являются факты замаскированного и явного воровства. В этом направлении российское православное духовенство имеет славные традиции.

В главе „заботы о раненых" указывалось уже о задержке попами шестисот тысяч рублей, которые должны были быть переданы Красному кресту. Выше было указано также на продажу солдатам на фронте свечей по бешеным ценам.

Вот еще несколько фактов, свидетельствующих о том же.

В „Московских церковных ведомостях“ в № 30—31, от имени Московской духовной консистории было напечатано следующее:

„Несмотря на неоднократное напоминание и раз'яснение причтам и отцам благочинным епархии о самом внимательном отношении духовенства к вопросу о получении казенного содержания, Московской духовной консисторией замечены продолжающие повторяться случаи перебора такового содержания в каждом полугодии со стороны тех причтов, в составе коих происходили перемены по той или иной священно-церковно-служительской должности и благодаря этому временному некомплекту наблюдались вакантные дни...

Таковые причты, не представляя зачастую предварительно своих требований (доверенности) местному благочинному для засвидетельствования и проверки с его стороны расчета на истребованную от казначейства выдачи сумму полугодового оклада, а равно и следуемых по разным случаям вычетов, составляют требовательные документы и направляют их, минуя благочинного, прямо в местные казначейства и не на такую сумму, которая подлежит к выдаче причту за все прослуженное (замещенное) по расчету в полугодие время, а на весь полугодовой оклад открытого причту кредита“.

Далее Московская духовная консистория — этот орган царского правительства—опубликовывала подробные указания, следуя которым духовные пастыри могли-бы несколько меньше обворовывать казну-матушку.

В номере 43—44 указанного журнала та же консистория опубликовала распоряжение „о тщательном отношении к ведению приходо-расходных книг“.

В этом указе сказано, что при освидетельствовании приходо-расходных книг церквей епархии за минувшее трехлетие 1912—1915 г.г. были замечены следующие факты:

„1) Во многих книгах допускаются подчистки и поправки;

2) Сумма расхода и прихода означается только цифрами, при чем иногда встречаются разноречия в записях, тексте и в графе;

3) В некоторых книгах нет итога, в графах и переносах, а только под месяцами, при чем встречаются итоги неверные;

4) Встречаются расходы не совсем понятные или же не дозволенные, напр.: просфорнице взаймы—90 рублей; сторожу на освещение—50 рублей и на отопление сторожки 200 рублей; мелочные расходы показываются в размере до 90 рублей в месяц;

5) Встречаются книги, в которых приход вписан сразу в два месяца;

6) В книгах отсутствуют подписи членов причта, иногда церковного старосты, даже за целые годы“ и т. д., и т. д. (стр. 370).

Эти строки свидетельствуют о постоянном и систематическом утягивании попами церковных денег. Это было настолько обычным делом, что на упреки попы даже не обращали внимания, т. к. воровство вошло им, как говорится, в плоть и кровь.

Еще 12 декабря 1906 г. в заседании предсоборного присутствия протоиерей Буткевич говорил: „В церковных приходо-расходных книгах правды никогда не бывает ни одного слова“.

Это признание не вызвало никаких возражений со стороны членов присутствия.

Поп Евгений Сосунцов в журнале, издаваемом Петроградской духовной академией, „Церковный Вестник“, в № 29—30 за 1915 г. 30 июля писал:

„Кто имел дело с церковными приходо-расходными книгами, тот знает, что в них нет ни одного слова правды“ (стр. 896).

Как видим—духовные отцы с этим делом вполне свыклись.

19 марта 1916 г. от главного управления общества красного креста в синоде было получено отношение за № 2499, в котором сообщалось, „что многие настоятели храмов отсылали в управление отрывные листки сведений о деньгах, собранных на красный крест, при бумаге, помеченной 20 — 25 числом“. Далее отношение указывало, что сообщаемые попами сведения являются ложными т. к. в сведения, помеченные 20 числом, были проставлены суммы сбора за весь месяц. На основании таких фактов 12 мая 1916 г. синод должен был издать циркулярный указ „епархиальным преосвященным, синодальным конторам, заведывающему придворным духовенством, и протопресвитеру военного и морского духовенства“ с указанием на недопустимость такого явного воровства.

В течение 1914, 1915 и 1916 г. в церквах, по поповским сведениям, было собрано на красный крест свыше 17.000.000 рублей.

Спрашивается, сколько же миллионов рублей милосердные батюшки утянули от раненых?

В это же время массы трудящихся пили полную чашу лишений и мук. И эти лишения, нищету и страдания поповская ловкость использовала для своего обогащения.

В годы войны церковные организации усиленно спекулировали на всевозможных товарах, и на подобного рода факты должен был указать даже официальный отчет синода. Так, например, там указывалось, что „прибыль Саратовского епархиального свечного завода в 1915 г. выразилась в сумме 221.000 рублей“.

Каковы же были доходы церковной организации в целом в эти годы?

Ни в одном официальном отчете об этом деликатном вопросе не имеется точных указаний. Однако, приблизительно данную цифру можно установить. Съезд попов Таврической епархии в 1915 г. постановил передать „на нужды государственной обороны“ однодневный церковный и причтовый доход. Эти деньги, по сообщению синодальной печати, составили 14.500 рублей. Отсюда следует, что в среднем годичный доход попов указанной епархии составит 5.292.500 рублей. В то же время из синодального отчета за этот год видно, что церковные доходы попов Таврической губернии составили не более, как одну восьмидесятую обще-церковных доходов. Таким образом, можно полагать, что поповские доходы по всей Руси составили цифру большую чем 400.000.000. Эта цифра, очевидно, преуменьшена, т. к. таврические батюшки, наверное, сочли своим долгом утянуть добрую часть однодневного дохода.

Однако, получая такие доходишки и, в то же время воруя налево и направо, попы вовсе не были довольны. Они беспрерывно плакались крокодиловыми слезами, придумывая всевозможные жалкие слова, чтобы вымолить лишний грош в свой широкий карман.

„Бедное духовенство,—заявляли они,—бьется как рыба об лед“. („Приходское чтение“, № 15 за 1915 г.).

Описывая ужасы „тяжелой жизни и горькой нужды многострадального русского духовенства“, они говорили, что „жить, как доселе живет наше многострадальное русское духовенство, более нельзя, что пора же, наконец, позаботиться и о тех, кто доселе были пасынками“. При этом употребляли следующие выражения: „тяжелая нужда“, „нищенское положение“, „море слез“, „тяжелая доля“, „пастырь“—необеспеченный, холодный, голодный“.

Притворяясь казанской сиротой, они указывали царскому правительству на „выдающуюся историческую роль“ церкви, которая, дескать, помогает держать хомут на народной шее, в силу чего духовенству как можно чаще надо давать жирные куски. („Москов. Церков. ведом.“ № 7—8 за 1917 г.; „Сеятель“ № 3 за 1917 г. и № 5—6 за 1917 г. и т. д., и т. д.).

В этом случае попы вполне выявили свою природу.

Все это продолжалось до тех пор, пока у трудящихся не открылись глаза на истинное значение поповской работы и пока рабочие и крестьяне не свергли уже навсегда гнет хозяев и их приспешников.

XVI. КАК ЦАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО НАГРАЖДАЛО ПОПОВ.

Во время мировой войны за великие услуги, оказанные делу милитаризма, православное духовенство получило большое количество всевозможных наград.

В журнале „Вестник военного и морского духовенства“ в отделе „высочайших наград“ военным попам и в „Церковных ведомостях“ за 1914—1915, 16 и 17 г.г. систематически печатали сведения о такого рода награждениях:

Нижеприведенная таблица является не полной и, в действительности, военным батюшкам перепало значительно большее количество крестиков, орденов и т. п.

„Золотых наперстных крестов на георгиевской ленте из кабинета его императорского величества“	выдано	227
„Орденов св. Владимира 3-й степени с мечами“	„	85
„Орденов св. Владимира 4-й степени с мечами“	„	203
„Орденов св. Анны 2-й степени с мечами“	„	304
„Орденов св. Анны 3-й степени с мечами“	„	239
„Орденов св. Александра-Невского с мечами“	„	1
„Панагий на георгиевской ленте“	„	1

Кроме этих „боевых“ наград было выдано, к уже полученным орденам, большое количество, так называемых, мечей. Помимо указанных, военным попам выдавали и другие награды, а именно золотые и серебряные медали с надписью „за усердие“; грамоты с об'явлением „монаршего благоволения“; скуфьи, митры, набедренники, палицы, золотые часы, всевозможного рода ордена, золотые наперстные кресты и т. д., и т. д.

Для характеристики „заслуг“, привожу текст одной „высочайшей грамоты“.

„Преосвященному Трифону, Епископу Дмитровскому, первому викарию Московской Епархии.

В воздаяние отлично-усердного служения вашего церкви божией и самоотверженной и высокополезной деятельности вашей во время военных действий Всемилостивейше сопричислили мы вас к императорскому ордену нашему святого благоверного великого князя Александра Невского с мечами, знаки коего, при сем препровождая, повелеваем вам возложить на себя и носить по установлению.

Пребываем к вам императорскою милостию нашею благосклонны.

На подлинном собственною его императорского величества рукою начертано: Николай.

Царская Ставка,—30 апреля 1916 г.“.

Тихон, впоследствии патриарх и организатор святейшей контрреволюции в годы гражданской войны, будучи в то время литовским архиепископом, тоже получил подобную грамоту, в которой говорилось, что за свою деятельность он „снискал монаршее благоволение". Он получил от Николая Романова бриллиантовый крест.

За какие же труды выдавались все эти награды?

Официальная формулировка заслуг гласила, что попы награждаются: „за отлично-усердную службу".

„за особые труды понесенные, по обстоятельствам военного времени",

„за отличия во время боевых действий" и т. п.

Читая описания поповских трудов, видим, что полковые попы воспитывали солдатскую массу в духе покорности палочному режиму и с другой стороны всевозможными церемониями внушали солдатам необходимость „пролить кровь до последней капли". Отлично усердная служба в этом отношении отмечалась наградою. Что же касается тех случаев, когда попы получали награждения „за отличие на поле брани", то такое отличие заключалось в том, чтобы вдохновить солдатскую массу на наилучшее совершение убийства и на собственную гибель. Когда оказывалось, что поповское старание увенчалось успехом и кровавый урожай был достаточно густ, тогда-то попу выдавали крестик с мечом или другую „боевую награду".

Сами же попы в боевых действиях участия совершенно не принимали, они лишь „вдохновляли" других. Поэтому-то среди попов почти не было жертв.

Показательно, что военные награды попам жаловали во многих случаях господа генералы, откровенно заявлявшие, что святое дело пастыря заключается в том, чтобы превратить солдат в покорное пушечное мясо.

28 октября 1916 г. состоялось определение синода „о предоставлении духовных лиц за отличие по обстоятельствам военного времени к наградам вне установленной для духовенства нормы наград и до истечения требуемых законом междунаградных сроков".

На докладе синодального обер-прокурора Николаю Романову 25 октября, последний написал „согласен".

После этого 8 декабря состоялось синодальное определение за № 9098, в котором читаем:

„Святейший синод, приняв во внимание, что многие из священнослужителей, помимо исполнения своих прямых обязанностей по приходской службе, продолжают с неослабленной энергией нести нелегкие труды, вызванные особыми обстоятельствами текущей войны, и по сему признавая справедливым в воздаяние означенных трудов, предоставить епархиальным начальствам к предстоящему наградному сроку для священнослужителей—6 мая 1917 г. представить к награждению тех священнослужителей, кои оказали особые заслуги в настоящую войну... вне установленной для духовенства нормы наград и до истечения требуемых законом междунаградных сроков".

Таким образом, широкий поток монарших милостей должен был в 1917 г. еще более увеличиться ввиду особых поповских заслуг в условиях мировой бойни.

Довольно характерным является следующий факт.

Как известно, в каждой войсковой части солдаты были обязаны отдавать честь попу своего полка. Но это требование не распространялось на духовных отцов чужих полков.

В прошлом этот вопрос неоднократно поднимался военным духовенством, желавшим, чтобы солдаты других полков также вытягивались перед ними. С началом империалистической войны военные попы заявили, что им необходимо пользоваться „сугубым вниманием и почтением“ солдат, тем более, что воинская доблесть зиждется—подчеркивали они—на работе пастыря, создающей „то святое вдохновение, которое вместе с человеческим искусством создает конечный успех бранного дела“.

Для того, чтобы каждый солдат издали узнавал военного попа и при его приближении вытягивался, предлагалось „установить для военного духовенства особую ленту к наперстному кресту, например, Владимирскую—поясняли попы—в соответствии с той идеей, что святой, благоверный князь Владимир есть первый бранный вождь и воин или Александровскую в память... вождя... великого князя Александра Невского, которому тезоимениты многие государи русские“.

Если же, заявляли попы, перед нами солдаты всех частей не будут вытягиваться, то такое положение „не может не служить соблазном для нижнего чина“.

Одновременно они говорили, что, к сожалению, полковой священник по правам „увы, только обер-офицер“ и требовали сравнять себя „с штаб-офицерами“. („Вестник...“ № 19 и № 24 за 1914 г.).

Как же отнеслось к подобного рода требованиям царское правительство и офицерство?

Они отнеслись сочувственно и удовлетворили честолюбие святых отцов. Как сообщал „Кронштадтский пастырь“ в ноябре 1914 г. по войскам юго-западного фронта последовал приказ об „отдании нижними чинами воинской чести священнослужителям действующей армии“. (№ 44 1914 г.).

*
* *

„Геройские труды“, по воодушевлению солдатиков на пролитие последней капли крови, утомляли батюшек. Проявляя заботы о здоровье военных попов, царское правительство, как об этом свидетельствуют приказы и распоряжения по военному ведомству, щедро представляло военным попам многочисленные места в курортах и санаториях. Такого рода места были предоставлены на Сакско-Евпаторийской санитарно-лечебной станции, на Сергиевской, на Старо-русской, на Пятигорской группе Кавказских Минеральных вод, в Абастумане, в лечебных учреждениях акционерного общества „Курорты Анапа и Семигорье“, Словенского городского управления и т. д., и т. д.

В конце 1916 г. в станице Ессентуки (Кавказ) купили имение в котором было решено с весны 1917 г. устроить особый приют для военных и морских попов.

Этот приют решили озаглавить „Санаторий военного и морского духовенства имени протопресвитера Георгия Иоанновича Шавельского“ в честь главного начальника военно-духовной администрации.

XVII. Религия по ту сторону фронта.

По ту сторону фронта творилось тоже, что и по эту.

Германский капитал ради захвата и грабежа новых колоний, ради империалистических целей, топил в реках крови и потоках стали миллионы жизней. Железная пята Вильгельма тяготела над страной. Также, как и по другую сторону фронта, мерами жестокого насилия было взято за горло революционное движение. Также, как и по другую сторону фронта, все производительные силы страны, все достижения техники

были мобилизованы на службу милитаризму. Вся Германия превратилась в огромную чудовищную фабрику, изготовляющую орудия убийства. И для того, чтобы добиться торжества грабительских целей, гнали на фронт на встречу смерти и старых и молодых, даже больных, даже калек, а тем, кто осмелился протестовать, предназначались тюремные решетки, дома сумасшедших и свинец.

И тут, также как и в других странах, социал-предатели старательно делали свою гнусную измену, всемерно обслуживая интересы империализма, служа капиталу не за страх, а за совесть.

Какую же роль играла здесь религия?

Такую же как и в царской России.

Еще Фридрих Великий выработал твердую систему обработки голов своих подданных. Карлейль следующими словами передает его отношение к вопросам религиозного воспитания.

„Он признает пользу религии, весьма много трудится над своими проповедниками, подсказывает им тексты и ждет от них послушания, как от своих сержантов и капралов. Действительно, эти достопочтенные господа чувствуют себя корпусом духовных сержантов, капралов и капитанов, для которых повиновение—закон, а недовольство—вещь никоим образом нетерпимая".

Вильгельм II также понимал выгоды религии.

„Я,—говорил он,—не делаю разницы между последователями католической и протестантской религии. Основание их обеих—в христианстве, обе воспитывают верных граждан и послушных подданных. Германский народ будет той гранитной скалой, на которой господь может основать и закончить работу мировой культуры".

Вот присяга, которую стали приносить католические попы в Германии, после того, как они получили одинаковые права с протестантскими пасторами:

„Я буду покорен, верен и послушен его королевскому величеству, как моему законному королю и государю, и также его законным наследникам на престоле, я буду содействовать его благополучию по мере своих способностей и буду предохранять его от всякого убытка и ущерба. Я буду воспитывать умы народа, порученного моим заботам, в чувствах почтения и верности королю, в любви к отечеству, в повиновении законам и в тех добродетелях, которые делают христианина добрым гражданином; я не потерплю, чтобы кто-нибудь учил или действовал в противном духе. В частности я клянусь, что не буду поддерживать никакого общества, или ассоциации на родине или заграницей, которые могут быть опасны для общества. Я буду извещать его величество о всяком предложении, сделанном в моем приходе или в другом месте, которое может быть опасным для государства".

Точно также, как и английский капитал, германский использовал религию для империалистических целей. В Китай и в другие страны посылали миссионеров для проповеди туземцам христианских добродетелей: терпения, смирения и кротости перед насилием и туда же транспортировали партии идолов, сфабрикованных на фабриках Германии. Только на этих идолах в интересах лучшего сбыта не было обычной надписи „Сделано в Германии".

Таким образом в Германии к моменту об'явления войны существовало тесное единение капитала и религии, пушки и креста, кулака и молитвы.

И вот война об'явлена.

Тотчас как протестантские, так и католические религиозные организации усиленным темпом начали развивать свою работу. В массовой

церковной литературе война была об'явлена, как „святая", „правое дело" и т. п. Было выпущено много литературы, посвященной темам „Война и Библия", „Религия и война", „Война и христианство" и т. д. Повсеместно были организованы так-называемые молитвенные собрания (для религиозного назидания), на которых духовенство пропагандировало военщину. Буржуазия и церковники предпринимают ряд мер для того, чтобы создать религиозное оживление.

По словам пастора Триба, вся Германия была „не только военный лагерь, но и лагерь молитвы".

Вот несколько цитат из литературы немецких попов, выпущенной в первые дни войны. В статье „Наша вера в бога" либеральный богослов Bousset писал:

„Религиозный под'ем должен привести к созданию сильной, мускулистой религии, к вере, которая укрепится в непрерывной борьбе".

„Представители буржуазной интеллигенции и богословы выступили с декларациями, поддерживавшими политику германского империализма. И, конечно, даже крупнейшие буржуазные ученые стали петь ту же песню.

В. Вундт писал:

„Не для себя, а для человечества ведем мы эту войну. Миссией тех средне-европейских штатов, которые должны образоваться в результате этой войны, под гегемонией Германии, явится поддержание мира на земле, охранение культуры и приобщение к ее благам всего мира".

Учитывая великую пользу духовной сивухи, германское верховное командование выпускает ряд обращений и воззваний.

Вильгельм II—палач трудящихся Германии, достойный друг Николая кровавого—в одном из приказов по армии писал:

„Солдаты! Помните, что вы избранный народ.

Дух божий сошел на меня, так как я император германцев.

Я являюсь орудием всемогущего. Я—его меч и его воля.

Уничтожение и смерть всем, кто противится моей воле.

Уничтожение и смерть всем, кто не верит в мою божественную миссию.

Да погибнут все враги германского народа.

Бог требует их уничтожения.

Бог, вещающий через меня, приказывает вам исполнить его святую волю".

В целом ряде газет и журналов было напечатано следующее воззвание к полякам:

„Поляки! Вы, конечно, помните, как однажды ночью начали звонить колокола святого Святогорского монастыря без участия человека.

Тогда же люди набожные поняли, что случилось великое и важное событие, отмеченное чудом. Событие это—решение мое воевать с Россией и отдать Польше ее святыни и присоединить ее к культурнейшей стране—Германии: у меня был чудесный сон. Ко мне явилась богородица и приказала спасти ее святую обитель, которой угрожает опасность.

Она смотрела на меня со слезами, и я пошел исполнять ее божественную волю.

Знайте, поляки, что те, кто со мною, будут щедро вознаграждены, кто против—погибнет.

Со мною бог и пресвятая богородица.

Она подняла меч Германии на помощь Польше".

Прислужники германского капитала, пасторы и ксендзы, не уступали своему хозяину. Церковная мобилизация сопутствовала мобилизации военной. Так же как и у нас, были приняты все меры к превра-

щению германских рабочих и крестьян с помощью религиозного дурмана в пушечное мясо. Ядовитые поповские листки были брошены на фронт и распространялись в тылу.

Как там, так и здесь, убойная работа церковников была систематической. Религиозные организации приняли старательное участие во всевозможных патриотических торжествах. В школах детей заставляли разучивать „гимн ненависти". Кардиналы, епископы и архиепископы опубликовывали воззвания, в которых доказывалось, что война послана богом, что она священна, что все приказы императора Вильгельма необходимо немедленно исполнять. В брошюре пастора Лемана были, между прочим, напечатаны следующие строки:

„Германия—центр мировых планов бога. Борьба Германии против всего мира есть на самом деле борьба духа с гнусностью, ложью и дьявольской хитростью на земле".

Статуя Вильгельма II, в виде святого на новом портале собора в городе Мец. Статуя--дар самого Вильгельма. (Воспроизведена по обложке книги Жюля Аррен „Вильгельм II, что он говорит, что он думает").

Пастор Румп писал: „Наше поражение—поражение сына божия на земле: мы боремся за дело Иисуса среди людей.

Один из виднейших берлинских проповедников, пастор Фриц Филиппи, произнес следующую речь:

„С полным правом можем мы повторить слова князя мира: Не мир послан я принести людям, а меч. Подобно тому, как всемогущий отдал своего сына на распятие для искупления человечества, так и **Германия ныне должна распять человечество для всеобщего спасения людей.** Человечество должно быть искуплено огнем, мечом и кровью. Не по доброй воле проливают германские воители кровь других народов. Наш обожаемый император более всех питает отвращение к ужасам войны. В течение многих лет он неустанно трудился в пользу мира. Германия никогда не употребляет своей силы, чтобы угрожать независимости других народов, и потому всевышний избрал нас, как орудие, чтобы покарать завистливых и наказать преступные и грешные народы земли. Германии свыше послана священная миссия распять человечество".

Лейпцигский пастор Цебель проповедывал в следующем духе:

„Глубокое сознание нашей миссии позволяет нам радоваться и считать себя удовлетворенными, с сердцем полной благодарности небу в те минуты, когда наши орудия несут смерть детям сатаны, и когда наши чудесные подводные лодки, являясь орудием божественного возмездия, посылают на дно моря тысячи подданных неизбранных народов. Мы должны уничтожать врагов всеми средствами, которые находятся в нашем распоряжении, их страдания должны доставлять нам большое удовольствие, их отчаянные крики не должны заставлять волноваться германские сердца. Не нужно входить в какие-либо компромиссы с адом и соглашаться на какое-либо милосердие по отношению к слугам сатаны".

В дальнейшей своей речи, посвященной англичанам, французам и русским—пастор сказал:

„Все нации, которые продались дьяволу, должны быть приговорены к смерти. Приговор этот вынесен уже небесными силами".

Профессор богословия берлинского университета доктор Зейбт говорил:

„Мы ненавидим наших врагов... Германия любит все народы, и когда она их наказывает, то делает это для их же собственного блага".

В ряде подобных речей истинный смысел христианских заповедей был раз'яснен прекрасно, нисколько не хуже чем это делали православные попы. Доктор Р. Зееберг говорил:

„Христос сказал: любите врагов ваших. И мы немцы остались верны его заповеди. Мы любим наших врагов всей душой. Но наша любовь проявляется именно в том, что мы убиваем их, причиняем им боль и страдание, вторгаемся в их земли, в их дома. Германия любит другие народы и именно потому, ради их же собственной пользы, так больно бичует их".

Пастор Эберт проповедывал:

„Бог дал нам все средства сокрушить и уничтожить врага и не пользуясь этими средствами мы навлекаем на себя его праведный гнев. У нас имеются подводные лодки, чтобы сломить Англию в несколько месяцев, а мы не торопимся пользоваться ими... Это ложное сострадание к врагу осуждается христовою заповедью, как неповиновение воле господней, как ослушание бога".

Духовник императора Вильгельма, Дриандер, в одной из своих речей германским солдатам заявил:

„Я говорю с вами от имени кайзера, который является не только верховным владыкой, но и первосвященником нашей евангельской церкви... **Милитаризм, столь жестоко хулимый нашими недругами, есть живое воплощение христианства, подлинное подражание христу**".

Кильский профессор богословия Титциус следующими словами выразил смысл христианской философии в своей книге „Война, этические рассуждения". „Кто, как истинный христианин, готов отдать за родину не только жизнь свою, но и готов, если это потребуется, **убивать и возжечь факел** пожаров, словом, готов сделать даже все то, что чуждо и противно его внутреннему убеждению,—тот не отстоит далеко от **страстной любви апостольской, не противоречит существу великого страдальца** (христа), искупившего грехи своего народа, а равно и всего мира".

Особенно больших успехов достигли в области такой проповеди военные пасторы и ксендзы.

Один из них Келер в книге „Война перед судом христианской совести" писал:

„Любо глядеть, как со свистом меч вылетает из ножен.

Добрый немецкий меч—никогда еще не оскверненный, победоносный, могучий.

Сам господь вложил тебя в наши руки; мы обнимаем тебя... как невесту.

Ты предал разума (!). Ты—дорогой „дарник" для нас,—**носитель духа**. Не только для королей, ты венец разума, нет, и мы жрецы духа частично входим в тебя точно, так как ты—в нас.

Тебе обеспечена обильная жатва. Ты имеешь право уничтожить их всех.

Готовься, безумствуй и суди.

Враги окружают тебя всюду—во имя господа ты несешь право их изрубить".

Подобная философия целиком соответствовала требованиям германского командования. Последнее, так же как и российское, придерживалось следующего мнения:

„Нельзя воевать,—писал фельдмаршал Гинденбург (ныне германский президент), и быть сентиментальным. Чем война беспощаднее, тем она человечнее, тем скорее она окончится. Чем скорее способы ведения приводят к миру, тем они человечнее".

В связи с применением удушливых газов на р. Бзуре германский генеральный штаб писал:

„Бог с нами и за нас.

Борясь с целым миром, мы волею его получили в руки новое могучее оружие—газы, которыми мы победим врагов".

Но особенно усердно действовала религия на фронте, там, где людей гнали на убой, как баранов на бойню.

Для того, чтобы превращать людей в добычу пушек, для того, чтобы в большом количестве гибли германские рабочие и крестьяне, их опьяняли на фронте, также, как эфиром и алкоголем... духовной сивухой.

Начальником католического военного духовенства в германской армии было выпущено воззвание, в котором „для воодушевления солдатиков", указывалось, что „над немецким войском летают ангелы" и эти ангелы,—заявлял он,—собирают в золотые сосуды слезы солдатские.

Солдатам рекомендовали следующую молитву:

„Пусть будет скуден хлеб воина, но ты сам посей смерть и горе среди наших врагов. Прости в милосердии и долготерпении своем каждую пулю и каждый удар, не попавшие в цель. Не введи нас во искушение, усмиряя наш гнев при исполнении твоего божественного приговора. Освободи нас и наших союзников от адского врага и его помощников на земле. Твое царствие—Германия. Да поможет нам стальная десница твоя достигнуть подвига и славы".

Ее автором был высокий духовный сановник господин консистории советник Дитрих Форверк.

Подобными молитвами снабжали солдат с таким же усердием как и порциями алкоголя перед наступлением. Для распространения в Австро-венгерских войсках Ольмюцкой архиепископской типографией была выпущена напечатанная на листах следующая молитва:

„Всемогущий вечный владыка неба и земли, предводитель всенародной рати, вседержитель всеобщего мира. Благослови непорочной и дрожайшей кровью Иисуса христа оружие нашей армии, сохрани нашему воинству непоколебимою веру в твое могущество и веди наших бойцов через радостный бой за правое дело к счастливой победе.

Господи Иисусе, будь всегда и всюду с нашей армией, чтобы ее охранять.

О, Иисусе. Пребывай среди нашей армии, чтобы предводительствовать ею.

Во времена Иисусов Навинов и прочих библейских полководцев Саваоф тоже водил руками воинов.

О, Иисусе, будь с нашей армией, чтобы ее благословлять.

О, матерь божья, Мария, пречистая царица небесная. Ты неограниченная владычица ангельской рати,—ты—первая, получившая от господа силу для уничтожения сатаны, мы молим тебя коленопреклонно: веди твои св. полки.

Св. Михаил, св. Георгий, св. Маврикий, святые Фабиан и Севастьян все святые воины и мученники, все небесное воинство, молите бога за нас и наших воинов, дабы они могли победить всех видимых и невиди-

мых врагов и оказаться достостойными всех благ, возвещенных Иисусом христом **Аминь**".

Перед рождеством 1916 г. синодом прусской протестантской церкви был издан циркуляр, в котором были указания о проповеди на Рождество и Новый год.

„Пасторы,—говорилось в циркуляре,—исполнят божию волю, указывая на высокую миссию Германии и проповедывая ненависть к ее врагам, ибо враги Германии являются в тоже время врагами истинной религии и потому должны быть уничтожены".

Таким образом роль религии, по ту сторону фронта, в Германии и Австро-Венгрии была такой же, как и в войсках царской России. Здесь, как и у нас, религия помогала капиталу класть новые и новые ряды трупов на алтарь войны. Здесь, как и в царской России, крест помогал офицерской плети.

XVIII. РЕЛИГИЯ НА СЛУЖБЕ АНТАНТЫ.

В странах Антанты, в Англии, Франции, Италии и в других, религия была использована господствующими классами также, как в Германии, также, как в царской России.

С об'явлением войны во всех этих государствах религиозные организации развивают усиленную работу.

1. В Англии.

История колониальной политики Англии наглядно свидетельствует, что все зверства английского империализма, высасывание путем беспощадной эксплоатации последних соков у туземного населения, все это благословлялось, освящалось и организовывалось с участием английских попов.

К моменту мировой войны под данной деятельностью имелся весьма прочный материальный базис. Одни лишь церковные земли англиканской церкви стоили свыше 2.200 миллионов рублей, а доходы от этого христианского достояния еще в 1905—1906 году составляли 45 миллионов рублей.

Весьма интересны те твердые ставки, по которым в начале текущего столетия получали жалованье деятели англиканской церкви.

Вот скромная таблица:

Архиепископ Кентерберийский получает 15.000 фунт. стерл.—150.000 рублей.

Архиепископ Иоркский получает 10.000 фунт. стерл.—100.000 р.

Епископ Лондонский получает 10.000 фунт. стерл.—100.000 руб.

Епископ Дургемский получает 8.000 фунт. стерл.—80.000 руб.

Епископ Винчестерский получает 7.000 фунт. стерл.—70.000 руб.

Зарплата остальных епископов составляет от 50.000 до 40.000 руб.

Доходы низшего духовенства соответственно чину будут поменьше.

Так, например: деканы кафедральных соборов получают по 2.400 фунт. стерл.—24.000 рублей.

Каноники получают по 1.000 фунт. стерл.—10.000 руб. Простые каноники получают от 700 до 500 фунт. стерл. от 7.000 до 5.000 руб.

Таким образом, самый „бедный" получает 5.000 рублей не считая побочных доходов.

Английские епископы считались перами королевства, а архиепископ Кентерберийский—примас всей Англии—занимал в палате лордов место после члена королевского двора.

Таким образом к моменту мировой войны английский капитал имел в лице своих духовных приказчиков, верных союзников. На об'явление войны англиканская церковь реагировала рядом мер.

От имени виднейших богословов, архиепископов, епископов и религиозных обществ были опубликованы обращения, воззвания и статьи, призывавшие население к священной борьбе. В многочисленных организациях (в „Обществе англиканских мужчин", в „бригадах английских молодых людей", в профсоюзах при поддержке социал-предателей), начинается милитаристическая поповская агитация.

Долг церкви теперь,—заявлял журнал „Cuardian",—состоит в том, чтобы употребить все силы увещания на пробуждение общественного мнения. Через своих служителей, через свои кафедры, через свои представительные организации она должна внедрить в сознание народа ясное (читай затемнительное Б. К.) понимание его роли в нынешней колоссальной борьбе, в которой замешаны самые священные интересы религии. С ее кафедры должен непрестанно звучать призыв к служению. Служители церкви имеют возможность обращаться к широкой массе народа. При такте и терпении каждый из них может сделаться очень действительным вербовщиком солдат". (Цер. Вед. № 24 за 1915 г.).

Последние слова особенно замечательны. Они свидетельствуют о весьма существенной стороне деятельности английских попов после об'явления войны. Дело в том, что в Англии вплоть до 1916 года не существовало общей воинской повинности. И, так как человеческий материал на кормежку пушек требовался в большом количестве,—английская буржуазия посредством рекламы, убеждений и принуждений, стремилась заманить в ряды армии как можно больше людей. Вот тут-то и был полностью использован церковный аппарат. Одновременно с этим было выброшено на рынок большое количество убойно-христианских произведений печати; богослужебная механика была переведена на военный лад. По инициативе архиепископа Кентерберийского, этого вождя английских попов, для солдат устраивали специальные беседы; перед отправлением войск на позиции служили патриотические молебствия, организовали всевозможные военно-церковные церемонии.

Вот несколько примеров из устной агитации английских попов. „13 ноября 1914 г.,—сообщал „Приходский Листок",—в Дублине начался генеральный синод ирландской церкви. Примас, ее архиепископ Армагский, при открытии синода в своей речи восстал против злоупотребления заповедью о любви к врагам в настоящее время. По взгляду епископа, в св. писании сказано лишь, что мы должны любить наших врагов, но вовсе не сказано, что мы должны любить врагов других народов или людей, осуществляющих диавольское дело в мире божием. Германский император и его жестокие вассалы являются врагами цивилизации, врагами всего дорогого для человечества, врагами общехристианских идеалов, врагами Иисуса христа..."

А потому, раз'яснил архиепископ, их надо истреблять. В день святого Георгия (в 1915 году) Бирмингамский епископ заявил, что „мир на неопределенных условиях был бы нехристианским и недостойным делом". Только путем полной победы,—писал епископ,—мы можем достигнуть такого мира, который дал бы полную власть „христианским началам в международной жизни". Далее епископ призывал: „жертвовать всем",—для того, чтобы разгромить Германию. Выступавший в этот же день епископ Лондонский указывал, что умирающие теперь ежедневно на позициях воины умирают также, как некогда умирал первомученик Стефан и апостол Петр... Наш народ,—сказал епископ в заключение,—на веки покрыл бы себя позором, если бы прекратил войну.

25 ноября 1915 г. на собрании „Союза англиканской церкви“, общества, „имеющего целью хранение и защиту кафолических элементов в англиканской господствующей церкви“ председатель союза следующими словами об'яснял внутренний смысл настоящей войны. Он говорил, что война ведется „за христианскую цивилизацию против антихриста. Настоящая война поэтому—священна для англичан и должна быть доведена до конца. Они должны иметь в виду, что охраняют католическую веру“.

В речах, которые произносились непосредственно солдатам, английские попы ничем не отличались от попов германских.

Время от времени в зависимости от положения на фронте и потребностей империализма англиканская церковь устраивала различные религиозные махинации.

Так, например, 21 декабря 1914 г. в Лондонском соборе св. Павла было устроено торжественное поминовение павших на войне.

3 января 1915 года был выбран днем „ходатайств и смиренной молитвы по случаю войны“. Римско-католические и „свободные“ церкви Англии действовали в полном согласии с англиканской церковью. Архиепископы Иоркский и Кентерберийский по этому поводу издали специальные послания. Были приняты меры к тому, чтобы этот день прошел как „день национальной молитвы“ и чтобы его отметили соответствующими молебствиями во всех союзных странах. Обращение с призывом молиться было издано также английским королем.

В этот же день архиепископ Кентерберийский произнес речь, впоследствии напечатанную в газетах в назидание верующим, в которой раз'яснял, что убивая немцев, следует одновременно хранить в душе „мир божий“.

Официальный отчет об этом дне национальной молитвы гласил, что для приготовления умов к предстоящему молитвенному дню устроено было предварительно в соборе св. Павла в Лондоне специальное 24-часовое молебствие.

Народ весь день наполнял обширный храм. В дневные часы присутствовало в соборе 5—6 тысяч человек.

Все это,—заявляла английская церковная печать,—делалось для того, чтобы внушить населению мысль, что настоящая война есть „крестовый поход и священная война“.

В начале 1915 г. архиепископу Кентерберийскому было прислано для подписи воззвание, составленное попами нейтральных стран (архиепископом Упсальским—из Швеции, архиепископом Христианийским—из Норвегии и т. д.) „с призывом стараться о скорейшем прекращении кровопролития“.

Что же ответил добрый епископ Кентерберийский?

„Английский примас,—сообщала церковная печать,—отказался исполнить просьбу и об'яснил, что он всегда стоял за мир с Германией и при первой возможности выступит за прекращение войны, но настоящий момент считает для этого неподходящим, так как не достигнута еще цель настоящей войны“.

Замечательно, что подобный отказ последовал также со стороны Берлинского придворного проповедника Дриандера и со стороны синода российской православной церкви.

В работе английских попов особенно видна роль архиепископа Кентерберийского. Правда, в его речах, в посланиях и инструкциях,—истинный смысл указаний сплошь и рядом замазывался.

Однако, он был ясен для тех, кому предназначался.

Летом 1915 года, когда Лондону пришлось пострадать от налета германских цеппелинов и когда германские войска имели ряд успехов на западном фронте,—в связи с этим, англиканская церковь принимает особенно напряженные меры для того, чтобы поднять настроение и „воодушевление на борьбу".

Когда в августе 1915 года синодом православной церкви проводилась кампания „призыва к молитве и покаянию", английские попы тоже назначили специальные моления.

Весьма примечательно также следующее. В Англии было несколько религиозных об'единений, которые в обычное время друг с другом ссорились из-за верующих, как собаки из-за кости и находились в состоянии вооруженного мира. Однако, в связи с войной, для лучшего обслуживания интересов бойни между ними устанавливается контакт и они даже организуют совместные богослужения. Это явление, признавались попы, является „беспремерным". Так мирила бойня тех, кто заботился о наилучшем истреблении трудящихся.

Также как и в царской России и в Германии, усиленная деятельность была развита религиозными организациями на фронте.

В английской армии существовал централизованный церковный аппарат под начальством генерала-капеллана. В первое время после об'явления войны на каждую пехотную бригаду, т.-е. на 4—5 тысяч человек, полагался один, а затем два военных попа и, по сообщениям церковной печати, в английской армии было 600—700 святых вдохновителей. Впоследствии, по настоянию архиепископа Кентерберийского и епископа лондонского, было решено количество военных попов увеличить так, чтобы на каждый баталион полагался один спец. Для лучшей организации работы созывались совещания попов и генералитета.

Время от времени, английские попы организовывали на фронт поездки высоких духовных особ. Такая поездка была совершена, например, епископом Лондонским на пасху 1915 года. Во время этой поездки он инструктировал военных попов, устраивал среди солдат воинственно-молитвенные церемонии, произносил речи.

„Епископ,—читаем в „Приходском Листке",—вернулся в Англию с твердым намерением позаботиться об увеличении числа священников в армии". Его поездка продолжалась с 27 марта по 5-ое апреля.

Вскоре после этого в газетах было напечатано следующее сообщение фельдмаршала Френча.

„Епископ лондонский прибыл со своим капелланом 27 марта и уехал 5-го апреля. Во время своего пребывания в армии его преосвященство каждый день бывал на фронте, и я думаю, что имею право сказать, что вряд-ли найдется один человек, который бы не присутствовал в то или иное время при его богослужении или речи...

Я должен заявить о прекрасном действии на армию, произведенном таким беззаветным самоотвержением лондонского епископа, которому я лично глубоко обязан". Далее сообщение отмечало весьма полезную для господ генералов деятельность военных капелланов.

Вернувшись в Лондон, епископ обратился к населению с посланием, в котором указывал, что „солдаты наши переносят все тягости войны во имя свободы, мира и чести" и умирают „на поле битвы за святое дело". Заключительная часть послания имела следующие строки: „Как бы мала ни была сумма ваших сбережений, вы должны поместить ее в военный заем, чтобы помочь стране".

Английские попы, также как и православные, старательно распространяли в Англии всевозможные басни о помощи небесных сил. Английская церковная печать об одном из таких чудес в решете сообщала следующее: „Английский отряд отступал от города Монса в Бельгии под напором превосходных сил немецкой кавалерии, старавшейся окружить его. Положение англичан было отчаянное, и все уже были готовы к смерти. Вдруг между преследующими и преследователями явились ангелы в белых одеждах. Лошади немцев в испуге остановились и английский отряд успел спастись.

В других баснях раз'яснялось, что небесные силы ловят бомбы, которые сбрасывают с немецких цеппелинов и т. д., и т. п.

Перед боем, также как и в российской армии, организовывались в английской армии различного рода церемонии. Однако, призывая английских рабочих и крестьян „жертвовать собой до последней капли крови", сами святые отцы не очень-то желали ехать на фронт. На соответствующее предложение лондонского епископа, из 700 попов его епархии, ответили согласием лишь несколько человек.

Заботы английских попов об английских солдатах выразились также в том, что они заботились об организации на фронте даже... домов терпимости. Наибольшие подвиги, как их организатор, совершил Иона Макферсон. Следует отметить, что английский король отзывался о деятельности своих попов в годы войны весьма похвально, так как их языки капиталом были использованы в полном масштабе.

2. Во Франции.

Французская буржуазия, подобно немецкой, российской и английской тщательно заботилась о том, чтобы французские рабочие и крестьяне почерпнули воинскую доблесть из „сверхестественных источников". Весьма типичными в этом отношении являются попытки создать в связи с об'явлением войны „религиозно-патриотическое воодушевление". Появляются статьи, восхваляющие „ту живую силу, которая называется церковью", „ту силу, которая должна поддержать дух армии". Со стороны буржуазной и **социал-демократической** печати **исчезают** антиклерикальные статьи, исчезают последние остатки отрицательного отношения к католической церкви, окончательно забывается великое наследство великой французской революции, когда французская буржуазия, в силу своеобразных условий классовой борьбы того времени, была антирелигиозно настроена. Установившийся контакт с католицизмом был тем более показательным, что во Франции юридически церковь отделена от государства еще в 1905—6 г.г. Правда, это отделение эксплоататорских, собственнических интересов церкви почти не нарушило, ибо громадные богатства были переданы богослужебным ассоциациям, получившим все юридические права. „Доброта" французской буржуазии, как известно, дошла до того, что попам из государственных средств были даже установлены пенсии и в первые годы после „отделения" всем выплачивалось жалованье. И вот, годы войны лишний раз подчеркнули фиктивность такого отделения, показали, что, несмотря на „отделение" религиозные организации всемерно обслуживают классовые интересы буржуазии. Рука руку моет. Вот несколько примеров. Французские богословы „с одобрения его преосвященства кардинала, архиепископа парижского, канцлера парижского университета и других высоких духовных особ", вскоре после об'явления войны опубликовали обращение к католикам, в котором обосновывалось „право войны, христианское по своему происхождению" и всецело поддерживались цели французского империализма.

В связи с подобной работой французских попов буржуазия принимает ряд мер.

Местные власти, с благословения премьера Бриана, отдают распоряжения о привлечении к суровой ответственности всех, кто осмеливается „нарушить священное единство французов“ и будет критиковать деятельность попов. Префект одного из департаментов Мирман опубликовал по этому поводу даже специальный декрет.

Подобную покровительственную политику французские попы, конечно, заслужили.

Так, например, в годовщину об'явления войны, кардиналы реймский, бордосский, парижский, монпельеский и лионский обратились ко всем членам французского епископата с обращением, в котором говорилось, что „наше дело—дело справедливости“, „наше дело—дело самой цивилизации“ и т. д. Обращение предлагало епископам позаботиться об организации в своих епархиях специальных молебствий по случаю годовщины войны.

В годовщину битвы на Марне кардинал Аметт (архиепископ парижский) также опубликовал особое послание, в котором заявлял, что победа французских войск совершится благодаря благодатной помощи „св. сердца Иисусова, пресвятой Марии и святой Женевьевы“. В этом же послании, в заключение была предписана организация особых торжественных молебствий.

В материальном отношении французские попы также усиленно поддерживали империалистов. Во время кампании по обмену бумажных денег на золото, не осталось в стороне,—сообщал „Приходский Листок„,—и французское духовенство.

В конце августа в официальной части органа парижской архиепископии „Semaine religieuse de Paris“ было помещено следующее воззвание ко всем католикам:

„Недавно французы, имеющие золото, были приглашены обменивать его на бумажные деньги, чтобы тем укрепить национальный кредит и дать возможность правительству сделать нужные для защиты отечеству покупки на наиболее выгодных условиях.

Мы приглашаем католиков откликнуться на этот призыв, они так же, как и все остальные, должны и в этой форме оказать помощь отечеству.

Призыв был услышан.

Большинство парижских кюре сами стали собирать золото у своих прихожан и обменивать их на бумажные деньги в банке, что произвело прекрасное впечатление на правительство.

Парижский архиепископ надеется, что примеру Парижа последует и вся Франция“. (№ 250 за 1915 год).

По поводу военных займов французские попы старались так же как и православные. Бордосский кардинал в своем воззвании „Дадим взаймы родине“ писал: „Дайте взаймы родине. Заем, покрыть который необходимо для успеха войны, носит название, которое не может не тронуть душу француза—он называется „Займом победы“. Он должен также тронуть и душу христианина, так как, **содействуя победе** отечества земного, **мы приобретаем право на участие в несравненных благах отечества небесного**“.

Это послание читалось попами во всех церквах.

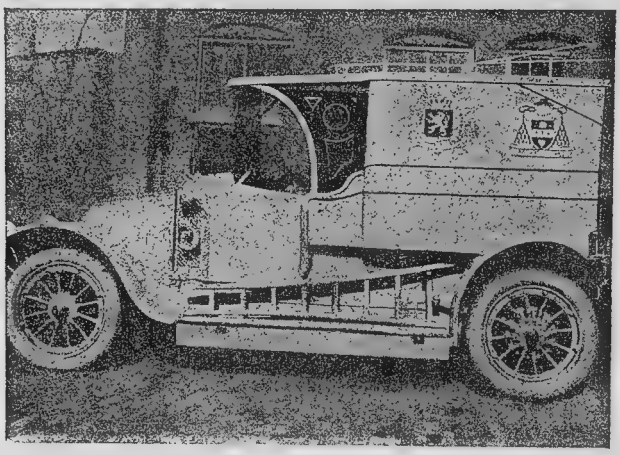
Епископ Амьенский Виллерабель, посылая попам своего района плакаты о военных займах, давал следующие наставления:

„Обратите также внимание ваших прихожан на долг всех французов благоприятствовать успеху этого займа. Финансисты им об'яснят,

что это очень выгодно, генералы им скажут, что это залог победы, добросовестные люди им растолкуют, что это мера мудрой администрации, чтобы обеспечить безопасность их имущества; мы, священники, проповедники христианской морали, мы возвестим им с кафедры, что это лучшее средство исполнить свой долг по отношению к родине, которое подсказывает им совесть христианина. В то время как солдаты проливают свою кровь, пусть их братья великодушно дают золото...".

В 1916 году, когда в Англии проводился закон об обязательной всеобщей повинности, в Ирландию были посланы три представителя французского духовенства, епископ Орлеанский, епископ Диньский и Баттифаль **„для моральной поддержки" проекта расширения обязательной воинской повинности у ирландцев**. („Прих. Лист," № 256 за 1916 год).

Для лучших успехов антигерманской агитации среди католиков и протестантов нейтральных стран французские попы организовали „католический комитет французской пропаганды за границей" под пред-



Церковная техника на войне. Походная церковь в автомобиле. Эта церковь—автомобиль была подарена антверпенским капиталистом бельгийскому королю Альберту. На кузове автомобиля герб Бельгии и под крестами надпись: Apostolus Iesu Christi". Фотография взята из журнала „Нива", № 35, 1916 г.

седательством ректора парижского католического института Бодрильяра и „протестантский комитет французской пропаганды".

Когда в католических французских газетах стала настойчиво проводиться мысль, что настоящая война „есть война между французским католичеством и немецким протестантством", французские протестантские организации выступили с заявлением, что они **„не менее католиков ненавидят немцев"**.

Так же, как и в других странах, попы усиленно работали на фронте. Декретом Мильерана было установлено, чтобы в армии были католические, протестантские попы, а также раввины,

„Ваш приход в настоящее время, пояснял духовенству Реймса кардинал Люсан, это полк, траншеи, походные госпитали, места, где расквартированы войска, санитарные поезда; любите его. Отдавайтесь ему".

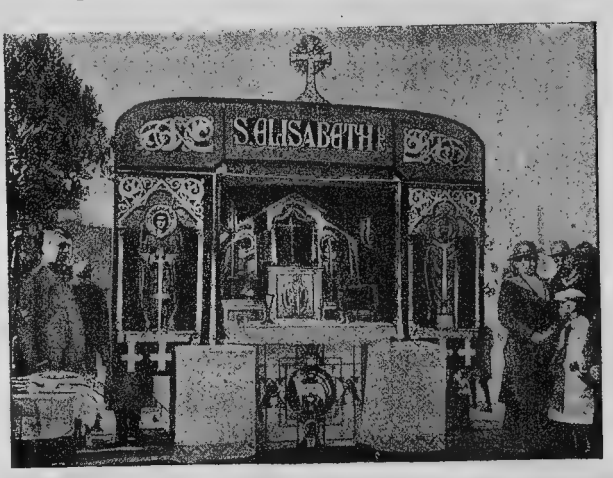
Особенное внимание было обращено на обработку солдат перед боем.

„Обычно,—сообщал „Приходский Листок“,—за час до битвы на открытом воздухе устраивался импровизированный алтарь и священник-солдат, окруженный солдатами-семинаристами совершает мессу“ и далее: „стройно возносится пение, часто его перерезывает звонкий сигнал рожка и только что молившиеся бегут навстречу немцам...— С нами бог—слышится в рядах...“.

— Такие же церемонии происходили по ту сторону фронта, что бы люди с большей энергией убивали друг друга на пользу капитала. Всего во французскую армию было призвано около 20.000 особ духовного сословия.

В правительственной и буржуазной печати усиленно восхваляли подвиги французских попов. **Церковная печать заявляла, что „в них сидит сам чорт“.**

Что-же: были ли эти „хранители чертей“, призывавшие французских рабочих и крестьян „пролить свою кровь до последней капли кро-



Эта же походная церковь—автомобиль в развернутом виде. Обратите внимание: с правой и с левой стороны видны две большие иконы с изображением святых, вооруженных большими мечами.

ви и терпеливо переносить даже смерть“,—были ли они сами в массе своей на позициях, рисковали ли они сами своей жизнью?

Нет! Их дело было лишь вдохновлять. „В госпиталях,—пишет,—А. Барбюсс,—кишат священники; эту же профессию можно прочитать на лицах санитаров, вахмистров, велосипедистов, привратников. Я лично никогда не видал священника на первой линии в мундире простого боевого солдата, в мундире тех, что выполняют утомительные наряды и борются со всеми лишениями“.

В рабочей печати французских попов сплошь и рядом называли „embosqués“, что значит „герои тыла“. („Церк. Вед.“ № 2 за 1916 г.).

В письмах солдат были следующие фразы:

„Я не знаю, какой солдат может сказать, что он видел в траншеях хотя бы одного миллионера или священника“.

Об этом сообщала сама церковная печать. Однако, Пуанкаре— война, выражая точку зрения французской буржуазии, сказал по адресу этих подвижников, что „нравственный уровень их“ в годы войны был „очень высок“.

Эти слова представителя французского капитала весьма показательны.

3. В итальянской армии.

В итальянской армии, сражавшейся, главным образом, против австро-венгерских войск, т. е., против таких же, как и они католиков, по сообщению газеты „Corriere della Sera“ было до 18.000 лиц духовного звания. Римский корреспондент французской газеты „La Croix“ сообщал следующие сведения об организации военных попов итальянской армии.

„В основу организации положен иерархический принцип. Во главе всего духовенства, обслуживающего армию, поставлен, по соглашению с папою, епископ-коад'ютор туринского диоцеза монсиньер Бартоломази с титулом „военного епископа“ (episqopus castrensis). Военное ведомство с своей стороны усвоило ему ранг генерала, наравне с заведующим интендантскою и медицинскою частями. Ему подчинены три генерал-викария, состоящие в ранге майора. Из них один имеет местопребывание вблизи северо-восточного фронта и находится в постоянном общении со священниками армии; другой управляет „курией“ военного епископа в Риме; третий заведует духовенством, служащим во флоте.

Бартоломази... на предоставленном в его распоряжение автомобиле быстро об'езжает местности, прилегающие к фронту, иногда принимает при этом участие в богослужении, совершаемом на переносном престоле, где-нибудь в русле высохшего потока, под грохот артиллерии на соседних высотах, произносит проповедь, читает с солдатами розарий. Он старается при своих поездках собирать около себя духовенство известного района для беседы, для чего входит в сношение с военным начальством, оповещающим священников. Около епископа составляется тогда нечто вроде конгресса. Сначала епископ говорит речь священникам, потом расспрашивает их об успехах их работы, о встречаемых затруднениях, о возникающих вопросах и дает наставления и советы. Под его же надзором находится духовенство, обслуживающее лазареты и госпитали. Военное начальство, во главе с начальником штаба генералом Кадорною, искренним католиком, относится к епископу с полной предупредительностью“.

В итальянской армии установился обычай, согласно которому полковой поп перед боем заранее давал отпущение грехов всему полку.

Многочисленные религиозные организации Италии, всевозможные об'единения и ордена, приняли самое старательное участие в милитаристической агитации и так же, как и в других странах, в продолжение всей войны верно служили капитализму.

XIX. КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ НА СЛУЖБЕ КАПИТАЛА ПО ОБЕ СТОРОНЫ ФРОНТА.

В годы мировой войны „непогрешимый папа“ оказался в несколько затруднительном положении. В самом деле, на стороне Антанты была Франция, которую сотни лет считали „старшей дочерью“ папского престола, на стороне Антанты выступила Италия, где господствующей была католическая церковь, тут же находилась католическая Бельгия и, кроме того, крупные католические организации находились и в других странах Антанты, как, например, в Англии. С другой стороны, по ту сто-

рону фронта была католическая Австро-Венгрия и Германия с ее 24 миллионами католиков.

Папские дипломаты и сам „непогрешимый наместник бога“ оказались в пиковом положении. С той и с другой стороны предпринимались меры с целью об'явить папу своим союзником. Конечно не ради прекрасных папских глаз и не ради нескольких сотен гвардейцев, составлявших личную охрану папы,—нет, голос папы как те, так и другие разбойники империализма рассчитывали использовать для того, чтобы с большим успехом посылать на поля битв католиков своих стран, с папского благословения.

На чью сторону встать?

Эту затруднительную задачу католическая церковь разрешила в полном соответствии со своими традициями. В этом отношении прежде всего показательно послание о войне папы Бенедикта XV от 1 ноября 1915 года.

В этой замечательной энциклике папа об'яснял источники войны. „Причины общего неустройства,—писал он,—состоят в том, что для народа уже не свят авторитет тех, которые начальствуют... повсюду развелось стремление к безудержной свободе, соединенное с духом заносчивости. Отсюда рождается презрение к законам, отсюда—массовые беспорядки, отсюда старание порицать всякие распоряжения. В виду такого извращения в мыслях и действиях... напоминаем народам о том учении, которое не могут изменить никакие человеческие прихоти: Несть власти, аще не от бога; сущие же власти от бога учинены суть (Рим. 13, I). Итак, кто бы ни начальствовал среди людей, идет ли речь о верховной власти, или о подчиненных ей низших властях, происхождение его авторитета божественно“.

Такими мыслями, утверждающими богоустановленность, с одной стороны власти Вильгельма II, его юнкеров и шуцманов и, с другой стороны, Николай II, жандармской палки и городового,—такими мыслями поучал крестьян и рабочих всех стран „наместник бога“.

Дальнейшие рассуждения о причинах войны еще более интересны:

„Пролетарии и рабочие... пропитанные лживыми теориями известных агитаторов, привыкшие следовать их малейшему жесту, они не в силах внять убеждению, что **из одинаковости природы еще не следует, что все должны занимать одинаковое положение в обществе**“. Тем же рабочим, которые не соглашались с этим папа указывал, что они: „Восстают не только против любви и справедливости, но и разума“.

В этом же послании папа об'яснял, что против буржуазии нельзя выступать, т. к. ей „трудолюбие доставило изобилие благ“. Затем указывалась следующая прекрасная перспектива: „Высшие **некоторым образом** сблизятся с низшими и будут относиться к ним не только справедливо, но доброжелательно, кротко и терпеливо“.

Как же должны относиться рабочие к капиталистам и крестьяне к помещикам?

Папа отвечал: **надо „радоваться их благополучию“.**

Для несогласных указано было: „По воле божьей **между богатством, славой и удовольствием, с одной стороны, и блаженством с другой, существует такое различие, что тот, кто старается получить действительное блаженство, должен отказаться от всего этого:** блажени нищие, блажени плачущие, блажени есте, егда поносят вам. **Только через скорби, неприятности, бедствия этой жизни открываем мы путь к совершенным и вечным** благам, уготованным богом любящим его (I Кор. 2,9)“.

Дав такой рецепт трудящимся, где земные страдания перемешаны с небесными журавлями, папа заключает: „Это учение имеет чрезвычайную важность". („Ц. В. 1915 г., № 6, стр. 45—6).

Таково было содержание первого послания о войне Бенедикта XV, послание, написанное в то время, когда весь мир заливался кровью. Оно ставило себе задачу угодить хозяевам папы на обеих сторонах фронта и папа, „непогрешимый папа", ясное дело, цели достиг.

Не менее типичны мысли из других папских посланий, так, например, от 23/I—1915 г.

„Месяцы следуют за месяцами,—писал папа,—и нет никакой надежды, чтобы эта гибельнейшая война или, лучше сказать, бойня, окончилась в скором времени. Хотя мы и не имели возможности, как хотели бы, способствовать скорому окончанию этого действия, но пусть же нам будет дозволено смягчить горести, с ним связанные. Для этой цели мы уже, насколько зависело от нас, потрудились и, поскольку допускают обстоятельства, не перестанем трудиться.

Наша совесть не позволяет нам итти в этом отношении дальше. Долг римского первосвященника, как поставленного богом высшего истолкователя и защитника вечного закона, учить, что никому, и ни по какой причине, не дозволительно нарушать справедливость. И мы самым открытым образом учили, что всякие правонарушения, откуда бы они не исходили, достойны сурового осуждения. Но вмешивать папский авторитет в самые расчеты воюющих—это было бы неудобно и бесполезно. Всякий, кто судит о деле благоразумно, видит, что хотя апостольский престол не может не отнестись с величайшим вниманием к этому состязанию, **однако, он не должен принимать чью-либо сторону**, ибо римский папа, как наместник самого христа, умершего за каждого из всех людей, должен обнимать своею любовью всех сражающихся, а как отец католического мира, имеет на обеих сторонах многочисленных сынов, о спасении коих он должен заботиться. Итак, должно обратить внимание не на их частные интересы, из-за которых они разделяются между собою, а на связывающие их общие узы веры. В противном случае не только не будет оказано содействие делу мира, но и, вследствие вызванной неприязни к религии, будет подвергнуто большим смутам самое внутреннее спокойствие и согласие церкви... Да будет дозволено просить о гуманности тех, которые, сражаясь, взошли в чужие пределы, **чтобы они не наносили этим странам опустошений больше, чем необходимо для их оккупации**... Мы легко понимаем, как тяжело подчиняться иностранцам тем, землю которых займет неприятель. Но мы желаем, чтобы они, стараясь вернуть свободу, не затрудняли бы власть в деле общественного управления и не ухудшали бы значительно этим своего положения".

Из этого послания следовали выводы такого рода. Во-первых, наместник самого христа не считал возможным „итти дальше" для прекращения „гибельнейшей войны", и предлагал вместо этого прекрасный совет „не нарушать справедливости" ,причем, конечно, не разъяснялось, какие зверства эта самая справедливость разрешает и запрещает.

Во-вторых, заботы папы „об обоих сторонах" выразились в пожелании „не наносить" захваченным странам „опустошения больше, чем необходимо для их оккупации" и, следовательно, империалисты, если они признают необходимым в интересах оккупации „нанести опустошения", то это благословлялось.

В-третьих, папская справедливость сочла необходимым обратиться к населению оккупированных местностей с призывом „не затруднять власть" захватчиков и грабителей обоих империалистических банд.

Неправда ли, показательная политика!

Подобная политика считала необходимым соблюдать нейтралитет, дабы не помешать истреблению рабочих и крестьян, эта политика оказывалась благожелательной к обоим шайкам империалистов.

В июне 1915 г. папа дал аудиенцию редактору французской газеты „La Liberte“ Латапи. Эта беседа в свое время наделала много шума и весьма поучительна. Папа заявил Латапи, что он не считает возможным протестовать против всех зверств и насилий творимых войсками Вильгельма, так, например, расстрелов священников, насилий над женщинами, бомбардировки мирных городов“ и т. п., так как войска Антанты совершают такие же насилия. На вопрос Латапи, как относится святейший отец к потоплению „Луизитании“, в связи с чем погибло свыше тысячи невинных людей, папа сказал, что блокада двух империй, осуждающая на голод миллионы невинных существ, также не внушена гуманными чувствами.

В заключение Латапи задал следующий вопрос своему собеседнику:

— „Можно ли ждать какой-либо инициативы со стороны вашего святейшества в пользу мира?

Папа ответил:

„Мне кажется, что час еще не пришел. Я не должен чего-либо предпринимать иначе, как с полной уверенностью в успехе, чтобы не ослабить нравственный авторитет, полученный мною от бога.

Итак, скажите,—закончил папа,—что святая кафедра есть отец, который одинаково любит всех своих детей“.

Эта беседа замечательна! В самом деле, как можно осудить одних разбойников империализма, когда все они одним лыком шиты, а осудить тех и других, ясное дело, невозможно, ибо это противоречило бы приказам бога-капитала. Нисколько не хуже и заключительные слова, о том, что „не пришел час“ выступить „в пользу мира“, т. к. это „ослабит нравственный авторитет папы, полученный от бога“. „Святая кафедра“, видите ли, любит одинаково всех своих детей и посему благословляет их истребление.

Представители религиозных организаций и католические газеты стран Антанты многократно обращались к папе с вопросом, осуждает ли он нарушение Германией нейтралитета Бельгии. На этот вопрос папа давал уклончивый ответ, что „это произошло в папствование Пия X“. Впоследствии, в ряде иностранных газет было опубликовано письмо папского статс-секретаря кардинала Гаспарри к представителю Бельгии при Ватикане Ванд-ден-Гевелю. В этом письме Гаспарри высказывал предположение, что „папа осудил нарушение Германией нейтралитета Бельгии“. Гаспарри „доказал“ это следующими рассуждениями. „В своей речи в консистории 23 января папа осудил всякую несправедливость с какой бы стороны и во имя чего она бы не совершалась. Между тем, сам германский канцлер Бетман-Гольвег признал 4 августа минувшего года, что Германия нарушила нейтралитет Бельгии и, таким образом, совершила несправедливость“.

Отсюда Гаспарри делал вывод, что папа осудил Германию. Не правда-ли хорошее „осуждение“!

Предпринимал ли непогрешимый наместник христа какие-либо меры к тому, чтобы прекратить бойню, пожиравшую миллионы людей.

Образцом таких мер является молитва о мире, которую 7 февраля 1915 г. читали во всех римско-католических церквах по папскому повелению.

Вот ее текст: „Пораженные ужасами войны, разрушающей народы и нации, прибегаем, Иисусе, как к последнему спасению, к твоему вселюбящему сердцу; тебя, бога милосердия, со слезами молим положить конец лютому бичу; тебя, царя мира, просим поспешить даровать нам желанный мир. Из твоего божественного сердца ты излил в мир любовь, чтобы прекратить всякое несогласие и царствовала в людях одна любовь: когда ты жил на земле, твое сердце билось самым нежным состраданием к человеческим бедствиям. О пусть будет тронуто оно и в этот тяжелый для нас час гибельной ненависти и страшного истребления. Сжалься над столькими матерями, сокрушающимися об участи сынов своих; сжалься над столькими осиротевшими семьями, потерявшими отцов; сжалься над несчастною Европою, над которой тяготеет такое разрушение. Внуши правителям и народам кроткие намерения, умири раздоры, терзающие нации, обрати людей к взаимному лобзанию мира ты, ценою крови своей соделавший их братьями. И как некогда на молитвенный вопль ап. Петра: „спаси нас, господи, ибо мы погибаем“. ты милостиво ответил, укротив море во время бури, так и ныне отзовись милосердно на наши молитвы и возврати возмущенному миру спокойствие и мир. И ты святейшая дево, как и прежде во времена страшных испытаний, помоги нам, защити нас, спаси нас. Да будет“.

Католические епископы как во Франции, так и в других странах об'ясняли своей пастве, что „папа разумеет мир, основанный на торжестве права и справедливости, и что католики приглашаются молиться не только о мире, но и о победе“.

Не трудно ответить на вопрос о том, какую цель преследовали попы чтением подобной молитвы. Эта молитва должна была отвлечь трудящихся как Антанты, так и центральных держав от действительной борьбы за мир и, таким образом, служила международному капиталу.

Опыт чтения молитвы очевидно оказался удачным и 9 апреля 1915 г. последовал папский декрет, в котором указывалось, что „папа Бенедикт XV, движимый благочестивым желанием возвысить почитание пресвятой девы, которой посвящен месяц май, и вместе одушевленный уверенностью, что предстательство богоматери, которая среди прочих титулов имеет и титул „царицы мира“, может очень скоро положить конец нынешней войне, распорядился, чтобы во всем католическом мире ежедневно на службах Мариина месяца читалась составленная им молитва о мире, и об'явил, что за чтение этой молитвы однажды в день верующие получают индульгенцию в 300 дней, а за участие в чтении ее не менее 20 раз получают по обычной форме церкви полную индульгенцию“.

За подобного рода деятельность „в пользу мира“ в 1916 г. некоторые буржуазные ученые Европы (например, президент Венгерской Академии Наук Берзевици) предложили присудить премию мира папе Бенедикту, мотивируя это предложение тем, что папа своими энцикликами и заявлениями поддерживает идею мира. (Ц. В. № 24—1916 г.).

Однако, папа не всегда отыгрывался на лицемерии.

Иногда он вполне откровенно выяснял сущность своей политики. Это видно, например, из его благословений военно-католическим организациям войск Антанты, причем святейший отец даже жертвовал деньги на организацию милитаристической работы в армии.

Католические организации всех воюющих стран делали все возможное, чтобы услужить своему хозяину капиталу. С этой целью создавали специальные военно-католические организации в армиях (во Франции, Англии, Германии, Австро-Венгрии, Италии, России и т. д.),

оказывали материальную поддержку, печатали соответствующие обращения. Однако, посылаемые на убой массы трудящихся узнавали, что по ту сторону фронта такие же католические попы учат католиков убивать католиков и вот между католическими попами воюющих стран возникает письменная перестрелка, с тем, чтобы опорочить прислужников чужого империализма, с тем, чтобы завоевать мнение католических организаций нейтральных стран и, таким образом, оказать помощь своей дипломатии. Документы этой словесной войны весьма интересны. В марте 1915 г. во многих французских газетах было опубликовано воззвание католической ассоциации французской молодежи, насчитывающей до 125.000 членов, к молодежи других стран, с целью помешать стараниям Германии привлечь на свою сторону симпатии всего католического мира.

Воззвание гласило: „Против наглых утверждений, иротив попытки некоторым образом мобилизовать католический мир мы французские католики, заявляем протест. Мы обращаемся к вам, католики, с чистою совестью, в особенности обращаемся к католической молодежи, собиравшейся на всемирных евхаристических конгрессах. Дело Германии— это дело силы. Дело идет о том, чтобы показать, есть ли независимость народов и уважение к договорам лишь пустые слова, творит ли сила право и оправдывает ли успех несправедливость. Дело идет о том, существуют ли законы, обязательные как для государства, так и для отдельных лиц, нарушить которые нельзя никому.

Успех Германии был бы торжеством силы над правым, апогеем зверского материализма, порабощением всего мира. Примириться с этим христианская совесть не может...“

И если прочесть соответствующие воззвания католических организаций Германии и Австро-Венгрии, то там писали тоже самое.

Осенью 1915 г. католические епископы Германии обратились к папе с жалобой на французских католиков и французских епископов, якобы, оклеветавших немецких епископов. Папа в своем ответе писал: „Вы можете представить, какова моя скорбь при современных обстоятельствах, когда день и ночь перед моими глазами стоят образы стольких убитых и стольких несчастных народов. Мы видим, что среди масс, которые всего сильнее страдают от бедствий войны, всего сильнее пробуждается и стремление к миру, но, вместе с тем, **мы желаем, чтобы** это **стремление к миру руководилось духом терпимости...**

Тот, кто полагал бы, что дозволительно словом или пером осуждать образ действий католиков других стран, впал бы в тяжелые заблуждения, т. к. он поддерживал бы пожар, который разум человеческий и чувство любви должны бы потушить. Вот почему мы умножаем свои моления за восстановление мира, такого мира, который бы удовлетворил народ, и мы увещеваем всех католиков оставить всераспри и содействовать посредством взаимной братской любви общему согласию в пользу восстановления такого мира“.

Что говорить, ответ ловкий!

В стремлении к миру, руководствуйтесь, дескать, „духом терпимости“ и не осуждайте католиков враждебных стран, дабы не было соблазна. А сам я придерживаюсь нейтралитета, вы же режьте друг друга.

Таким образом, вся политика папской лавочки и католической церкви была сидением на двух стульях в угоду империалистам воюющих стран и, вместе с тем, содействовали наибольшему истреблению католиков.

Угождая захватчикам и поработителям с той и с другой стороны, папа считал своим святым долгом в нужном случае отвешивать им и чрезвычайные реверансы. Он посылал хвалебную телеграмму Вильгельму II, где отмечал его „христианскую любовь к людям“. Дипломатическая мудрость папы особенно сказывалась, когда ему предлагали вопрос, которая из воюющих сторон виновна. Папа скромно отвечал, что он: „воздерживается от выражения своего мнения“.

Признавая „принципиально“ недопустимым участие католических ксендзов в войне с оружием в руках, „католическая церковь... на практике не запрещала клирикам повиноваться призывам на военную службу“. („Ц. В.“, № 39 за 1916 г., стр. 964).

XX. МАГОМЕТАНСТВО НА СЛУЖБЕ ИМПЕРИАЛИСТОВ ВСЕХ СТРАН.

Магометанство в годы мировой войны также верно служило империалистам как иудейство и христианство.

С благословения христианина Вильгельма, турецким султаном была об'явлена „священная война“. Под этим соусом германо-турецкие империалисты надеялись лучше одурачить турецких крестьян и рабочих, под этим соусом на сторону центральных держав и Турции надеялись привлечь тех магометан, которые жили в странах Антанты.

Были сделаны попытки распространить соответствующие воззвания в странах с магометанским населением. В связи с этим усиленно распространялись слухи о том, что Вильгельм „истинный друг“ и „покровитель“ *) ислама.

Однако, империалисты Антанты приняли противоположные меры и многие религиозные магометанские организации союзных стран не только не послушались голоса германского капитала, так ловко говорившего в данном случае от имени аллаха, но сами призвали магометан исполнить приказания „поставленных аллахом“ английских, французских и российских чиновников.

В качестве примера привожу „Воззвание к мусульманам Индии“, распространявшееся в Индии от имени имама Ага-хана:

„К мусульманам!

Воззвание его высочества Ага-хана, духовного главы Хойской магометанской общины и председателя Все-Индийского мусульманского союза.

С глубокою скорбью я вижу, что турецкое правительство поддалось под руку Германии. Действуя по ее приказу, оно подняло без всякой причины безумную войну против могущественнейших государей в мире—императора Индии и короля Англии и императора и царя всероссийского. Начато это безумное дело не по свободной воле султана, а по самоуправству германских офицеров и других не мусульманских начальников, которые силой заставили его султанское величество подчиниться их желанию.

Германия и Австро-Венгрия выдают себя за бескорыстных друзей ислама. Но это ложь и обман. Австрия отняла у Турции Боснию, а Германия давно уже старается присвоить себе верховную власть над Малой Азией и Месопотамией, в том числе над Кербелой, Неджедом и Багдадом. Если немцам удастся такой план—да поразит его небо—то Германия сделается полной владычицей Турции и станет царить над священными мусульманскими городами.

---

*) В странах с магометанским населением распространяли слухи, что Вильгельм „потомок сестры пророка“.

Война происходящая в Европе, ничем не угрожала исламу и нашей религии. Точно также не было никакой опасности для Турции, так как Британская и Российская империи и Французская республика дали торжественное обещание сохранить Турции все ее земли и полную независимость, если она останется в покое.

Турция пребывала хранителем ислама и весь мир согласился оставить под ее владычеством священные города. Ныне же она на погибель свою предала себя в подчинение Германии и сделалась игрушкой в германских руках. Этим она не только погубила себя, но перестала быть охранительницей ислама, и настало для нее горе и беда.

Обнажив, по приказу Германии, меч на защиту нечестивого дела, Турция будет разрушена, и более не будет ее, как великой державы. Ибо никто не может победить столь могучих государей, как император и король Индии и Англии и царь всероссийский; в их войсках находятся многие тысячи мусульман и храбро сражаются за своих государей.

Все должны поэтому помнить, что Турция начала войну не за ислам и не для обороны своей независимости. Ибо им не грозило никакой опасности.

Итак, всем нам, мусульманам, надлежит оставаться верными долгу присяги и покорными повелениям наших государственных и духовных властей".

При помощи подкупов и обещаний английская дипломатия сумела оторвать от Турции арабские племена и благодаря этому достигнуть серьезных успехов в Сирии и Месопотамии. Само собой разумеется, что дело не обошлось без религиозной подкладки.

Летом 1916 года от имени мусульманских общин Великобритании среди мусульманских общин в английских колониях было обнародовано следующее воззвание:

„В течение долгих лет арабы, страдая от дурного управления турецкого правительства, горячо надеялись на то, что наступит день, когда они смогут вновь добиться своей прежней свободы; поэтому в прошлом происходило много восстаний в Аравии против турецкого владычества.

Злодеяния современного константинопольского правительства и его полное подчинение германскому влиянию вынудили Турцию ввязаться в пагубную войну, и это обстоятельство довело дело до кризиса.

Великий шериф Мекки и другие вожди Аравии решили, что именно теперь наступил момент для того, чтобы сбросить турецкое иго и утвердить свою независимость. Англия всегда благосклонно относилась к надеждам арабов, но раньше ее традиционная дружба с Турцией вынуждала ее держаться в стороне от указанного движения.

В настоящее время Турция, соединив свою судьбу с судьбой центральных держав, предоставила Англии свободу на практике доказать свое распоряжение арабам, которые стали на сторону союзных наций в борьбе против общего врага.

Постоянная политика английского правительства заключалась в том, чтобы воздерживаться от какого-либо вмешательства в религиозные вопросы, но в то же время не щадить никаких усилий для защиты священных мест ислама против какого-либо посягательства извне. Является незыблемым принципом британской политики, что эти места должны оставаться под управлением и властью независимых мусульман.

Военные обстоятельства принесли с собой много затруднений и опасностей на пути тех, кто хотел отправиться на поклонение священным местам. Но действия великого шерифа Мекки дают основание наде-

яться, что можно будет принять такие меры, в силу которых паломники впредь получат возможность в мирной и безопасной обстановке посещать свои святыни".

Эти примеры показывают, что магометанство было верным слугою империалистов.

XXI. КАК КОНЧИЛАСЬ ВОЙНА.

1. Большевики и война.

Российская социал-демократическая партия (большевиков) с первых же дней мировой бойни об'явила решительную войну войне. Партийные организации Москвы, Ленинграда, Киева, Ростова на Дону и других городов выпустили прокламации, в которых об'ясняли рабочим истинное значение бойни, призывали к борьбе с царизмом, к превращению империалистической войны в войну гражданскую. Однако действовать приходилось в очень тяжелой обстановке, т. к. царское правительство беспощадно громило рабочие организации, арестовывало виднейших работников, путем провокации и насилий старалось сломать и уничтожить партийные большевистские организации.

26 июля на заседании Государственной Думы от имени социал-демократической фракции была оглашена декларация, заявившая, что „в международной солидарности пролетариата всего мира человечество найдет средство к скорейшему прекращению этой войны". Делегаты большевиков отказались голосовать за кредиты на войну.

В манифесте, выпущенном Центральным Комитетом партии от 1 ноября и написанном рукою тов. Ленина, были разоблачены грабительские цели империалистов воюющих стран и указаны задачи партии пролетариата. Манифест заявлял, что „с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царского правительства, угнетающего наибольшую массу населения Европы и Азии". Задачу социалистов манифест указывал в том, чтобы „превратить современную империалистическую войну в гражданскую (т. е. в войну против правительств и буржуазии)—такова единственная правильная задача социалистов, оставшихся верными социализму".

В первых числах ноября 1914 г. царское правительство арестовало и вскоре сослало в Сибирь 5 думских депутатов большевиков.

Состоявшийся в марте 1915 г. в Швейцарии с'езд заграничных групп большевиков в выработанной им программе заявлял:

„В каждой стране борьба со своим правительством, ведущим империалистическую войну, не должна останавливаться перед возможностью в результате революционной агитации поражения этой страны. Поражение правительственной армии ослабляет данное правительство, способствует освобождению порабощенных им народностей и облегчает гражданскую войну против правящих классов.

В применении к России это положение особенно верно. Победа России влечет за собой усиление мировой реакции (господства буржуазии и помещиков), усиление реакции **внутри** страны и сопровождается полным порабощением народов в уже захваченных областях. В силу этого поражение России при всех условиях представляется наименьшим злом".

В этих словах вполне верно было указано будущее, ибо действительно поражение армии было матерью революции в феврале 1917 г.

В противовес большевикам, социал-предатели служили буржуазии не за страх, а за совесть. На вопросы, как прекратить войну, они

отвечали патриотической агитацией и иногда говорили: „Надо настаивать, чтобы правительства прекратили войну и заключили справедливый мир". Подобные советы, ясное дело, были в интересах империализма, т. к. настоящий мир можно было бы заключить трудящимися лишь свергнув буржуазное правительство. Предательская роль меньшевиков сказалась также в их стремлениях втянуть представителей рабочих организаций в военно-промышленные комитеты, организованные буржуазией, стремившейся таким путем наладить производство орудий истребления и, заодно, потуже набить карманы. Буржуазия была согласна привлечь рабочих к участию в эти комитеты, чтобы отвлечь их от революционного движения и морочить им головы. Меньшевики во главе с Гвоздевым организовали при Центральном Военно-Промышленном Комитете „рабочую группу".

Наступил семнадцатый год.

К этому моменту царское правительство полностью выявило свои распутинские качества, свою внутреннюю гнилость. В феврале рабочие и крестьяне свергли царизм. У власти стала двуличная буржуазия, организовавшая правительство, бывшее,—как указывал тов. Ленин,—„правительством продолжения империалистической бойни, правительством захвата, не отказавшимся ни звуком от царской политики".

Это правительство в угоду англо-французскому капиталу и своим захватническим целям стремилось продолжать войну, продолжать истребление трудящихся масс. „В нашем отношении к войне,—писал тов. Ленин в своих известных тезисах,—которя со стороны России и при новом правительстве безусловно остается грабительской, империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки „революционному оборончеству„.

В этих же тезисах, разоблачая меньшевистскую болтовню о „революционной войне". тов. Ленин писал:

„На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий (захватов) на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала".

Рабочие и солдатские массы, своими демонстрациями 21 апреля и 18 мая, показали, что они не хотят гибнуть за интересы капитала.

Однако буржуазия и социал-предатели во главе со своим фигляром Керенским продолжали прежнюю политику.

18 июня армия была брошена в наступление. В это время орган партии большевиков „Правда" писала:

„Наступление об'явлено во имя мира. Но „во имя мира" бросают войска империалисты всех стран... Этот обычный прием всех империалистов русские министры из „социалистов" разукрасили самыми трескучими фразами... Никакими трескучими фразами не прикрыть того факта, что революционная армия России послана в бой во имя грабительских целей Англии, Франции, Италии, Японии, Америки... С неустанной энергией будем мы продолжать разоблачать политику правительства, решительно предостерегая попрежнему рабочих и солдат против нелепых надежд на разрозненные, отдельные выступления. Дело в этапе общенародной революции"...

Как известно—наступление лопнуло.

Буржуазная, поповская и меньшевистская печать начали усиленную травлю солдат, обливая их потоками грязи.

3—5 июля Ленинградские рабочие выступили на улицы с требованием передать всю власть Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и свергнуть правительство империалистов—капиталистов. С помощью социал-предателей это движение буржуазия постаралась разгромить. Для борьбы с большевиками не стеснялись никакими средствами. Все было пущено в ход: грязная клевета, „свидетельства“ полицейских, грубое насилие и т. п.

Однако у рабочих и крестьян раскрылись глаза и вскоре 25 октября, (7 ноября) рабочие, солдаты и матросы под руководством партии большевиков взяли власть, свергнув правительство прислужников капитала. С'езд Советов избирает рабоче-крестьянское правительство: Совет Народных Комиссаров.

26 ноября с'езд утверждает декрет о мире.

Заключительные слова декрета, обращенные „к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств—Англии, Франции и Германии“ высказывало надежду, „что эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветно-энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплоатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплоатации“.

На это воззвание Антанта ответила молчанием, также как и начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Духонин. Этот генерал не пожелал исполнить приказания о начале переговоров с немецким командованием и был смещен.

Совет Народных Комиссаров назначил главнокомандующим т. Крыленко и обратился непосредственно к солдатам со следующим воззванием:

... Солдаты, дело мира в ваших руках! Вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционной армии самосудов и помешать этим генералам уклониться от ожидающего их суда. Вы сохраните строжайший революционный и военный порядок.

Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры с неприятелем. Совет Народных Комиссаров дает вам право на это. О каждом шаге переговоров извещайте нас всеми способами. Подписать окончательный договор о перемирии в праве только Совет Народных Комиссаров.

Солдаты! Дело мира в ваших руках! Бдительность, выдержка, энергия, и дело мира победит“.

Тов. Крыленко действовал энергично и вскоре в Брест была отправлена наша делегация для переговоров о мире.

Стараясь опорочить Рабоче-Крестьянское правительство, буржуазная печать заявляла, что, якобы большевики, хотят заключить сепаратный мир. Подобное обвинение было ложью, т. к. Советская власть с предложением о мире обратилась ко всем воюющим государствам, их правительствам и народам.

С целью разоблачить грабительские цели войны, Советское правительство опубликовало тайные договоры царского правительства с союзниками.

Мирные переговоры начались 9 ноября.

Германский империализм в начале согласился с формулой мира „без аннексии и контрибуции“, но в дальнейшем пред'явил грабитель-

ские требования. В это время в Вене и Берлине начинается забастовочное движение и образуются даже Советы Рабочих Депутатов. Германской буржуазии удалось это движение задавить.

В это время Украинская рада заключает с Германией сепаратный мир, согласно которому обязуется снабжать Германию и Австро-Венгрию хлебом и другими продуктами. Взамен этого империалисты центральных держав обязались своими войсками задавить Советскую власть на Украине.

11 февраля 1918 года германская делегация предложила нашей делегации ультиматум немедленно подписать выработанные ими, очень тяжелые для нас, условия мира.

Январьская стачка,—писал Л. Д. Троцкий,—в Германии говорила о том, что сдвиг начался. Какова глубина сдвига? Не нужно ли попытаться поставить немецкий рабочий класс и немецкую армию перед испытанием: с одной стороны рабочая революция, об'являющая войну прекращенной, с другой стороны—гогенцоллерновское правительство, приказывающее на эту революцию наступать".

И вот, российская делегация решает провозгласить лозунг „ни мир—ни война", отказывается подписать условия мира, выработанные германскими империалистами и, в тоже время заявляет, что мы не будем продолжать войну,

Тов. Ленин высказывал опасение, что „германский империализм, что весьма вероятно, окажется достаточно силен, чтобы открыть против нас наступление,—что тогда?".

Опасения тов. Ленина оправдались и германские войска, еще послушные генералам Вильгельма, были брошены в наступление, они заняли Двинск, Псков, Нарву и угрожали Ленинграду. Ввиду такого положения, чтобы спасти революцию, Советская власть согласилась заключить мир.

Германские империалисты, пользуясь создавшейся обстановкой, потребовали от нашей делегации подписания условий еще более тяжелых. Германские социал-предатели против этих условий не возражали.

3 марта 1918 года мир был подписан и, конечно, иначе действовать было невозможно. „Отказ от подписки похабнейшего мира,—писал тов. Ленин,—раз не имеешь армии, есть авантюра, за которую народ в праве винить власть, пошедшую на такой отказ".

IV с'езд советов ратифицировал договор.

Буржуазия, меньшевики и эс-еры за подписание мира постарались, елико возможно, облаять Советскую власть...

Прошло несколько месяцев в Германии и Австро-Венгрии вспыхнуло революционное движение и Брест-Литовский договор разлетелся в прах.

Таким образом этот договор спас революцию и нанес удар мировой бойне.

2. ВЕРСАЛЬСКИЙ ДОГОВОР.

Все разговоры о скором окончании бойни оказались ложными. Война продолжалась до полного истощения воюющих стран как людьми, так и хозяйственными рессурсами.

Германия, несмотря на численное превосходство войск ее противников, упорно сопротивлялась. В 1918 году весной был даже момент, когда ее войскам удалось сделать прорыв на западном фронте

и германские генералы надеялись на победу. Тем не менее, ее участь была решена еще в 1917 году, когда американские капиталисты присоединились к числу ее противников. Союзники Германии, Австро-Венгрия, Турция, и Болгария начинают терпеть поражения и выбывают из строя. Американский капитал перебрасывает в Европу воздушный флот, снабжает Антанту всевозможными материалами, переправляет свои войска.

„Америка,—писал Людендорф в своих воспоминаниях,—вступила в войну в критический для Антанты момент. В 1918 году Соединенные Штаты помешали нам победить".

Конечно, большой вопрос, каковы были бы итоги войны без вмешательства Америки, но, во всяком случае, это вмешательство в данных условиях, сыграло решительную роль.

Голод, падение дисциплины, массовое дезертирство—принимают грозные размеры.

5 октября 1918 год германское правительство обратилось к союзникам с заявлением, что оно готово заключить мир на основании „14 пунктов Вильсона" американского президента.

Согласно этим условиям, победители не должны были брать с побежденных контрибуций, захватывать чужие земли и при передаче земель должно было быть принято во внимание прежде всего желание населения.

Союзники согласились на переговоры о мире и предварительно было заключено перемирие.

Договор получил название Версальского, по городу Версаль во Франции, где были выработаны его условия.

Каков же был его характер?

Прежде всего необходимо отметить, что представители Германии даже не принимали участия в выработке его условий, их заставили подписать те условия, которые были выработаны представителями Антанты.

Представителем французского капитала был знаменитый „тигр" Клемансо, представителем английского капитала—Ллойд-Джордж, от Италии был Орландо и от С.-А. Штатов—явился Вильсон. Лучшие буржуазные юристы и софисты работали над тем, чтобы посредством лицемерных фраз замазать действительный, грабительский смысл договора.

„На немцев,—заявил Клемансо,—со всей убедительностью можно воздействовать только дубьем, переговоры с ними излишни; им необходимо диктовать условия. Только в таком случае немец будет уважать вас и не надует вас".

Английский министр Эрик Геддст в избирательной речи в Кембридже заявил:

„Мы выжмем Германию, как лимон, и, даже, больше лимона. Я буду выжимать ее, пока не раздавлю всех зернышек. Необходимо отнять все имущество у Германии в нейтральных странах, а все ее золото, серебро, драгоценности, сокровища картинных галлерей и библиотек распродать и выручку передать союзникам. Я хочу обнажить Германию"

Газета английской буржуазии „Times" в передовице от 8 декабря 1918 г. заявляла, что „единственным мерилом определения платежеспособности Германии должны быть интересы самих союзников".

Руководствуясь подобными стремлениями, „доблестные союзники" приступили к выработке условий договора. Представители 27 союзных держав, с одной стороны, и Германия с другой подписали этот договор в марте 1919 года. Смысл его был ясен, договор преследовал цель добить

Германию. От нее были отобраны все колонии как в Африке так и в Азии; от нее же были забраны и присоединены к другим странам Эльзас-Лотангия, значительная часть Селезии и другие области.

Для того, чтобы иметь основание наложить контрибуцию в 132 миллиарда золотых марок, союзники значительно увеличивали цифры ущерба, действительно нанесенного мирному населению их стран. Так, например, по сообщению Кейнса, (английского ученого экономиста) „размер пред'явленных Германии Бельгией требований превышает общую сумму довоенного богатства страны".

ВОЙНА ВОЙНЕ

. . . Кресты на могилах и крест на груди . . .
(Франс Мазерель—Бельгия).

Характеризуя политику союзников по отношению к Германии, бывший итальянский премьер и известный ученый Нитти писал:

„При строгом проведении Версальского договора в жизнь должны разориться не только побежденные, но и победители. Сен Жерменский, Трианонский и Севрский договоры, ничуть не лучше и содержат в себе некоторые еще более абсурдные положения. Договоры эти проникнуты независимостью и чувством мести. Договоры,—как выразился один из видных деятелей Антанты,—являются средством продолжать войну против неприятеля и в мирное время".

Венская „Рабочая газета" писала о Сен-Жерменском договоре (договор с Австрией):

„Никогда еще существо мирного договора столь грубо не изобличало намерений, которыми руководились авторы этого договора... Каждое постановление его проникнуто жестокостью и злобою... и весь он ничто иное, как преступление против человечества, против страдающего и распинаемого народа".

Таковы были „справедливые" договоры заключенные с побежденными.

Единственным лозунгом руководились союзники и этот лозунг „горе побежденным".

Согласно договора союзники оккупировали левый берег Рейна и одни лишь французские войска насчитывали 130 тысяч человек.

„Французские и бельгийские войска,—сообщает Нитти,—третировали население, как туземцев вне-европейских колоний. Официально требовали немецких женщин и заставляли общину открывать и содержать публичные дома. На этот предмет до конца октября 1921 г. государство отпустило, как это видно из одной ноты, 802 тысячи марок, не говоря уже о более крупных суммах из местных средств".

Таков был Версальский договор, затянувший петлю на шее германского рабочего и крестьянина, втянутых германскими капиталистами в бойню, таков был мир, в котором капиталисты посеяли новые семена ненависти и милитаризма.

XXII. ВЫВОДЫ.

Противоречивые интересы различных шаек капиталистов с каждым днем угрожают возможностью нового мирового пожара. Характеризуя подобную „передышку“ тов. Ленин писал:

„Мирные союзы подготовляют войны и, в свою очередь, вырастают из войн, обусловливая друг друга, рождая передышку форм мирной и немирной борьбы из одной и той-же почвы империалистических связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики“.

Соперничество Англии и Франции, Соединенных Штатов Америки и Англии, Японии и Соединенных Штатов, оккупация Рура Францией, захват Италией острова Корфу и порта Фиуме, борьба из-за Марокко,—все эти, да и многие другие конфликты, свидетельствуют об истинном характере „мирной“ обстановки послевоенного периода, обстановки, насыщенной запахом порохового дыма.

И, вместе с тем, во всех буржуазных государствах наблюдается бешеный рост вооружений. Этот рост начался тотчас после подписания Версальского договора.

Вот небольшая таблица расходов на вооружение в золотых рублях:

	В 1913/24 г.	В 1921 г.
Соединенные Штаты	632 000 000	11.845.000.000
Англия	284 160.000	1.647.500.000
Франция	366.700.000	1.980.800.000

Значит, Америка затратила на вооружение в 1921 г. в 19 раз более, чем в год накануне войны, Англия—в 6 раз и Франция—в 5 слишком раз. Вот как „сокращались“ народам военные тяготы.

Накануне мировой войны постоянные армии в Европе насчитывали около 3 миллионов 800 тысяч человек. После войны армии Германии и Франции сократились на 700 тысяч, а Европа в 1923 году имела под ружьем те же 3 миллиона 700 тысяч. Таким образом, мы имеем увеличение даже по сравнению с 1914 годом на 600 тысяч человек *).

Громадные средства тратятся на создание новых орудий истребления, на то, чтобы более усовершенствованными способами в будущем убивать людей. Артиллерия, авиация, химия сделали со времени 1914 года крупные успехи.

В Пастеровском институте старательно работают над изысканием бацилл, которыми можно будет начинять бомбы, для того, чтобы заражать армию неприятеля и мирное население.

Не приходится следовательно говорить о „вечном мире“. Капитал, ради своих интересов, каждый момент может вновь залить весь мир реками крови:

„Война,—писал Ленин, может возникнуть ежедневно из-за спора Англии и Франции относительно какой-нибудь части договора с Турцией, или между Америкой и Японией из-за пустякового разногласия

*) Флеровский. „Мировая война“.

по любому тихо-океанскому вопросу, или между любыми крупными державами из-за колониальных споров, или из-за споров об их таможенной политике, или вообще торговой политике и т. д.".

Где же выход?

Что делать при данном положении?

Можно ли допустить, чтобы опять началась империалистическая бойня?

Какими способами бороться, как убить войну, как уничтожить милитаризм?

Социал-предатели всех стран обещают рабочим, что в случае об'явления войны они об'явят всеобщую забастовку и не допустят до кровопролития.

Можно ли им верить?

Мы видели, что они совместно с буржуазией были организаторами мировой бойни, голосовали в парламентских говорильнях за военные кредиты, помогали капиталу истреблять людей, после войны (как, например, бельгийский министр, меньшевик Вандервельде), поставили свои подписи на грабительском Версальском мире, содействовали капиталистам в оккупации Рура, делали все возможное для того, чтобы сокрушить союз рабочих и крестьян, установивший на месте рабьей царской России власть советов. Мы видели, что они подставляли ножку рабочему классу Англии во время всеобщей забастовки 1926 г., на каждом шагу мы видели, как они были верными прислужниками капитала.

Представители религии заявляют рабочим и крестьянам, что войны прекратятся и мир наступит тогда, когда все люди будут исполнять „заветы христа", „будут любить друг друга", будут послушны им—„божьим представителям".

Но разве миллионы трудящихся не убеждаются каждый день и час в том, что религия есть их жестокий беспощадный враг!

А годы войны наглядно доказали, что религия есть петля, при помощи которой капитал тащил на кормежку пушек десятки миллионов людей. Годы мировой войны показали, что именно религия помогает капиталу в организации массового убийства трудящихся их же собственными руками.

Ответы социал-предателей и попов всех толков стоят друг друга.

Интересный ответ на вопрос о борьбе с милитаризмом дает Ллойд-Джордж. „Надо воспитывать,—пишет он,—общественное мнение таким образом, чтобы оно было достаточным для поддержания международного права.

Одни христианские церкви могут помочь этому. Должно начаться международное движение всех церквей: католических и протестантских. Я знаю, что этого добиться трудно, разделение в христианстве слишком часто было роковым для согласованного действия, направленного к достижению общей цели. Эти трудности можно преодолеть, их должно преодолеть.

Задача, предстоящая религии, ныне является даже более великой—освобождение рабочих от экономической тирании, спасение народов от бича алкоголизма и распространение ангельской вести, раздавшейся впервые на холмах Вифлеема, доколе закоснелое сердце человека не отзовется эхом в ответ: на земле мир и в человецех благоволение".

Так благоветствует хитрый, прожженый баптистский лис английского капитала, один из упорнейших врагов Союза ССР и трудящихся всех стран.

Он, видите-ли, стремится к тому, чтобы об'единить отдельные христианские лавочки в один мощный трест для систематической и планомерной работы по закабалению трудящихся всех национальностей.

Его советы трудящиеся не будут слушать. Они знают истинную цену его разговорам.

Они знают, что истинный выход указывает трудящимся III Коммунистический Интернационал в своем манифесте по случаю десятилетия мировой бойни.

Этот манифест гласит:

...Борьбу против милитаризма нельзя откладывать до того часа, когда война разразится, ибо тогда будет поздно.

Борьбу против войны нужно вести теперь же, немедленно, изо дня в день.

Нужно неутомимо обращаться к молодежи города и деревни. Нужно, чтобы нечеловеческие страдания отцов и старших братьев во время империалистической войны превратились у рабочей и крестьянской молодежи в жгучую ненависть к виновникам войны...

Только та партия действительно борется против войны, которая изо дня в день ведет непримиримую борьбу против буржуазии, та партия, которая сплачивает трудящихся в этой борьбе, которая учит ненавидеть государство капитала, которая закаляет массы этой ненавистью, которая готовит для борьбы необходимые силы и средства, которая создает для революции опорные пункты в казарме...

Вглядывайтесь зорко, сравнивайте, не верьте словам, проверяйте на деле,—и вы убедитесь, что есть одна лишь партия, готовая вести вас в бой и способная обеспечить победу: это коммунистическая партия...

Надо убрать с пути социал-демократию, надо опрокинуть буржуазию, **надо взять в свои руки власть, надо об'единить европейское хозяйство, надо направить его на путь социализма**... Если Советская Россия могла в течение ряда лет победоносно отстаивать себя от капиталистической Европы и Америки, вместе взятых, то тем вернее будет победа пролетариата Европы, если он, овладев властью, об'единит европейские государства в Советскую Федерацию, **в Рабоче-Крестьянские Соединенные Штаты Европы**...

Только с того времени человечество получит возможность мыслить и действовать по-человечески, мировое хозяйство будет организовано на началах солидарности и разума, мировые связи превратятся в братский обмен материальными и духовными благами между отдельными материками и народами. Войны отойдут в прошлое, ибо для них не будет более причин. Армии исчезнут вместе с войнами. Все усилия людей будут направлены на обогащение нашей планеты, на улучшение и украшение человеческой жизни.

Такова задача Коммунистического Интернационала,—грандиозная, **но осуществимая**. Путь ее осуществления указан Марксом и Лениным. Это путь суровой борьбы в каждой стране против национальной буржуазии, это—путь сочетания борьбы пролетариата разных стран во имя захвата власти и установления диктатуры пролетариата. Кто говорит, что есть другие пути,—тот лжет вам. Коммунистический Интернационал служит делу пролетариата тем, что говорит ему правду. Пусть эта правда звучит повсюду, как набатный колокол революционной борьбы!

Против буржуазии, против войны, против социал-предателей,—за всемирную революцию, за диктатуру пролетариата, за коммунизм!"

СЕКТАНТСТВО И ВОЙНА.

Существует мнение, что роль сектантства в годы мировой войны 1914—18 г.г. была совершенно иной, чем роль церковных организаций. В распространении такого мнения большую работу проделали сектанты. Они создали легенду, что, якобы, в годы империалистической войны многие тысячи сектантов отказывались от оружия и не поддерживали империалистические правительства. На этом основании впоследствии, в годы гражданской войны, многие сектанты обосновывали свой отказ служить в Красной армии и защищать советскую республику от белогвардейцев и иностранных войск. Ссылаясь на эту же легенду и прикрываясь лицемерными текстами, сектантские вожаки вели реакционную агитацию против обороны нашей страны. Эта агитация была направлена на разложение боевой мощи рабоче-крестьянской Красной армии. И теперь, несмотря на ряд решений сектантских с'ездов, мы наблюдаем, что многие сектанты при призыве в Красную армию отказываются брать винтовку в руки.

Наконец, в будущем, если разгорится пожар войны, и мировой капитал вновь организует нападение на Союз Советских Социалистических Республик, мы, несомненно, опять будем видеть сектантский саботаж обороны советского государства. Таким образом, не подлежит сомнению, что правильный ответ на вопрос об участии сектантов в мировой войне имеет для нас большое значение.

Прежде чем перейти к характеристике деятельности сектантов в годы войны, вкратце вспомним, что представляло собой сектантство до революции. Было бы, конечно, совершенно неправильно судить о сектантстве на основании тех гонений, которые им приходилось переносить от царского правительства.

Дореволюционное сектантство в своей массе являлось оппозиционным царизму, мелкобуржуазным движением, в котором выражался политический протест крестьянских масс против помещичьего государства и его служанки—православной церкви. В силу этого, по условиям того времени и классовой борьбы тех дней, сектантство можно было считать движением, до некоторой степени, „прогрессивным“. Эта „прогрессивность“ была, конечно, весьма относительна, так как сектантство было, в общем, движением пассивного протеста. История 1905 г. нам ярко показала подлинное лицо сектантства. В этот период руководящие круги сектантских об'единений наглядно выявили свою подлинную контрреволюционную физиономию. Сектантские вожаки выступали с призывом к прекращению борьбы. Сектантские с'езды принимали контрреволюционные постановления. Типичный пример—„политическая платформа союза свободы, правды и миролюбия“, подписанная сектантскими вождями—баптистами и евангелистами в 1905 г. Эта платформа была издана в Севастополе. „Мы не желаем учредительного собрания,—говорилось в ней,—ибо вопрос о форме верховной государственной власти решен для нас бесповоротно всероссийским великим земским собранием 13 февраля 1613 г. и поправлен носителем власти нашей страны 17 октября 1905 года“. Поддержка монархии, защита интересов помещиков и капиталистов проводилась в этой платформе, подписанной Н. В. Одинцовым, И. С. Прохановым и другими, столь же „великими“ сектантскими главковерхами. Не останавливаясь на этом вопросе, рекомендуем интересующимся прочесть соответствующую литературу, в которой на фактах

и документах показано истинное реакционное лицо сектантства в эти дни нашей борьбы с помещиками и капиталистами. *).

В отношении сектантов к военной службе в царской армии наблюдалось следующее. Духоборы, толстовцы, а также отдельные представители других сект высказывались против службы в царской армии и в силу этого подвергались гонениям. Однако, это явление не приходится считать типичным для сектантства в целом. Во время русско-японской войны 1904—05 г. г. много сектантов служило в царской армии. Обслуживание интересов российского империализма можно было наблюдать также и со стороны духоборов. Так, например, во время русско-турецкой войны они служили в войсках—подвозили пушки и продукты для армии. Параграф 13 баптистского вероучения, принятого в 1906 г. гласил: „Правительство и в новом завете не напрасно носит меч, но имеет право и обязанность употреблять его против делающих зло в защиту обиженных, а потому мы считаем себя обязанными, когда нас потребует к этому начальство, нести повинности военной службы". Таким образом, даже в официальном вероучении одного из крупнейших сектантских течений было принято постановление, оправдывающее милитаризм царского правительства.

В общем, сектантский пацифизм (буржуазная проповедь мира) имел глубоко реакционное значение. Никакого серьезного урона царской армии таким путем не причинялось, но за то лозунги непротивленчества, примиренчества и пассивности были глубоко вредны для борьбы трудящихся с эксплоататорами. Толстовско-сектантская проповедь „непротивления злу" (как об этом ярко свидетельствует пример 1905 г.) помогала реакции.

Отклики сектантов на об'явление войны.

Тотчас после об'явления войны, как мы видели, российская православная церковь целиком мобилизовала свои силы на службу милитаризму. Соответствующее распоряжение было отдано синодом. Около 2.000 попов поступило в ряды армии, был опубликован целый ряд церковно-милитаристических воззваний и посланий, церковные средства жертвовались „на нужды войны", вся религиозная печать и устная поповская проповедь целиком становятся на рельсы самой неистовой милитаристической агитации.

Какую же позицию занимает сектантство. Если бы были верными сектантские утверждения, то тогда, очевидно, должен был бы наблюдаться массовый отказ сектантов от службы в армии. Принимая во внимание, что сектантов в России одних лишь зарегистрированных членов сектантских общин было около 250 тысяч,—их антимилитаристическое выступление могло бы иметь некоторое значение. К тому же мы знаем, что в это время сектантские организации имели несколько периодических изданий.

Ничего подобного не случилось.

Сектантские руководящие круги по отношению к войне и ее организаторам заняли самую отвратительную позицию. „Аршинными буквами, не щадя бумаги и типографской краски, „проповедники" и „благовестники",—сообщает тов. Красиков,—писали царю на его призыв помогать ему в войне буквально следующее: „Слышим, царь батюшка, слышим! Не отойдем от тебя! Боже, царя храни! Никогда не забудем день 20 июня в Петрограде, когда вместе с многотысячной

*) См. Путинцев „Политическая роль сектантства".

толпой мы с певчими „Дома евангелия“ и друзьями стояли у Зимнего дворца, ожидая выхода государя, государыни... во многих из наших общин в течение всего этого времени восходили горячие молитвы за государя“. Дальше приказ: „во всех общинах собрать членов и их детей и всех прихожан для искренней молитвы о государе императоре, императрице, цесаревиче и т. д. и благословения всей нашей родины во время мировой войны“... писать адреса такого содержания: „мы, нижеподписавшиеся, повергаем к стопам ваших императорских величеств наши верноподданнические чувства по случаю второй отечественной войны и возносим молитвы к всевышнему богу о даровании нашей родине помощи и милости божей“...

„В настоящее военное время, когда многие из наших братьев в рядах действующей армии, мы рады доказать тебе нашу преданность и любовь“.

Это отношение баптистов к царизму выявилось с полной откровенностью в знаменитом их воззвании от 1 сентября 1914 г. разосланном всем общинам баптистским и всему миру в № 9 за 1914 год в журнале их, называющемся „Гость“.

Воззвание это было рабским ответом вождей баптизма на призыв Николая кровавого помогать ему в империалистической войне за интересы французского и английского капитала. В свою очередь, оно было призывом ко всем своим „пасомым“ ими общинам молиться о кровавом царе, о всей его романовской шайке и, в особенности, о знаменитом баши-бузуке главнокомандующем.

Кроме этих молитвенных, невесомых ценностей все общины вообще, и каждый баптист в частности, призывались возможно больше собрать в пользу царя рублей по специально составленному вождями баптизма подписному листу-воззванию. Какие слова и чувства находили по адресу романовской шайки вожди баптизма, это можно видеть из замечательного текста, подписанного 1 сентября 1914 года всеми выдающимися проповедниками, наставниками и „апостолами“ баптизма: Павловым, В. Г. и П. В, Фетлером, С. Степановым, Непраш, И. Назаровым, В. Урлаубом, Степиным, Генни, Г. А. Яковлевым, М. Я. Кружевым, Козловым, Ясновской, Карклиным, В. Ф. Мокеевым, Кровцовым, Грюнфельдом Адам, Бирюковым П. В,, Страховым М. Ф., Федосеевым, Ароном, Одинцовым Н. В. *)

Другие вожаки сектантских организаций откликнулись, может быть, и не так подхалимски, но по существу их роль немногим отличалась от позиций баптистов. Нигде не было слышно об организации сектантами антимилитаристических выступлений. „Не мир пришел я принести, но меч“ (Матф. X, 34), „больше сея любви никто же имать, да кто душу положит за други своя“,—с такими евангельскими текстами выступили сектантские проповедники на службу военщины.

Во многих городах были созваны собрания сектантских общин, на них произносились монархические речи, принимались решения о сборе денег на нужды войны и о выражении „верноподданнических чувств“ Николаю Романову.

Руководящий сектантский журнал „Гость“ рекомендовал сектантам на время войны молитву, в которой излагалась просьба к господу богу оказать помощь царской армии.

По приказу капитала многие тысячи сектантов пошли на позиции с оружием в руках за прибыли капиталистов, за грабительские

*) Журнал „Революция и церковь“ № 1—3 за 1924 г. Ст. т. Красикова „Сектантство на перепутьи“.

вожделения российского империализма. А там, по другую сторону фронта, такие же сектанты пошли против них. Сектантские боги поступили на службу в войска Николая Романова и Вильгельма II.

Отношение к войне сектантских руководящих кругов в царской России.

В течение войны как в тылу, так и на фронте, за очень не многими исключениями, сектантство верно служило интересам империализма. „Мы всегда были верными сынами, верными подданными государей наших, — заявляли баптисты в своем журнале, — при первых же кликах великой брани наши братья-сектанты выступили вместе со всем русским народом".

В годы войны старообрядцы неоднократно подносили Николаю Романову свои подарки—хлеб-соль и заявляли о своей преданности. В старообрядческой печати были помещены милитаристические обращения. Так же, как православное духовенство, старообрядческие начетчики организовывали сборы денег на нужды войны, на организацию убийства миллионов трудящихся.

Кавказскими молоканами во время войны было подано следующее заявление царскому наместнику Кавказа: „Просим ваше сиятельство,—писали молокане,—поднести к стопам его императорского величества всеподданнейшие чувства всех молокан Кавказа и мольбу нашу, чтобы в нынешнюю тяжелую годину лучшим нашим образованным сынам по принятии присяги, по окончании установленных экзаменов, предоставлено было право служить, в рядах армии в офицерских чинах. Просьба наша вызвана тем обстоятельством, что в настоящее время в Тифлисе, в школе прапорщиков, выдержали экзамен и приняли присягу молокане: тифлисский Блеткин Василий и бакинский—Корнеев Михаил, которым было отказано в производстве в звание прапорщика, как сектантам".

В книге тов. Путинцева „Политическая роль сектантства", откуда мы взяли вышеуказанную цитату, приведены и другие факты обслуживания сектантами в это время интересов грабительской войны и царского правительства. „Подобных заявлений,—пишет тов. Путинцев,—со стороны отдельных сектантских групп и лиц было не мало. Все же сектанты могут заявить, что они за поступки отдельных лиц не ответственны. Поэтому считаем нужным указать, что патриотически, верноподданнически были настроены не только отдельные лица из молоканской секты. В сектантской газете „Утренняя Звезда" сектанты хвалились тем, что некоторые из лих получили „георгиевские кресты и другие знаки боевых отличий за примерную и верную службу царю и отечеству". В № 45 от 7 ноября 1914 г. теперешний руководитель адвентистов Г. И. Лесбак поместил статью, подписанную двумя буквами „И" и „Д". В своей статье Лесбак сообщал о благодарности царя адвентистам „за верноподданнические чувства адвентистов по поводу открытия военных действий *).

В конечном счете мы видим, что роль сектантства в годы войны на службе царизма и буржуазии в России выразилась в следующем:

1. По об'явлении войны началось подношение адресов Романовым, из'явление монархических восторгов и появились призывы к сектантской массе идти на бойню.

*) „Политическая роль сектантства" стр. 40, 41.

2. Сектантская печать вела патриотическую и милитаристическую агитацию.

3. Собирали деньги на нужды войны.

4. Сектанты с успехом служили в царской армии и получали всякие награды.

5. Оказывали помощь буржуазным „общественным" организациям в их содействии царскому правительству по содержанию госпиталей, организации складов и т. д. мероприятий, призванных в тылу служить целям организации войны.

И, наконец, особо заслуживает быть отмеченной глубоко реакционная роль сектантства по разложению создания масс через призывы быть покорными, смирными, слушаться начальства и т. д. и т. д.

Отдельные попытки протеста сектантских одиночек против войны не получали поддержки крупнейших сектантских об'единений и ни в коем случае не портили картину мирного сотрудничества сектантских заправил, царского правительства и буржуазии. А когда рост революционного рабочего движения становился опасным, то сектантские главари принимали участие в его подавлении. Пример—расстрел Иваново-Вознесенских ткачей в 1915 г. Здесь активную роль сыграл местный председатель черносотенного „Союза Русского народа", старообрядец Куражев.

Известно, что в дни войны царское правительство жестоко расправлялось с деятелями революционного рабочего движения, с теми, кто по настоящему, а не на словах и задним числом,—был противником империалистической войны и самодержавия. Но нам неизвестно ни одного протеста сектантских организаций против такой политики полицейско-чиновничьего распутинского государственного аппарата.

Толстовцы.

Совершенно особого внимания заслуживает с нашей стороны позиция толстовцев. В их учении лозунг „непротивление злу" является одним из самых главных, если не самым важным. В толстовском „символе веры" отказ от употребления оружия считался обязательным. Да иначе и не следует числиться в рядах толстовцев, так как наиболее последовательным из них рекомендуется даже не убивать вшей и тараканов.

Для характеристики отношения толстовцев к империалистической войне будет типичным процесс, разбиравшийся Московским военно-окружным судом. Было привлечено по этому делу 28 человек. Любопытен их классовый состав: потомственных почетных граждан—4; дочь дворянина—1; служащих и из чиновничьих семей—4; мещан—10 и крестьян (по происхождению)—9.

Один из толстовцев—Алексей Сергеенко—сбежал еще до суда, проявив таким образом свое непротивленчество.

В числе привлеченных были многие видные толстовцы: Валентин Булгаков, Д. Маковицкий, известный ходатай по сектантским делам, И. Трегубов и другие.

Указанные лица были привлечены за составление и распространение воззвания против войны. Одно из них называлось: „Милые братья и сестры", а другое „Опомнитесь, люди, братья".

Автором первого воззвания был Сергей Попов, а остальные ему помогали в составлении обращения. Призыв к прекращению войны здесь провозглашается во имя того, что „все люди мира—братья и сестры", которых надо любить. Значит, и поджигатели войны, ее

организаторы—тоже „братья“ и их тоже надо любить. Ни одним словом не об'ясняется истинный характер войны, ее смысл и возможность настоящего выхода. Попытка противопоставить „любовь“—империалистическим стремлениям капитала, конечно, была совершенно несостоятельна. „Настоящий враг“,—указывает воззвание—„это грехи, соблазны“. Опять таки, рекомендуется не в сторону борьбы с эксплоататорами направить внимание, а в сторону „внутреннего усовершенствования“, толкуемого по сектантски-толстовскому рецепту. Все это для борьбы с империалистической войной было очень слабо и очень реакционно. „Отказ от военной службы,—писал тов. Ленин,—стачка против войны и т. п. есть простая глупость, убогая и трусливая мечта“. *)

Это воззвание в последних числах октября 1914 г. было вывешено в гор. Туле и ее окрестностях. Его отпечатал на пишущей машинке в количестве 20 экземпляров Валентин Булгаков, который, однако,—сообщает тов. Меницкий,—„высказался против его распространения путем вывешивания на столбах и заборах. Характерно, что со стороны большинства толстовцев и живших в Ясной Поляне распространение воззваний не встречало сочувствия. Один из них писал даже Хоросу: „прошу тебя таких воззваний не присылать, оно полно неведения. Из любви к истине и людям передавать я его никому не могу“. Гр. С. А. Толстая писала, между прочим, матери Булгакова, указывая на невозможность распространения такого рода воззваний, так как война неизбежна и патриотический дух в народе очень высок“. **)

Второе воззвание „Опомнитесь, люди, братья“, было написано Вал. Булгаковым и разослано по почте некоторым толстовцам. Это воззвание так же, как и первое, не получило широкого распространения и о его существовании знали, следовательно, лишь подписавшиеся толстовцы и близкие к ним. Здесь говорилось, что „общий враг для всех нас“—„это зверь в нас самих“, были выпады против „ложной науки“ и указывалось, „что 2.000 лет христианства прошли почти бесследно для людей“. Выход из положения рекомендовался такой: „подайте друг другу руки. На общей земле найдется место всем для мирной братской жизни и мирного, любовного развития“.

Чтобы определить отношение некоторых из привлеченных толстовцев к войне, интересно указать на то, что М. Новиков был решительным противником публичного распространения воззвания и заявил, что он сознает необходимость войны. М. Новиков жертвовал на нужды войны неоднократно и даже обращался к тульскому губернатору с письменным заявлением, в котором писал о лучшем способе сбора пожертвований для нужд войны... Многие из подписавшихся впоследствии определенно указывали, что, подписывая его, они отнюдь не имели в виду, что это будет распространено, считая важным это воззвание лишь для взаимного об'единения единомышленников, для установления более прочного взгляда среди них на войну“.

Самые „активные“ толстовцы И. Трегубов и В. Булгаков тоже, по сообщению Меницкого, весьма характерно относились к этому воззванию:—„И. Трегубов также считал, что воззвание должно быть распространено только среди единомышленников, скорее для собрания

*) „Положение и задачи социалистического Интернационала“.

**) „Революционное движение военных годов“ том I, стр. 111, из этой книги мы берем сведения о процессе толстовцев.

подписей и отзыва об этом воззвании. Булгаков, как он раз'яснял затем своим близким, не считал свое воззвание призывом к неучастию в войне и отнюдь не стремился к пропаганде среди населения. Подписавшие воззвание не желали,—как он рассказывал,—ни остановить войну, ни помешать ее успехам, ни вызвать отказа от воинской повинности. *)

К чему же, следовательно, свелась антимилитаристическая деятельность толстовцев. Оказывается, что „преступление" в сущности было невелико. Характер воззвания был таков, что организаторов бойни он не касался. Такое вегетарианское кушание с призывом любить всех людей, а в том числе, значит, Романовых и Вильгельма II, Рябушинского и Круппа, Пуанкаре—война и Франца Иосифа, п все это „подкрепленное" текстами из того самого священного писания, которое прекрасно использовалось и используется для оправдания войн,—вот этот самый вегетарианский винигрет не был особенно опасен. Да ведь к тому же толстовские заправилы были против широкого и публичного распространения таких воззваний, и считали нужным использовать их „для внутреннего об'единения".

Но самое замечательное это сообщение Булгакова, что, дескать „подписавшие воззвание не желали—ни остановить войны, ни помешать ее успехам, ни вызвать отказа от воинской повинности". После этих слов никто не смеет обвинять толстовцев, что они не желают „невинность перед капиталом соблюсти и капитал благородства при обрести". Оказывается можно было и воззвания подписывать, и капиталы на организацию бойнь жертвовать, и писать письма господину тульскому губернатору о том, какими способами получше, да побольше собрать монет на такое святое дело, как война. Вот уже поистине—непротивление злу в самом широком масштабе.

Вся эта история для толстовцев, как и следовало ожидать, кончилась вполне благополучно, так как они при своем „благородстве" кодекса капиталистической морали, очевидно, не нарушили.

Мы были бы, однако, несправедливы к толстовцам, если бы не указали на факты более последовательного поведения некоторых толстовцев. Но тут подлинную оценку антимилитаристической роли толстовства дает статистика. За время с момента об'явления войны и вплоть до 1 апреля 1917 г. было осуждено военно-окружными судами всего лишь 18 толстовцев. Если составить общую сводку о количестве сектантов, осужденных военно-окружными судами за отказ от употребления оружия во время мировой войны с момента мобилизации и по 1 апреля 1917 г., то получим такую картину: чернгутеров—1, квакеров—6, духовных христиан—6, неговистов—7, свободных христиан—8, иудействующих—8, добролюбцев—13, субботников—16, духоборов—16, толстовцев—18, молокан—22, малеванцев—27, адвентистов—70, баптистов и штундистов—114, без указания вероисповедания—249, евангельских христиан—256, а всего—837 чел. Такое количество толстовцев отказалось брать оружие на всю царскую Россию Результаты самые жалкие.

Более полная оценка толстовства в годы войны могла бы быть сделана, если бы мы имели сведения, сколько из них переписывалось с губернаторами и какую сумму своих капиталов они пожертвовали „царю-батюшке".

И это течение занимало самый крайний „левый фланг"!

---

*) И. Меницкий. Тот же.

Выводы статистики о количестве сектантских отказов от военной службы в царской России за 1914—17 г.г.

Придти к правильным выводам об отношении российского сектантства в целом к войне 1914—17 г.г. нам может помочь статистика. К сожалению, имеющиеся у нас цифры могут лишь относительно помочь разрешению этого вопроса, так как они указывают лишь число отказавшихся от военной службы, а количество служивших в армии можно определить лишь при помощи общей численности сектантских группировок.

Из приведенной сводки видно, что наибольшее количество отказов служить в армии падает в первую очередь на баптистов и евангельских христиан, а затем на адвентистов, т. е. как раз на те секты, которые, как видно из их собственных документов и печати, вполне поддерживали царское правительство в его милитаризме. Недоразумения здесь никакого нет, так как эти секты (баптисты и евангельские христиане) имели наибольшее количество членов. Очевидно, что отказавшиеся поступали вопреки линии своей религиозной организации и, следовательно, это явление ни в коем случае типичным считать не приходится.

Посмотрев дальнейшие итоговые цифры убеждаемся, что число осужденных военными судами за отказ сражаться—совсем ничтожно. В самом деле, ведь даже среди духоборов нашлось лишь 16 отказавшихся, среди толстовцев—18, среди молокан—22, целый ряд других сект имеет совсем ничтожные цифры—только по несколько человек.

Графа „нет указаний вероисповедной принадлежности" тоже не может ввести нас в заблуждение, так как, если даже это число и разделить на все секты, то это составит, в общем, весьма незначительное прибавление.

Наша оценка этих цифр будет правильной лишь тогда, когда мы примем во внимание численность сектантов в целом и численную величину отдельных сект. Всего в царской России количество сектантов, членов сектантских групп, было около 1/4 миллиона, кроме этого их влияние, по данным Центрального Антирелигиозного Музея, охватывало население—до 1 миллиона человек. Известно, что во время мировой войны было мобилизовано все взрослое мужское население. Во всяком случае, многие десятки тысяч сектантов были призваны в ряды армии, и что же? Из всей этой многотысячной массы только 837 человек отказалось исполнять царский приказ. Ясно, что это были одиночки, являвшиеся исключением, люди, поступившие таким образом в силу самых различных соображений. Весьма возможно, что у многих из них играли роль не доводы сектантского характера, а мотивы иного рода.

Возьмем, в пример, баптистов. Количество членов секты, во всяком случае, было свыше 10.000 чел. Получается, что около 1% оказало пассивное сопротивление милитаризму. Мы говорим—пассивное, так как положить винтовку, это еще не значило нанести серьезный урон царской армии. Что же касается других сект, то процент отказавшихся будет много меньше. В общем же составит около 1/3% всех сектантов, если считать членов организаций. Не принимая во внимание женщин, стариков и молодежи, все же, должны будем придти к выводу такого рода: огромное большинство мобилизованных сектантов с успехом брало винтовку и лишь ничтожное количество, в полном смысле этого слова одиночки, оказывали пассивное сопротивление.

Если же учесть милитаристическую роль сектантских верхушек учесть, какую антиреволюционную агитацию вели всякие братцы, прибавить сюда капиталы, отданные баптистами, толстовцами и иже с ними на войну,—то наш вывод о роли российского сектантства может быть только один: сектантство в годы мировой бойни с успехом служило интересами царского правительства и буржуазии, интересам империалистическо-грабительской войны.

Заграничное сектантство в годы войны.

За границей в капиталистических странах в годы мировой войны сектантство являлось верной опорой „отечественной" буржуазии. С начала военных действий прекращается их пацифистская агитация, служившая буржуазии прекрасным средством усыпления сознания масс, и на смену текстам, призывающим любить врагов, из того же евангелия и из той же библии сектантские проповедники с успехом брали другие—с призывом к массовому убийству, с оправданием всех ужасов империалистической войны.

Для характеристики сектантства капиталистических стран самым лучшим является пример Северо-Американских Соединенных Штатов. Здесь больше всего сектантских организаций, они имеют громадное количество последователей, большие средства и пользуются значительным влиянием. Америка—сектантский центр. В то время, как в царской России число сектантов определялось по отдельным организациям—сотнями и тысячами,—здесь их количество исчислялось десятками тысяч и миллионами. Так, например, в 1925 г., баптистов здесь было 8.397.914 чел., методистов—8.920.190 чел., адвентистов—149,092 чел., святых последних дней мира—625.160 чел., последователей христа—1.759.399 чел. и т. д. и т. п. Одних лишь церквей в этом году методисты имели 63.302, а баптисты 63.491. Стоимость имущества сектантских организаций определялась многими сотнями миллионов рублей. Конечно, к началу войны вышеуказанные цифры были меньше, но, все же,—ясно, что сектантство имело в С.-А. С. Ш. большое влияние. И если верно утверждение сектантов, что их организации не являются оружием капитала и милитаризма, то, значит, именно здесь сектантство должно было проявить себя соответствующим образом.

Как только началась война, сектантский аппарат целиком передает себя на обслуживание интересов капитала. Сектантские с'езды принимают постановления, призывавшие верующих жертвовать свои средства на войну и смело сражаться, во всех молитвенных домах начались моления о победе, всевозможные братцы и проповедники, начали самую ожесточенную человеконенавистническую агитацию. И в то же время сектантские вожди призывали свое стадо не слушать революционную агитацию и жестоко расправляться с теми, кто проявлял себя противником боень.

Заслуживает внимания, что еще до того, как С.-А. С. Ш. начали военные действия, еще до этого, как сообщает тов. Грант „В Вашингтон явилась делегация из представителей большей части американских сект с требованием вмешательства Соединенных Штатов в войну".

Преподобные отцы и руководители баптистов, методистов, глава Армии Спасения мисс Бутс, деятели Христианской Ассоциации Молодых Людей, и многие другие сектантские организации состязались друг с другом в милитаристической деятельности. Громадное количество листовок пропитанных ложью и бешеной ненавистью было

издано и распространено сектантами. Содержание сектантекой агитатации можно видеть по нескольким примерам, взятым нами из работы тов. Ф. Грант „Религия на службе американского капитала".

„К дьяволу кайзера",—заявлял на своих проповедях баптистский пастор У. У. Бэстард. Знаменитый баптистский проповедник Билли Сэндей составил и читал молитву в которой были такие строки: „...Обнажи свою могучую десницу, о господи, и порази голодного, волкоподобного гунна, чьи зубы сочатся кровью и мы вечно будем славить тебя". Такую молитву произнес он в Вашингтоне в палате представителей.

Один из крупнейших деятелей Х. А. М. Л. Флетчер С. Брокман, характеризуя отношение своего религиозного об'единения к войне, заявил, что „Христианская Ассоциация Молодых Людей стоит за войну до победного конца, и ни один пацифист никогда не был и не будет ее оратором".

Пастор Плимутской Конгрегационалистской церкви в Бруклине преподобный Ньюэлл Дуайт Хилис написал целый ряд брошюр человеконенавистнического содержания. Чтобы собрать достаточно материала он даже специально ездил на фронт. В одной из своих книг он говорил о проекте оскопить всю германскую армию („10.000.000 германских солдат"—писал почтенный пастырь) для того, чтобы лишить их потомства.

В целях наилучше поставленной милитаристической агитации, как сообщает тов. Путинцев, „были созданы 31 сектантская и 21 междусектантская, всего же 52 религиозных организации. Было 57 баптистских и 65 методистских печатных изданий".

Одновременно сектантские проповедники призывали к расправе с противниками войны. Пастор баптистской церкви Мэдисон Авеню (Нью-Йорк) преподобный Чарльз А. Итон специализировался на выступлениях среди рабочих. На одном из собраний он дал положительный отзыв о том, как на верфи в Сиеттле тех рабочих, которые отказывались покупать военные марки, сажали в нагретую железную трубу (называлась „трубка свободы") и носили по всем верфям. В итоге многие попадали в больницу.

Другой раз выступая на собрании рабочих Нью Йоркского Субмаринного завода (тут изготовляли подводные лодки) этот проповедник, говоря об отношении к германским шпионам, давал следующий совет: „Если он появится в этих местах с бомбой, то не говорите „помолимся", выводите его на болото, свяжите, бомбу привяжите на груди. После этого зажгите фитиль, станьте поодаль и смотрите, как он полетит к своему кайзеру—в ад. Будьте настоящими мужчинами".

В американской армии наряду с католическими ксендзами, были баптистские, методистские и пресвиторианские проповедники, выполнявшие обязанности агитаторов капитала.

В других капиталистических странах, (например Англия, Германия и другие) сектантство тоже вело разностороннюю милитаристическую работу. Английские сектанты во время войны присылали русским баптистам сообщение, что они горячо молятся о здоровии Николая Романова и о победе русского оружия. В это время многие видные сектанты—в Англии Ллойд Джордж, в С.-А. С. Ш.—Кулидж занимали видное положение. Баптист Ллойд Джордж был министром воннного снабжения, а методист Кулидж—президентом Соединенных Штатов. Принадлежность к сектантам никоим образом не помешала им быть организаторами войны. И эти сектанты сами вели ожесточенную борьбу со всеми проявлениями революционного движения, с попыт-

ками антимилитаристической агитации. В частности сам Ллойд Джордж санкционировал жестокие наказания тем, кто был несогласен с империалистической политикой английских капиталистов.

Отношение сектантов к Ленинскому лозунгу о превращении войны империалистической в войну гражданскую.

Единственно верный путь убить войну, раз навсегда покончить с милитаризмом заключался в том, чтобы трудящиеся всех стран, брошенные капиталистами друг на друга, повернули штыки в противоположную сторону на своих истинных врагов—на помещиков и буржуазию „своего" государства.

В манифесте ЦК партии большевиков от 1 ноября 1914 г., автором которого был тов. Ленин, говорилось: „Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг... только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистской буржуазии и, в той или иной форме, более или менее быстро сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму„.

Ленинские слова оправдались. Война революционизировала миллионные массы трудового народа, показала рабочим и крестьянам беспощадные противоречия капиталистического строя и в конце концов привела вовсе не к тем итогам, на которые надеялись, и о которых мечтали организаторы войны. В итоге мировой войны последовала великая Октябрьская революция и капиталистическому миру пришлось пережить величайшее потрясение... Царская Россия—эта „тюрьма народов" превратилась в С. С. С. Р.

И вот, чтобы оценить действительную роль сектантства в годы мировой войны надо вспомнить и учесть какое отношение к этому великому процессу революционного пробуждения проявляло сектантство.

На этот вопрос ответ бесспорен и ясен. Во всех капиталистических странах, об'ятых пожаром войны, силы сектантства были целиком на стороне реакции. Если и находились одиночки—сектанты, протестовавшие против войны, то зато по отношению к созданию внутреннего революционного фронта сектантство в целом занимало одну общую позицию. Капиталисты и помещики, угнетатели и насильники, эксплоататоры и международные бандиты, все те, кто переделывал кровь и слезы трудящихся в сверхчудовищные прибыли,—все они, по сектантским учениям, были „братья во христе", которых надо любить, с которыми надо в мире жить. Лозунги классового мира в годы войны, также как и в мирное время, были постоянным орудием сектантов.

Если вспомнить, что было в нашей стране в период февраль—сентябрь 1917 г., в дни Октябрьской революции и наконец в годы гражданской войны, то тут можно было бы указать бесчисленное количество примеров, свидетельствующих об антиреволюционной, глубоко вредной примиренческой деятельности сектантов. С первых же дней войны лозунги классового примирения фигурировали у сектантов на самом первом плане. „Любите врагов ваших",—эти слова толковали по адресу всех врагов трудового народа.

Классовая позиция сектантства четко проявляется в период после Февральской революции. С одной стороны, происходила милитаристическая агитация, а с другой, помещались новые и новые во всевозможных формах призывы к классовому примирению. В журна-

ле „Духовный христианин“ и в многих других говорилось о необходимости оказывать поддержку правительству буржуазии и продолжать войну до победы, согласно требованиям англо-французского капитала. Сектантский с'езд в Баку принимает реакционное решение.

И, наконец, потом, в дни Октября и в годы гражданской войны можно было видеть самую отвратительную деятельность всех и всяческих сектантских группировок, вдохновляемых Черновым, Одинцовым и тому подобными выходцами из дворян и буржуазии. Эта деятельность была направлена на прекращение борьбы рабочих и крестьян против их угнетателей, на проповедь любви к белогвардейцам и империалистам Антанты, душившим молодую Советскую Республику.

Никто иной, как толстовцы в дни Октябрьской революции распространяли в Москве свои реакционные листки с призывом к рабочим, солдатам и красногвардейцам прекратить борьбу с юнкерами. А в годы гражданской войны сектантская „партия христа“ провозглашала недопустимость революционной обороны, говорила о невозможности защиты Советской Республики с оружием в руках.

Но такую же контрреволюционную позицию занимало в годы войны и гражданской борьбы заграничное сектантство. Когда в С.-А. С. Ш. некоторые социалисты в начале войны пытались организовать в Бостоне антивоенную демонстрацию и когда это выступление было ликвидировано нападением солдат и матросов, то сектантские вожди приветствовали разгром революционного выступления. Бостонский фундаменталистский проповедник Арктурс Зебиджа Конрад говорил, что он чувствует сильное искушение „назначить помощником пастора“ того самого церковного сторожа, который сжег на костре социалистические знамена и литературу.

Известно также какую роль сыграло иностранное сектантство в организации интервенции, какую дикую и чудовищную ложь распространяли они о жизни первой в мире республики труда.

В постановлении федеративного совета американских религиозных организаций по вопросу о классовом мире были высказаны следующие мысли: „самый жгучий вопрос, стоящий в настоящее время перед миром, это методы социальной реконструкции; должны ли они быть проведены конструктивными и мирными методами, или путем классовой борьбы и насилия. Высшее учение христа—любовь и братство... Доктрина классовой борьбы выступает против этого идеала. Это возврат к прежним формам соревновательной борьбы. Это не только ударяет по несправедливости большей и более дикой несправедливостью, но на деле стремится разбить общество... на остро враждебные группировки и тем самым приносит гибель своим собственным целям. Диктатура пролетариата в действительности является абсолютизмом. Надежда мира заключается в сотрудничестве отдельных лиц и классов“ *).

В этом то направлении, в организации „сотрудничества“ угнетенных с угнетателями и эксплоатируемых с эксплоататорами и работало сектантство как в России, так и за границей.

---

*) Цитирую по книге К. А. Хаттавей „Американские негры и религия“.

ВЫВОДЫ.

На основании фактов в конечном счете можно придти к следующим выводам о действительной роли сектантства в дни мировой войны 1914—18 г.г.

1. Распускаемая сектантами и поддерживаемая „дипломированными лакеями поповщины" благочестивая легенда об антимилитаристической и даже чуть ли не „революционной" роли сектантства в годы мировой войны,—эта легенда не выдерживает критики фактов и является ложью и одним из средств сектантского обмана и искажения действительности.

2. С первых же дней войны и в дальнейшем российское сектантство в лице своих руководящих кадров и при поддержке сектантской кулацкой верхушки различными способами—через печать, устную агитацию опубликование воззваний, пожертвования на нужды войны и тому подобными способами поддерживало российскую буржуазию и способствовало организованной капиталом бойне.

3. Заграничные сектантские организации тоже служили милитаризму, создав мощные агитационно-милитаристические ассоциации, жертвуя и помогая капиталистам собирать на военные цели деньги, превратив свои религиозные агитпункты, дома и молельни, в самые настоящие агитпропы империализма и места набора рекрутов. Эта роль заграничного сектантства ни в коем случае не осложнялась тем обстоятельством, что целый ряд сект являлся интернациональными об'единениями. С большим успехом баптисты убивали баптистов, евангельские христиане—евангельских христиан и т. д. и т. п. В этом отношении об'единения сектантов поступали также, как социал-демократия в ее политике предательства интересов рабочего класса.

4. Отказ брать оружие в руки и таким образом бороться с войной вовсе не был массовым. Это явление никакой серьезной опасности для капиталистических клик не представляло. Сами руководящие круги сектантства не поддерживали подобную линию поведения—одиночек—сектантов. Все это свидетельствует о полном крахе лживых сектантских уверений, что, дескать, таким путем может быть покончено с милитаризмом. Наконец, даже у тех, „белых воробьев" сектантства, которые отказывались от оружия,—у многих из них обнаруживалась половинчатость и лицемерная игра на два фронта. Типичный пример—доблестные российские толстовцы.

5. В дни войны сектантская проповедь классового примирения и любви к врагам, к „своим" капиталистам, чиновникам, помещикам и всем угнетателям и держимордам,—эта проповедь целиком служила интересам духовного закрепощения и угнетения трудящихся. Об'ективно такая деятельность служила лишь целям превращения рабов капитала в рабов безвольных, покорных и смиренных, слепо верующих в невозможность революционного изменения и преображения мира. И наряду с этим сектантские вожди выступали также в роли пастырей благословляющих расправы с революционными рабочими и в роли организаторов контрреволюции.

6. Являясь тормозом революционного пробуждения, ослепляя массы своей лживой лицемерной и двуличной примиренческой пропагандой, сектантство стояло на пути к тому единственно верному выходу, который был провозглашен последовательными социалистами, указан в превращении войны империалистической в войну гражданскую. И если бы рабочие и крестьяне нашей страны послушались

ласковых сектантских голосов, то тогда конечно не было бы строительства социализма в нашей стране, и не было бы Октябрьской революции.

Таким образом на примере фактов можно воочию убедиться в истинной классовой контрреволюционной физиономии как в царской России, так и в капиталистических странах. Надо помнить, что красивые сектантские фразы пацифистского содержания имеют вполне определенную реакционную сущность. Из всего этого надо сделать соответствующие выводы для будущего.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие 3
I. Причины и виновники мировой войны 5
II. Во что обошлась бойня трудящимся 6
III. Приготовления религиозных организаций к войне 7
IV. Об'явление войны и мобилизация религиозных организаций . . . . . 11—17
1) Как началась война 11
2) Мобилизационные распоряжения синода в связи с об'явлением войны 11
3) Деятельность религиозных организаций на местах в первые дни войны 14
V. Организация лжи и оправдание массового убийства . . . . . 17—28
1) Печатная деятельность церкви 17
2) Цели войны и ее „полезность“ в освещении церковной печати . 20
3) Христианская философия массового убийства 22
VI. Церковные церемонии тыла на службе милитаризма 28
VII. Экономическая поддержка милитаризма 31
VIII. Церковный империализм . . . . . 38—48
1) Дарданельские аппетиты под флагом святой Софии 38
2) Подвиги в Галиции 40
3) Дружба с английскими попами 44
4) Вильгельм—„антихрист“ 46
IX. „Участие“ небесных сил в мировой войне 48
X. Церковное производство солдатских писем с фронта 53
XI. Религия на фронте . . . . . 59—92
1) Поповская организация в армии 59
2) Церковные церемонии при отправлении войск на позиции . . . 60
3) Съезды военно-духовной администрации 62
4) Организация религиозной агитации и пропаганды в армии и ее характер 67
5) Пропаганда смерти 72
6) Как иконы на фронт отправляли 74
7) Крест—рукоять меча 82
8) Молитва на фронте 84
9) Поповские подвиги на фронте 87
XII. „Заботы“ о пленных . . . . . 92—98
1) Организация помощи русским военнопленным 92
2) Отношение к военнопленным австрийцам и германцам 96
XIII. Деятельность религиозных организаций по оказанию помощи раненым . 98
XIV. Заботы о трупах 103
XV. Поповский карман в годы войны 107
XVI. Как царское правительство награждало попов 112
XVII. Религия по ту сторону фронта 114
XVIII. Религия на службе Антанты . . . . . 120—128
1) В Англии 120
2) Во Франции 124
3) В итальянской армии 128
XIX. Католическая церковь на службе капитала по обе стороны фронта . . . 128
XX. Магометанство на службе империалистов всех стран 134
XXI. Как кончилась война . . . . . 136—142
1) Большевики и война 136
2) Версальский договор 139
XXII. Выводы 142
Сектантство и война 145

Религия — дурман для народа.

В ИЗДАНИИ «АТЕИСТА» ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

МЫСЛИ КАРЛА МАРКСА И ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА О РЕЛИГИИ

Под редакцией „АТЕИСТА", с предисловием и примечаниями

Издание второе Цена 2 р. 75 к.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Глава I. Происхождение человека и его религиозн. верован.
„ II. Древний мир.
„ III. Происхожд. христианства.
„ IV. Феодальное общество и его пережитки.
„ V. Религиозная реформация и крестьянск. войны XVI в.
„ VI. Абсолютная монархия и церковь.
„ VII. Наука в борьбе с религией (XVI-ый—XIX в.в).
„ VIII. Буржуазное просвещение XVIII-го века.
„ XI. Буржуазная наука и вера в бога.
„ X. Развитие атеизма XIX веке до Маркса и Энгельса.
„ XI Так называемый еврейский вопрос.
Глава XII. Религия капитализма (товарный фетишизм).
„ XIII. Церковь и фабрика.
„ XIV. Религия и нравственность буржуазного общества.
„ XV. XIX-ый век: Англия.
„ XVI. XIX ый век: Франция.
„ XVII. XIX ый век: Германия.
„ XVIII. XIX-ый век: Америка.
„ XIX. XIX-ый век: русское самодерж и религия востока.
„ XX. От утопического социализма к атеизму коммунистической партии.
„ XXI. Религия в свете исторического материализма.
„ XXII. Коммунистическое общество и конец религии.

МЫСЛИ В. И. ЛЕНИНА о РЕЛИГИИ

Издание четвертое, дополненное Цена 1 р. 25 к.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Предисловие от редакции.
Глава I. Крестьянство и пролетариат.
„ II. Самодержавие и церковь
„ III. Богомольная буржуазия.
„ IV. Толстой и толстовщина.
„ V. Материализм и религия.
Глава VI. Богостроительство.
„ VII. Христианская, капиталистическая. коммунистическая нравственность
„ VIII. Национальный вопрос, классовая и религиозная вражда.

. . . в настоящую книгу вошел весь основной ленинский материал, опубликованный до сего времени в печати и имеющий отношение к данному вопросу. . . . Книга явится настольным пособием для антирелигиозников . . („Антирелигиозник", 1926 г., № 3).

В издании „АТЕИСТА" Вышли из печати:

„Миф о христе"—т. т. I и II. А. Древса, пер. с нем. под редакцией П. Красикова. (Распр.).

„Миф о христе"—А. Древса, пер. Н. Румянцева. 1 р.

„О боге и чорте" — памфлет Э. Даэнсона, пер. с франц. и примечания И. Шпицберга. (Распр.).

„Святой отрок Гавриил"—бейлисиада. (Распр.).

„Страшный суд, как картина звездного неба"—Д. Святского.

„Философия жизни Иисуса"—А. Немоевского. (Распр.).

„Евангельские мифы"—Джона Робертсона. (Распр.).

„Первобытный коммунизм и первобытная религия в историко-материалистическом освещении"—Г. Эйльдермана. (Распр.).

„Зеркало папизма"—Отто Корвина. (Распр.).

„Миф об Иоанне-крестителе"—Н. Румянцева. (Распр.).

„Жил ли христос?"—А. Древса. Изд. 2-е. (Распр.).

„Рождественская мифология"—Н. Румянцева. (Распр.).

„Религия и здравый смысл"—П. Гольбаха. (Распр.).

„Завещание священника Иоанна Мелье". (Распр.).

„Пасхальная мифология"—Н. Румянцева. (Распр.).

„Жил ли апостол Петр?"—В. Древса. 75 к. (Распр.).

„Что мы знаем об Иисусе?"—Э. Гертлейна, с нем. 40 к.

„Христианство и франц. революция"—А. Олара. 75 к.

„Святой Тихон амафунтский"—Н. Румянцева. 40 к. (Распр.).

„Святой Василий Грязнов—защита подмосковных акул текстильной промышленности"—И. Шпицберга. (2-е изд.). 30 к.

„От религии к атеизму"—библиографический сборник. 1 р.

„Смерть и воскрес. спасителя"—Н. Румянцева. 2 р. 50 к. (Распр).

„Дохристианский христос"—Н. Румянцева. 1. (Распр.).

„Церковь и 1905 год"—Б. Кандидова. 1 р. (Распр.).

„Миф о деве Марии"—А. Древса, пер. с нем. Н. Румянцева. 1 р.

„Мысли В. И. Ленина о религии". 1 р. 25 к.

„Занимательная библия" — Лео Таксиля, т. I. Пятокнижие; с 39 сатир. рисунками. Пер. с франц. под ред. Шишакова. Т. II. Иисус Навин — Соломон; с 23 сатир. рис. В. Триваса. 1 р. 25 к. Т. III. После Соломона; с 10 сатир. рис. В. Триваса. 1 р. (Распр.).

„Миф и религия"—Г. Эйльдермана. Пер. с нем. 70 к. (Распр.).

„Светс. календ. Вел. Фр. рев."—И. Вороницина. 30 к. (2-е изд.).

„Иисус или Карл Маркс"—Т. Гартвига, с нем. 30 к. (Распр.).

„Бог и страшный суд"—Т. Гартвига, с нем. (Распр.).

„История атеизма"—И. Вороницина. Изд. второе. Вып. I—Атеизм в древности—Свободомыслие в Германии XVII и первой половины XVIII столетия. 1 р. 25 к. Вып. II—Борьба с религией во Франции в первую половину XVIII столетия. Философская битва. 1 р. 25 к. Выпуск III. Борьба с религией и атеизм в эпоху Франц. революции. 1 р. Вып. IV — Немецкое просвещение в его зависимости от франц. просвещения и революции. Религиозное свободомыслие в России в XVII веке. 2 р. 50 к. Вып. V. Утопический социализм и религия. „Петрашевцы и религия". 2 р. 25 к.

„Церковь и просв. в России"—С. А. Каменева. 1 р. 25 к. (Изд. 2-е

„Из практики рясников"—П. Сэнтива и Ф. Мели. 50 к. (Распр.).

„Из христианского культа"—Статьи А. Древса, Г. Лешке и Н. Румянцева. 60 к.

„Золотая ветвь".—Д. Фрэзера. Вып. I. Магия и религия. Пер. с франц. 2 р. Вып. II. Табу-запреты. 1 р. 50 к. Вып. III. Умир. и воскрес. боги растительн. 2 р. 25 к. Вып. IV. „Богоедство и жертвоприн.". 3 р.

45675

ЦЕНА 1 р. 20 к.

„Руины"—атеистический памфлет Вольнея. Пер. с франц., с пред. и примечаниями В. С. Рожицына. 1 р. 50 к. (Изд. второе).

„Илья пророк"—Н. Румянцева. (Изд. второе). 70 к.

„15 лет за монастырской стеной"—Ф. Шахерля. 40 к.

„Буржуазия и религия"—Г. А. Покровского. 50 к. (Распр.).

„Папа римский в роли спекулянта"—пр. С. Г. Лозинского 25 к.

„Великий шантаж"—Н. Румянцева. 50 к.

„Легенда о христе в классовой борьбе"—Б. Кандидова. 60 к.

„Лев Толстой, как столп и утверждение поповщины".—Сборник полезных материалов. 1 р. 25 к.

„Декабристы и религия"—И. Вороницина. 60 к.

„А. Герцен и религия"—И. Вороницина. 25 к.

„Мысли Г. В. Плеханова о религии"—2 р. 25 к.

„Содержание корана"—Л. Климовича. 75 к.

„Белинский и религия"—И. Вороницина. 40 к.

„Жила ли дева Мария"—Н. Румянцева. 50 к.

„Нравы русского духовенства"—Е. Грекулова. 40 к.

„Воздвижение и первый спас"—Н. Румянцева. 20 к.

„Первоначальное христианство"—Г. Брандэса. 60 к.

„Существовал ли Иисус христос"—Э. Мутье-Руссэ. 65 к.

„Катастрофы на земле"—С. Кузнецова. 40 к.

„Что говорит религия и наука о жизни"—А. Михайловича. 45 к.

„Произошел ли человек от обезьяны"—В. Муралевича. 45 к.

„Парижская коммуна и церковь"—Э. Шика. 35 к.

„Жрец Тарквиний", трагедия в 3 д.—С. Поливанова. 30 к.

„Из истории Святой Инквизиции в России"—Е. Грекулова. 75 к.

„Как произошел человек"—проф. Б. Н. Вишневского. 65 к.

„Социальн. корни антисемит."—пр. С. Г. Лозинского. 1 р. 80 к.

„Занимательное евангелие"—Лео Таксиля. В 2 том. 2 р. 50 к.

„Избранные мысли К. Маркса и Ф. Энгельса о религии"—С предисловием и примечаниями. 50 к.

„Происхождение пасхи"—Н. Румянцева. 60 к.

„Вознесение, троица и духов день"—Н. Румянцева. 40 к.

„Мудрость змеиная"—А. Струве. Пьеса в 3 актах. 30 к.

„Крепостное право, церковь и революция"—М. Темкина. 30 к.

„Что видели на небе попы и что видим мы" Н. Каменьщикова 90 к.

„Мучен. богоиск.—Ф. Достоевский"—Г. А. Покровского. 80 к.

„Монахиня"—роман Дени Дидро. Перевод с франц. 1 р.

„Ведьма"—роман Мишле. Перевод с франц. 1 р. 75 к.

„Есенин, есенинщина и религия"—Г. А. Покровского. 50 к.

„Как произошел растительный мир на земле по библии и по науке".—Академика В. Комарова. 65 к.

„Чудо в посаде"—С. Поливанова. Ком. над ком. в 3 д. 30 к.

„Жизнь, смерть и бессм. по наук. и по биб."—В. Амурского. 30 к.

„Развитие и жизнь земного шара"—С. Кузнецова. 45 к.

„Происхождение таинства крещения"—А. Рановича. 25 к.

„Происхождение таинства причащения"—А. Рановича. 30 к.

„Крепостное право, церковь и революция"—М. Темкина. 20 к.

„Церковные колокола на службе магии и царизма"—проф. П. Гидулянова. 60 к.

„Миф об Иоанне крестителе"—Н. Румянцева. 40 к.

„Дохристианские верования и культы днепровских славян"—проф. Н. М. Никольского. 30 к.

„Поэт Некрасов и религия"—Г. А. Покровского. 45 к.

„Первоначальная христианская литература"—Г. А. Ван-ден-Берг-Ван-Эйсинга. 65 к.